

ОДИН ИЗ СОНМА

...от великого
...этого взглянул Я, и воу
...кожество людей, которая
...мог перечесть, из
...колен, и народов и языков
...престолом и пред
...одеждах и с
...Ат.

Николай Сизов

ОДИН ИЗ СОНМА

Николай Сизов

ОДИН ИЗ СОНМА

Автобиографические рассказы

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос)6-4
С34

Сизов Н. Н.

С34 Один из сонма: Автобиографические рассказы. —
Корнталь: Свет на Востоке, 2013. — 400 с. Издание четвертое.

ISBN 978-966-2089-66-0 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-17-1 (Герм.)

Автор рассказов приглашает читателя пройти с ним по векам его жизни, начиная от рождения в Кулундинской степи в голодные годы и до последних лет в эмиграции. Книга будет интересна и полезна всем, интересующимся историей евангельского движения в Советском Союзе и жизнью верующих во времена гонений.

Директор: Павел Давидюк

Редакторы: Валентина Новомирова, Вальдемар Цорн

Корректор: Ирина Никольская

Компьютерная верстка: Андрей Цорн

Изд. № 01.431

ISBN 978-966-2089-66-0 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-17-1 (Герм.)

© «Свет на Востоке», 2013

После сего взглянул я, и вот, великое множество людей,
которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен
и народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем
в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих.
И восклицали громким голосом, говоря: спасение Богу нашему
сидящему на престоле, и Агнцу!
... Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды
свои и убелили одежды свои кровью Агнца; за это они пребывают
ныне пред престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его...
Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце
и никакой зной: ибо Агнец, Который посреди престола, будет пасти их и
водить их к источникам живых вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их».

«После этого взглянул я: и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен, и колен, и народов, и языков стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих. И восклицали громким голосом, говоря: „Спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу!“

...Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровью Агнца. За это они пребывают ныне перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его... Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который посреди престола, будет пасти их и водить их к источникам живых вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их».

Откр. 7:9,10,14—17

От автора

Эта книга написана по настоятельной просьбе членов семьи автора, которые знали отдельные факты и события из жизни Николая и пожелали, чтобы это сохранилось на бумаге для них и их детей. А в сентябре 2002 года дети вручили имениннику объемистую книгу из чистых листов и коробку шариковых ручек с пожеланием: до следующего дня рождения исписать всю книгу, изложив в ней свои воспоминания о прошедшей жизни и служении.

Один мудрец сказал: «Молодые люди мечтают. Старики же вспоминают». И я тоже решил в конце земной жизни вспомнить прошлое и, исполняя желание родных, оставить им свои воспоминания.

Потому эта книга посвящается любимой жене, дорогим детям и внукам и рассказывает о жизни одного христианина из великого сонма подобных ему, чьи судьбы были одинаково трудны и в чьей жизни Бог обильно проявил Свою благодать и милость, и называется она «Один из сонма», то есть один из многих.

Хотя книга основана на жизненных примерах Николая, это не автобиография, а художественное произведение, повесть. Здесь приводятся и отвлеченные рассуждения, и советы, а иногда дается оценка поступков и событий.

Николай — не выдуманная и не собирательная личность, а реальный человек, на долю которого выпало немало трудностей и переживаний. Но эти трудности не сломили его, наоборот, они привели его к познанию истины и служению истинному живому Богу и помогли сохранить верность Ему до конца.

Автор не претендует на совершенство литературного изложения и просит у читателей снисхождения ко всем недостаткам стиля.

Эта книга написана сердцем, без всякой хитрости, с одной лишь целью: вспомнить все милости и благодеяния Божии, сохранить благодарность Богу в своем сердце и поддержать упование на Господа у других, как написано в Пс. 18:3: **«День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание».**

Начиная этот труд, автор просит Господа помочь ему описать жизнь Николая так, чтобы никому другому, но только Богу, существу на небесах, принадлежала слава, ибо от Него все приходит и Ему все принадлежит. «Не нам, не нам, а имени Твоему дай славу!»

Моей жене, детям и всем, кто прямо или косвенно содействовали написанию этой книги и ее выходу из печати, приношу самую сердечную признательность и искреннюю благодарность, совершая обо всех вас молитвы к Богу о Его благословениях и щедром воздаянии для вас!

ДА ВОЗДАСТ ВСЕМ ВАМ САМ ГОСПОДЬ!

Николай Никитович Сизов

ЧАСТЬ 1

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Глава 1

НАЙДЕННЫЙ В ПОЛЕ

Николай родился 11 сентября 1933 года. Но место рождения указать невозможно: он родился не в больнице, не дома, как принято было тогда в народе, а в безымянном поле.

Это случилось в далекой Западной Сибири, где лето всегда сухое и жаркое, а зима — с суровыми морозами и сильными снежными буранами, способными за одну ночь наместить сугробы снега до крыш домов.

К тому времени в Сибири уже почти повсеместно были созданы колхозы, но еще сохранились и отдельные крестьянские дворы, не вступившие в колхоз. Они имели свою землю и некоторую живность: овец, коров, свиней, лошадей. Хозяев таких дворов называли «кулаками». Николай родился в такой семье.

С наступлением сентября месяца в поле начинались работы по уборке урожая. Первым делом убирали пшеницу, дорожка не только каждым сухим днем, но и каждым часом. Поэтому выезжали в поле еще до восхода солнца, а возвращались домой с наступлением темноты. Выезжали все: мужчины, женщины, старики и дети. Работы хватало всем, даже малым детям, подносявшим взрослым попить воды или кваса.

В 1933 году, по народным приметам, зима ожидалась холоднее и длиннее, то есть она должна была наступить раньше обычного. Поэтому все торопились с уборкой урожая. В то памятное утро 11 сентября отец Николая вместе с женой, старшими детьми и несколькими сезонными рабочими выехал ранним утром убирать пшеницу.

Приехав на поле, отец с мужиками и старший сын начали жать серпами пшеницу, а мать с женщинами и старшей

дочерью — подбирать сжатое и вязать в снопики. Меньшие дети эти снопики ставили в стойки для просушки.

Работали дружно и споро, и уже к обеду мужики ушли далеко вперед. Чтобы сэкономить время на обеде, решили обедать раздельно. Меньшие дети отнесли часть пищи мужикам — хлеб, сало, яйца, картофель и квас — то, что взяли с собой в поле, — остальные уселись обедать там, где вязали снопы.

К вечеру вся пшеница была сжата, и почти все снопики были связаны и поставлены в стойки.

Когда отец подъехал на бричке к женщинам и детям, чтобы забрать их домой, было уже совсем темно. Взрослые и дети быстро уселись в телегу, меньших, уже сонных, взяли на руки, и отец направил лошадей домой.

Проехав часть пути, мама вдруг испуганно сказала:

— Никита, мы сына забыли!

— Какого сына? — удивился отец и осмотрел всех в телеге.

— Нашего, сегодня рожденного сына, — тихо ответила мама и потупила взор.

Отец посмотрел на маму, все понял и, поспешно развернув лошадей, погнал их обратно в поле.

Почти все поле было уставлено снопами в стойках. Все одинаковые. Где же он? Стали искать, обошли все поле, но нигде никого не нашли.

Тогда снова, растянувшись цепочкой, медленно пошли с одного края поля до другого, заглядывая в каждую стойку снопиков. По словам мамы, мальчик должен был находиться в какой-то стойке.

После обеда, родив сына, мама спеленала младенца и, чтобы не пекло его жаркое осеннее солнце и не намочил случайно дождик, положила его внутрь стойки из снопиков и, чуть отдохнув, пошла работать дальше. Так как на поле было множество таких стоек и все они были одинаковы,

мама тоже не могла узнать, где же та заветная стойка. Искали долго и, наконец, нашли: младенец спокойно спал, то ли уже вволю накричавшись, то ли не ведая никаких забот. Около мальчика валялась пустая марля, из которой мама делала соску с жеваным хлебом. Мама в радости схватила свое дитя и, крепко прижав к груди, закричала: «Слава Тебе, Господи! Слава Тебе! Он нашелся! Он нашелся!»

Домой возвращались уже ночью. По сторонам дороги, в полях, волки начали собираться в стаи, готовясь к охоте. Их вой пугал лошадей, которые бросались из стороны в сторону, и отец едва управлялся с ними.

Уже сидя на бричке, мама всю дорогу плакала от радости и повторяла:

— Слава Тебе, Господи, за Николая! Слава Тебе, Господи!

Когда вернулись домой, отец натопил баню, где сам вымыл новорожденного сына, принес его в дом и, отдавая матери, сказал:

— Возьми, мать, нашего Николая, береги его. Я так переживал за него, когда искали, но он удачливый. Если в этот вечер его не съели волки, то в жизни никакие «волки» его не съедят.

Мама удивилась, что отец уже назвал сына Николаем, но, не привыкшая перечить, промолчала и только утром спросила отца, почему он назвал его Николаем, ведь в родстве ни у отца, ни у нее никого с таким именем не было. Отец не менее удивленно ответил:

— Так ты сама всю дорогу и весь вечер повторяла: «Слава Тебе, Господи, за Николая!» Я согласен с тобой, пусть он будет Николаем.

Мать, рассмеявшись, пояснила, что она так говорила потому, что родившегося сына на поле нашел работник по имени Николай.

— Вот я и благодарила Бога за того Николая, — уточнила она.

— Ну ладно, — сказал отец, — пусть и этот будет Николаем, пусть и он в своей жизни обрадует какую-нибудь мать. У него было необычное рождение, и жизнь его будет необычной.

Так и остался мальчик Николаем, девятым ребенком в семье кулака Никиты, но не последним, ибо Никита любил детей и часто повторял слова из 126-го псалма: «Вот наследие от Господа — дети, награда от Него — плод чрева. Что стрелы в руке сильного, то сыновья молодые. Блажен человек, который наполнил ими колчан свой!»

Эту же мысль через много столетий повторил Вильям Шекспир в одном из своих сонетов:

Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторенный,
И вправде будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покоренной!

Мой же отец свое желание иметь много детей выражал проще:

— Я не хочу, чтобы у меня во дворе было больше кошек и собак, чем детей!

Наверное, желание Николая иметь много детей перешло к нему от отца!

Да благословит Господь всех вас, мои многодетные братья и сестры, в надежде, что дети не только здесь, в земной жизни, но и в вечности будут радовать всех вас! Молитесь и воспитывайте, приведите к Господу и укрепите ваших детей в вере, и Бог вознаградит вас!

Глава 2

РОДИТЕЛИ

Никита Михайлович, отец Николая, считался зажиточным крестьянином в своем селе Истимис, которое затерялось на больших просторах Сибири. Он имел большой, хороший дом, несколько пар волов, коров и овец, по просторному двору ходили гуси, куры, индюки. В сарае хрюкали свиньи, в конюшне стояли лошади. Одна тройка служила для выезда в город, другие лошади были рабочими: заготовить на зиму дрова, вспахать землю, засеять поле, свезти урожай в амбар, обмолотить хлеб, отвезти зерно на мельницу, зимой съездить в поле за соломой — все это было уделом рабочих лошадей, которых было немало.

Чтобы содержать большое хозяйство в полном порядке и наблюдать за ним — вовремя вспахать и посеять, вовремя собрать урожай и накосить на зиму кормов скоту, зимой подвезти эти корма с поля ко двору, раздать его вовремя скотине и делать многое другое, — Никита нанимал сезонных работников, которые из года в год были почти что одни и те же. Хозяин он был хороший, работников не обижал. Работники жили рядом, в красивом доме, платил им Никита исправно и хорошо, доверял вести хозяйство, и работники охотно оставались у него из года в год.

В селе люди любили Никиту, он был мужик добрый. Ребятишки на праздники гурьбой валили в его дом, чтобы получить угощение, которого там всегда было в достатке для всех, а заодно и покататься на тройке. На праздники Никита всегда держал тройку запряженной в расписной тарантас или сани-розвальни и сам лично, с большой охотой, погонял лошадей, наполнив тарантас или сани ребятней, а любителям голубей дарил для расплода по паре своих сизарей. Взрослые тоже уважали Никиту. Веселый бала-

гур, умеющий поддержать компанию, безвредный и не жадный, честный и справедливый, готовый поделиться с нуждающимися инструментом, семенным зерном, деньгами и даже лошадьми, Никита везде и всегда был желанным гостем.

И только сельский священник не любил Никиту и открыто выражал свое недовольство. Да и Никита не питал к нему особой любви. Острые сравнения Никиты, шутки и рассказы о батюшке доходили до слуха последнего, и это еще больше озлобляло его. Особенно злым священник был, когда выпивал. А случалось это часто, за что Никита и обличал неверного «слугу Божия». В такие дни священник предпочитал не выходить из дому и не попадаться Никите на глаза. Иначе он мог не только услышать обидные шутки, но и «увидеть» их: Никита связывал священнику руки за спиной и отправлял его домой. По пути пьяный батюшка падал, не мог подняться без помощи рук и лежал так часами на улице, у всех на виду. На следующей церковной службе Никите доставалось: священник называл его нехристом, дебоширом, слал в его адрес проклятия и призывал истинно верующих не общаться с «отступившим от веры». Но большего, чем отлучение от церкви, священник сделать не мог. От церкви же он Никиту отлучил давно.

Зол был священник на Никиту и за голубей, которыми тот гордился и которых у него было очень много, так много, что он и сам не знал им числа, но их было тысячи. Они достались ему от отца, который был страстным «голубятником». Голуби часто усаживались где только можно на православной церкви, отчего карнизы и наружные стены церкви имели непривлекательный вид. Никита же говорил батюшке:

— Это же, батюшка, Божии птички, Его творение, на них сердиться не дозволено Богом.

Пожаловаться на Никиту своему вышестоящему начальнику священник боялся, потому что знал: тогда станет известно о его пьянстве, а за это по голове не поглядят. Так и жили они в одном селе: не ладили, но и до драки дело не доходило.

Будущая мама Николая была бедной сиротой. Она очень рано лишилась родителей и росла у дяди с тетей. Еще подростком она начала работать в богатых домах, сначала поденщицей, потом няней. Когда ей исполнилось шестнадцать лет, ее взял кухаркой на свой постоялый двор богатый купец. Там ее впервые и увидел Никита, когда заехал с отцом к купцу за покупками и остановился у него на ночь. Это была стройная, красивая девушка. К тому же она была мастерицей на все руки: умела нянчить детей, шила, вязала, пряла и хорошо готовила. Никита с первого взгляда полюбил эту девушку и решил на ней жениться.

Отец Никиты, узнав о намерении сына, одобрил его выбор, потому что как раз такая работница и была нужна для их большого хозяйства. Вскоре они снова поехали к этому купцу, и на этот раз Никита объяснился в любви Хаврошке (так звали девушку). Но здесь же он узнал печальную для себя новость: купец имеет намерение женить на ней своего дальнего бедного родственника, с тем чтобы она навсегда осталась работницей в его доме. Но Никита был не из тех, кто легко сдается. В тот же вечер отец с Никитой переговорили с купцом, чтобы забрать у него Хаврошку. Купец и слышать не хотел об этом. Но, будучи жадным и увидев, на какой тройке приехали «сваты», согласился отдать Хаврошку взамен на тройку лошадей в упряжке. Михайло, отец Никиты, любил эту тройку и долго не соглашался на такую сделку. Но после длинных разговоров был заключен договор: они пригоняют ему эту тройку и через неделю забирают невесту. За это время купец должен был собрать ей приданое. В эту же ночь Ни-

кита поговорил с девушкой, и она согласилась выйти за него замуж.

По приезде домой Никита рассказал отцу о том, что они с Хаврошкой договорились через два дня снова встретиться, и он тайком увезет ее из купеческого дома. Отец не хотел нарушать договор и просил Никиту помедлить с его решением. Но первая любовь не давала Никите покоя, и ночью он тайно, верхом, уехал за невестой. Михайло, будучи честным человеком, запряг свою любимую тройку, и тоже отправился к купцу. Утром купец не нашел своей работницы, но, увидев тройку, стоявшую у его дверей, смирился и даже обрадовался, потому что не нужно было Хаврошке собирать приданое. А Никита верхом на лошади ночью увез свою невесту без всякого приданого.

Сыграли свадьбу, и молодые зажили в любви и согласии, дружно и весело. Свекор Михайло и свекровь Фекла души не чаяли в Хаврошке. Они полюбили ее за веселье и открытый нрав, за усердие в работе, за ее послушание, за нелицемерную ко всем любовь. Свекровь особенно любила невестку за то, что та была исполнительницей и не ленивой. По дому она все делала быстро и хорошо, притом с охотой, а свекор особенно жаловал Хаврошку за ее стряпню.

Так и жила Хаврошка в новой, большой семье, окруженная любовью и заботой, любя всех и благодаря Бога за то, что Он так устроил ее жизнь после тяжелых сиротских лет.

Спустя время Михайло отделил Никиту с семьей, построив рядом для них дом. Но еще много лет он ходил потом на вкусные обеды к своей любимой Хаврошке.

У Хаврошки появились дети, которых она, как и всякая мать, очень любила и нередко прощала им больше, чем нужно. Отец же был, как говорят, без ума от своих детей. Он любил и баловал совершенно чужих детей, тем паче

своих! Отец никогда не наказывал провинившихся детей физически. Дети тоже питали к родителям ответную любовь и были у них в послушании.

Сегодня Николай от своих детей тоже видит искреннюю сердечную любовь, за что он благодарен им и Богу!

Когда-то я прочитал:

Для этого не нужно быть мыслителем,
Чтобы понять исход семейных драм,
Как мы относимся к своим родителям,
Так дети будут относиться к нам!

Глава 3

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Детство у Николая было трудным. Уже с третьего дня своей жизни, хотя он был еще в пеленках, он провел всю осень на поле, где работали его отец и мать. После жатвы зерновых — пшеницы, овса и проса — резали подсолнухи, затем выкапывали картофель, свеклу, морковь, а поздней осенью, в дождливые дни, брались за капусту. И Николай почти не видел матери, она вся была в работе: в поле и в огороде, в доме и в хлеву — везде она была нужна, везде ее ждала работа.

Не менее трудной была и зима в тот год. В ту зиму отца посадили сначала в острог (глубокий и заброшенный колодец без воды), потому что он отказался добровольно сдать в колхоз свою корову и лошадей. Но после того как насильно забрали со двора всю живность, отец вернулся домой. Однако покоя не было: его постоянно вызывали в район на допросы, все искали собранный урожай. 1933 год выдался голодным, и у крестьян-единоличников забирали

из амбаров и погребов так называемые «излишки» урожая, оставляя хозяину с семьей лишь малую долю запасов и обрекая их на полуголодную жизнь. У всех находили «излишки», у всех забирали, а во дворе у Никиты никогда не было ничего, кроме мешка муки, бутылки подсолнечного масла, кадушки с соленой капустой и картошки в углу погреба. Это — на одиннадцать человек семьи!

«Где спрятал урожай? Куда увез? Где хранишь?» — такие вопросы Никита и его жена слышали постоянно, но вразумительных ответов не давали. Зима только началась, а в доме Никиты в любое время дня и ночи при проверках не находили никаких «излишков».

Отец же, пока были благополучные дни, предчувствуя тяжелое время, весь урожай пшеницы и проса возил на мельницу, где молот на муку. Из подсолнухов выбивал масло на маслобойне, а темными дождливыми осенними ночами увозил к озеру мешки с мукой и картошкой, деревянные бочки с маслом и опускал их в озеро, где они могли храниться несколько лет. Только края мешков покрывались тонкой, но плотной коркой теста, все же содержимое оставалось внутри совершенно свежим. Кочаны срезанной капусты закапывали в снег, которого в ту осень было достаточно. Чтобы найти, нужно было знать места этих тайников.

Продотрядчики так и не смогли ничего обнаружить и, решив разделаться с «хитрым кулаком», отправили Никиту в районную тюрьму как саботажника и врага колхозов. Из тюрьмы он сбежал и был в «бегах». Власти вначале искали Никиту дома и по родственникам, а потом, после двух лет напрасного труда, оставили поиски, признав его погибшим, а жену — вдовой. За эти два с половиной года Никита по временам навещался домой и из озера доставлял семье припасенные продукты. Потом он указал старшему сыну Василию места, где хранились мешки с мукой

и бочки с маслом. И уже сын взял на себя снабжение семьи продуктами из озера.

Так продолжалось более трех лет. И только когда сельские власти перестали наблюдать за его домом, Никита, холодной осенней ночью вернулся домой, пошел к колхозной конюшне, особым свистом вызвал оттуда свою любимую лошадь, которая, услышав сигнал своего бывшего хозяина, оторвалась от привязи и выбежала к нему. Отец запряг эту лошадь в стоявшую здесь же телегу, подъехал к дому, забрал жену и детей и всю ночь гнал лошадь — подальше от родного дома.

Остановился он только в рабочем поселке Купино, потому что уже наступило утро. Здесь он обменял свою лошадь на двух волов в упряжке, получил еще небольшую доплату продуктами и поехал в Кулунду в поисках работы, где была большая железнодорожная станция и промышленные предприятия.

Там Никита и остановился. Вскоре он устроился на строительство большого элеватора. Никита был хорошим плотником и сразу понравился бригадиру, который вскоре оставил его вместо себя, а сам куда-то уехал, выдав ему справку для получения паспорта, так как началась повсеместная паспортизация населения.

Это уже был 1937 год, год тяжелых испытаний для многих людей, в том числе и для христиан. По доносам и по малейшему подозрению проводились обыски и аресты. Дошел черед и до Никиты. В маленькую хату, которую он построил из глины и камыша, весной 1938 года пришли какие-то люди и перевернули все, но ничего подозрительного не нашли, кроме большой Библии, которая была собственностью семьи еще с войны 1914 года. Библию забрали, увели с собой и отца.

В большом кабинете, куда привели Никиту, начались допросы: где жил раньше, почему оказался здесь, чем за-

нимался в революцию, доволен ли советской властью и тому подобное. Комиссия по допросам, видно, кого-то ждала, вопросы задавали торопливо, притом сразу несколькими приведенным сюда людям. Не дослушав ответ на один вопрос, задавали другой, перебивая друг друга, — нервничали. И когда кто-то из комиссии говорил: «Хватит», тогда человека отпускали, и кричали на улице: «Давай другого!»

Настал черед и Никиты. За него доброе слово замолвил начальник строительства:

— Этот — настоящий трудяга, пашет как вол. Он политикой не интересуется.

Другие махнули рукой, и Никита уже было направился к выходу, но его остановил громкий бас:

— погоди! Подойди сюда! Скажи, голубчик, откуда у тебя эта Библия? И есть ли у тебя еще какие книги?

— Нет, — отвечал Никита, — я никакой другой литературы не читаю. А эту Библию я принес как трофей из Германии, после войны.

Гепеушник взял Библию и начал ее перелистывать: она была старенькая, первых листов в ней уже не было.

— Христианин?

— Да, — отвечал Никита.

— Какой веры?

— Православной.

— Оно и видно, что ты православный.

— Откуда же это видно, что я православный?

— От тебя перегаром за версту несет!

И это была правда. Уходя из дома, Никита выпил для храбрости большой стакан водки, и сейчас это было не только «слышно», но и заметно.

Никита усмехнулся, взял Библию и пошел.

Родители Николая были воистину православными христианами. Они жили в селе, где ни о каких сектантах

не было слышно, затем были в бегах, потом — в работе. Отец работал на стройке в две смены и приходил домой запоздно. Мать убирала в школе, старшая сестра и старший брат тоже работали. С Николаем дома оставался брат, на три года старше его, и младшая сестренка. И хотя Никита в церковь не ходил, но Библию читал всегда: в кругу друзей-работяг, с членами семьи.

В памяти у Николая навсегда остались светлые воспоминания о субботних и воскресных вечерах летом, а зимою — почти ежедневных. Вся семья собиралась дома. Ужинали все вместе, за одним общим столом. Потом меньшие дети забирались на широкую теплую русскую печку; мама садилась рядом с печкой с каким-нибудь рукоделием: вязала на спицах, вышивала или прядла; старшие дети садились рядом с мамой; отец усаживался за стол, на который ставили керосиновую лампу, и, открыв Библию, читал из нее истории. Дети с интересом слушали, а частенько и засыпали под чтение Библии.

Семья Никиты начала подниматься на ноги: уже расширили свой дом, во дворе появились куры, гуси, корова и несколько овец. Николай жил в дружной и веселой семье.

Но вдруг появились тревожные вести: скоро будет война. Люди стали запасаться солью, спичками, продуктами. Сразу опустели магазины, в них реже стали привозить хлеб.

И вот как гром среди ясного дня: Германия напала на СССР. Началась война. Николаю было тогда семь с половиной лет. Детство закончилось. Как жаль, что «детство — это состояние, которое нельзя повторить, но вернуться в него — можно»!

А кто-то сказал:

«Детство — счастливейшие годы жизни, но не у всех!»

Глядя на своих внуков, Николай часто говорит им, чтобы они ценили то, что имеют, и благодарили Бога за

хорошие годы, в которые они живут, и благодарили Бога за Его милости к ним!

Детки! Радуйтесь, что вы имеете папу и маму, что вы живете в хорошее, мирное время, что вы не голодны, что вы имеете счастливое детство, и благодарите за все это Бога! Чтобы не вышло так, как говорят люди: «Имеют – не ценят, потеряют – плачут».

Глава 4

ВОЕННЫЕ ГОДЫ

В те далекие 40-е годы XX столетия радиоприемники были не у всех. Чтобы люди могли слушать сообщения и другие объявления, на улицах городов и сел вешали на столбах репродукторы. На всю свою жизнь Николай запомнил тот летний день 1941 года, когда диктор Левитан передал сообщение о начале Великой Отечественной войны.

Еще не осознавая до конца, насколько это плохо, он ощутил страх. Взрослые были на работе, старший брат в школе, а он один на улице. Он ждал стрельбы, всадников на лошадях, криков, стонов, но этого не было. Тем не менее, все люди как-то сразу изменились: лица стали мрачными и суровыми; замолкли веселые разговоры и смех; улицы опустели. Равномерная жизнь была нарушена. И только почтальоны бегали по улицам, раздавая парням и мужчинам повестки в военкомат.

Кулунда была большой узловой железнодорожной станцией, откуда уходили поезда в Москву, на Дальний Восток и на юг. Вскоре после объявления войны со стороны станции стали часто раздаваться звуки духового оркестра: это отправляли на фронт очередные партии солдат.

Осенью этого же 1941 года взяли на фронт отца Нико-

лая. Еще раньше, летом, призвали в армию старшего брата, Василия, который работал на железнодорожной станции составителем поездов и которому исполнилось двадцать лет.

Николай на всю жизнь сохранил в памяти образ старшего брата и отца, ушедших на фронт: они были в темно-зеленых брюках и гимнастерках, перетянутых широкими ремнями, с пилотками на бритых головах, в сапогах и с вещмешками за спинами.

Старшего брата провожали до самого поезда и посадки в вагон. Отца провожать до станции уже не разрешалось: все прощались дома. Прощание было недолгим. Никита с призывного пункта забежал домой и стал прощаться. А по улицам уже шли машины и, сигналив, собирали солдат и увозили на вокзал к поезду, куда доступ гражданским лицам был запрещен.

Когда вся семья вышла на улицу, он еще раз обнял жену и дважды ее поцеловал. На руках у мамы был двухлетний сын, которого он также поцеловал, затем, подходя к сыновьям и дочерям, обнимал их и целовал на прощанье. Потом снова подошел к жене, крепко обнял ее и, трижды расцеловав, побежал к машине. Мама зарыдала, дети заплакали, а отец, резко обернувшись, вернулся снова и обнял жену, что-то сказал ей, еще раз обнял Николая, который стоял около матери, достал из кармана гимнастерки маленький кусочек сахара, отдал его сыну и сказал:

— Когда не будет хлеба, молись Богу, и Он не оставит вас!

Николай впервые в жизни заметил, как, вместе со всеми, отец тоже плачет. Водитель настойчиво сигналил, и Никита побежал, у машины он еще раз оглянулся, помахал рукой и уехал вместе с другими навстречу смерти. Больше Николай своего отца не видел.

Никита погиб в начале 1943 года при защите Сталин-

града, (о чем известил официальный документ, получивший название «похоронка»). Его имя и фамилия сегодня значатся на мемориальной доске на Мамаевом кургане в Сталинграде (ныне Волгоград). Отцу посмертно было присвоено звание «Героя Советского Союза».

Через год пришла похоронка на Василия. Вскоре за этим пришло еще одно извещение, что муж старшей сестры Николая пропал без вести. Из троих мужчин, ушедших на фронт, ни одного не осталось в живых. Не много ли это для одной семьи?!

От тяжелых переживаний мама заболела и слегла. Старшая сестра с ребенком, жившая отдельно, перешла к матери, и стали жить одной общей семьей: двое взрослых и шестеро детей. Трое подростков ходили в школу, а трое еще были малыши и оставались дома. Из восьми членов семьи только одна старшая сестра работала: мать была очень больна, а дети были слишком малы для работы.

Не получая никакой денежной помощи от государства, имея только скудный паек и небольшую зарплату старшей сестры, семья стала испытывать трудности, а то и голодать, особенно зимой. Летом с едой было легче. Весной листья крапивы, щавеля, лопуха, подорожника и много другой зелени варили и ели. Полевой лук, огуречная трава, солодовый корень, клевер, полевая кашка — дополняли рацион. Летом поспевали горох, фасоль, огурцы, кукуруза, подсолнухи, морковь, помидоры — это были уже «деликатесы», и есть их было одно удовольствие!

Хорошо, что у каждой семьи были огороды, на которых можно было что-то посадить. Трудность составлял лишь полив огородов. Жаркое лето требовало ежедневного полива. Воду доставали из колодцев, которые были рассчитаны на тридцать дворов. Сутками у колодцев стояли тележки с бочками, которые наполнялись согласно очереди. А для полива огорода одной ходки не хватало: нужно

было два-три раза занимать очередь и заливать свои бочки ведрами, вручную, набирая в колодце воду.

Но если летом с пищей становилось легче, то работы становилось намного больше, нежели зимой.

Все лето, начиная с ранней весны, слабая от болезни мама, старший брат и Николай брали двухколесную тележку и ехали на поле — километров за десять. Там нужно было нарвать травы, сложить ее в возок и привезти домой. Дома эту травку разбрасывали по двору для сушки, предварительно убрав вчерашнюю и сложив ее в копну. И так каждый день, ведь нужно было заготовить на всю длинную сибирскую зиму корм для коровы, телят и нескольких овец. А это требовало много труда и времени.

Заготовив сухой травы на зиму, брались за заготовку топлива. Вокруг Кулунды лесов не было, а окружали станцию только бескрайние засеянные поля и поросшие полынью пустоши. Угля в те годы в Кулунду не привозили. Так что ни угля, ни дров, ни газа, ни электричества не было. Топили тогда печи коровьим кизяком и сухой полынью. Чтобы собрать кизяк, нужно было ехать за пять-семь километров, ходить по полю с мешком за плечами в поисках сухого кизяка и насобирать его полную тележку. Это было нелегко: горячее солнце палило нещадно, ноги от долгой ходьбы по полю подкашивались, все тело ныло. А ведь нужно было еще нагруженную кизяком тележку тянуть домой.

Вернувшись домой, разгружали тележку, обедали и снова отправлялись в поле, чтобы привезти сухой полыни. Так как полынь росла на пустошах, за ней приходилось ходить далеко. Вокруг сел колхоз распахивал и засеивал поля, а дальше, на заброшенных землях, люди сажали картошку и овощи. А еще дальше росла полынь. Ее ломали и резали серпами, складывали в тележку и везли домой за десять с лишним километров. Обратный путь домой после

второй ходки был труднее первого. Все уже уставали: за спиной целый день работы, хочется есть и пить, во рту горький налет полынной пыли, а тут еще тяжелая тележка, которую нужно было тянуть домой по бездорожью.

Обессиленные трудом, голодом и жаждой, доходили до первой избы и там просили воды напиться. Воду обычно давали, но случалось, что попадали к сибирским староведам, которые никогда не давали воды и прогоняли чужаков со двора. Обидно было за такое «гостеприимство», но упрашивать их было бесполезно.

Часто пили воду по дороге домой из лужи, оставшейся на дороге после дождя. Вода была грязная, теплая, но жажда брала верх, и дети, несмотря на уговоры мамы не пить эту воду, пили. Наклонялись к земле и лакали ртом, как собачонки. Чтобы успокоить маму, пили через свои рубашки, как через фильтр, отчего вода не становилась чище.

Но зато, добравшись домой, пили воду, кто сколько хотел. Утолив жажду, немножко ели и, утомленные жарой и длинными дорогами, ложились отдыхать.

А ведь Николай был подростком, и ему, как и прочим детям, хотелось бегать, играть, купаться в реке. Но на это времени почти не было. Однако он и другие дети, немного отдохнув, выбегали поздним вечером и играли в прятки, в догонялки, в лапту, в футбол... И откуда только бралась энергия?! С большой неохотой расходились по домам по зову матерей уже поздним вечером, а завтра, ранним утром, снова брались за свою привычную работу.

И так все лето. Зима в Сибири длинная и очень морозная. Чтобы в избе было тепло, нужно было много топить. Значит, и много нужно было заготавливать топлива.

Полынью не только печи топили: из нее делали заборы между огородами соседей, стены сараев. Так что полыни нужно было очень много.

Если старшие дети и мама были заняты заготовкой корма и топлива, то меньшие, оставаясь дома, по очереди носили воду из колодца, наполняли бочки, на тележке привозили их домой и поливали огороды.

Осенью все старшие дети выходили на уборку урожая: копали картошку, морковь, лук, свеклу, резали капусту. Николай очень любил это время года: красивые краски на полях и огородах, а главное, много еды. Разводили костер, туда, в кучу золы, бросали выкопанную картошку, потом печеную горячую картошку посыпали солью и с аппетитом ели. Что это была за картошка! Такого вкуса словами не передать! Это нужно попробовать!

Убрав небольшой урожай дома, шли на заработки в деревни. В деревнях колхозники имели большие земельные участки под огородами и с наступлением осени нанимали временных рабочих для уборки картошки и других овощей.

Мама с Николаем и другими детьми тоже занималась убирать урожай. Наемным рабочим тогда платили «натурой», то есть продуктами и овощами; кормили обедом, а некоторые хозяева даже и ужином. А еще разрешали печь картошку в кострах.

Если деревня была близко, на ночь шли домой и везли на тележке дневной заработок. Если же деревня была далеко от дома, тогда оставались там ночевать. Иногда жили в деревне неделю и больше. Зато домой возвращались счастливые и довольные. Как правило, сам хозяин, у которого работали, привозил заработанное прямо домой. Николай очень любил сидеть рядом с хозяином и управлять лошадьми.

Осень, вместе с достатком приносила и много дополнительной работы. После уборки картошки наступала пора сбора колосьев на полях. Собирали колоски пшеницы, проса, остатки кукурузы, подсолнухов. Это было нелегко:

за каждым найденным колоском нужно было наклониться, чтобы поднять, положить его в сумку, снова наклониться — и так весь день. К вечеру спина ныла, в глазах темнело, голова кружилась, но предстоящая зима заставляла это делать, и притом с усердием.

Были при этом и другие неприятности. Собирать колоски мешали объездчики полей. Они были на лошадях и потому догоняли самого быстрого. Догоняя, они безжалостно отнимали сумки, а собранные колоски разбрасывали по полю. Председатель же ближайшего к Кулунде колхоза, по фамилии Сапелко, не только разгонял собирающих, но и бил бичом, бил и женщин, и подростков, бил без жалости и сострадания. Когда он внезапно появлялся верхом на лошади, все собиравшие колосья бежали что было сил в ближайшую лесопосадку. Отстающих он догонял, отбирал сумки с драгоценными колосками, бил жертву бичом и топтал лошадю. Он много людей покалечил, еще больше избил. Два раза досталось от него и Николаю, который потом рыдал, как малый ребенок. Плакал не от боли, а от обиды, что его бьют ни за что, и больше всего оттого, что он сегодня ничего не принесет домой.

После второго избиения бичом у Николая созрел план отомстить Сапелко. Прощать тогда он еще не научился, а люди были несправедливо жестоки к нему. Николай смастерил рогатку, разбил на куски несколько поршневых колец и ушел в лесопосадку у дороги, ведущей из Кулунды в село, где жил председатель. Он просидел там целый день и только к вечеру увидел, как возвращается домой его враг. Сапелко ехал медленно, развалившись в тарантасе, запряженном тройкой лошадей.

Николай подпустил его как можно ближе, прицелился и выпустил из рогатки кусок металла. Выстрел был метким и пришелся в лоб: Николай видел, как полилась кровь. Сапелко быстро оглянулся, никого не увидел, хлестнул ло-

шадей и помчался в село. Боясь, что сейчас начнется облава, Николай бросился бежать по лесопосадке, но потом, устав, затаился в чаще кустарника и просидел там до наступления темноты. Но он был доволен. Во-первых, потому, что отомстил своему врагу, во-вторых, что его не поймали.

Добывать колоски иногда приходилось из-под снега. Это обычно случалось весной, особенно когда она была поздней, припасенное с осени за долгую зиму было съедено и приходилось туго. Тогда Николай вместе с несколькими сверстниками шел в поле, маленькой лопаткой раскапывал снег до земли, потом разгребал его замерзшими руками, чтобы найти уцелевший колосок пшеницы или проса. Работа шла медленно: руки мерзли, дети отогревали их дыханием или на время запихивали под фуфайку и снова разгребали снег. Проходили часы, прежде чем набирали два десятка колосков. Мокрый и озябший, но счастливый, бежал Николай домой. Дома ожидала большая деревянная бочка, до половины наполненная горячей водой, которую готовила мама к его приходу. Забежав в избу, Николай раздевался, залазил в бочку и сидел, пока не отогревался.

Меньшие дети в это время растирали колоски, выбирали зернышки и мололи на маленьких самодельных ручных мельницах, которые имелись в те дни почти в каждом доме. Получалась грубого помола мука, в которую мама добавляла растертую вареную кожуру картофеля и древесные опилки с пилорамы и пекла оладьи. Оладьи получались не особенно вкусными, но желудок что-то получал, и Николай бежал в школу.

А сегодня многие люди хлеб не ценят. Куски, а порой целые буханки хорошего белого хлеба, куски вкусной пиццы и колбасы выбрасывают на помойку. А ведь это хлеб Божий, и Господь может в любое время взять

этот хлеб назад, как написано в Книге пророка Осии (2:9): **«Я возьму назад хлеб Мой»**. Это говорит Господь. Хочется крикнуть во весь голос: «Люди! Берегите хлеб!» Сегодня еще более половины людей земли недоедают, а более трети жителей планеты – голодают, многие умирают от голода. С благодарением принимайте хлеб и делитесь им с нуждающимися. Говорят, что много есть – вредно, а я добавляю: мало есть – еще вреднее.

Глава 5

«СОЛЕНОЕ» ЗАНЯТИЕ

После уборки урожая на полях и огородах, когда уже перестают идти осенние дожди, для мамы с Николаем наступало время сбора урожая соли. Да, да... самой обыкновенной соли.

В военные годы соли в магазинах вообще не было, а без соли, как известно, еду не приготовишь. Соль, как и хлеб, всегда одинаково нужны и одинаково дороги. Благодарили ли вы за соль, что она есть в вашем доме всегда, каждый день? Нет? Поблагодарите сегодня Бога за эту чудесную соль, о которой сам Христос сказал, что она добрая вещь!

Мама Николая знала еще с девичьих лет одно соленое озеро за 70 километров от Кулунды. Туда и отправились однажды мама с сыном на бричке, в которую запрягли корову. Через три дня они достигли этого озера и начали работу. Николай выше колен заходил в холодную воду, наклонялся и решетом черпал со дна озера осевшую там соль. Набранную соль вместе с частью песка высыпал в ведро и снова повторял ту же процедуру, пока ведро не наполнялось до половины или чуть больше. Тогда он с ведром в руках выбегал из воды, высыпал содержимое на

большое решето на берегу и начинал бегать, чтобы согреть промерзшие до костей ноги. Немного согревшись, Николай снова должен был возвращаться в озеро и в холодной воде продолжать свою работу. В день нужно было заходить по 50—70 раз. К вечеру ноги становились опухшими и красными от холода и соли.

За ночь у костра ноги мальчика, укутанные в одеяло, отходили и обретали нормальный вид. Но предстоял новый день, и этот день пугал, потому что в памяти был еще сверхтрудный вчерашний. Но было нужно, и он безропотно снова шел в холодное осеннее озеро и снова бегал по его берегу в надежде хоть как-то согреться. На берегу мама в решете отделяла соль от песка и готовую соль ссыпала в бричку, обитую фанерой и брезентом. Работали весь световой день. Корова паслась рядом. На то, чтобы наполнить бричку чистой солью, уходило два дня. Эта работа называлась «драть соль». Воспоминания об этом остались на всю жизнь, и они не из самых неприятных. А вкус соли во рту оставался на несколько дней.

Мама как могла ободряла Николая, повторяя слова народной мудрости, что «лень — мать всех пороков, а там, где честный труд в почете, — цветы прекрасные цветут!»

И Николай трудился и не роптал, хотя и приходилось нелегко!

Дети! Любите и вы труд! Помогайте своим родителям и престарелым людям, и вы переживете сердечную радость, к тому же Сам Бог воздаст вам за сделанное вами с любовью доброе дело! Маленький Иисус тоже помогал Своему отцу, и помогал с любовью и усердием! Будьте и вы похожи на Иисуса во всем!

На возвращение домой уходило около недели. Во-первых, бричка, нагруженная солью, была тяжелой. Во-

вторых, домой ехали окружными дорогами через села, с более частыми и долгими по времени остановками.

Таким образом, на одну рабочую поездку за солью уходило две недели. Проезжая через села, останавливались и открывали «торговлю». Люди с охотой шли за солью и несли в обмен продукты: яйца, муку, пшено, кукурузу, семечки, пшеницу, хлеб, сало и всякую всячину, даже живых кур и гусей. Все это сортировалось и укладывалось в бричку. Соли становилось все меньше и меньше, а продуктов все больше и больше. Так они проезжали несколько сел, и соль заканчивалась, зато бричка была полна продуктов. Это все были дополнительные запасы на зиму, на долгую морозную сибирскую зиму.

Таких поездок за осень нужно было сделать две или даже три. Возвращение домой всегда было радостью. Ведь ехали не куда-то, а домой, домой же детей тянет особенно сильно. К тому же ехали с продуктами, и их можно было есть по дороге. Съесть кусок белого хлеба, да еще с салом или сметаной, для Николая было приятным вознаграждением за его нелегкий труд. Мама ему в этом не препятствовала.

Но случалось, что возвращение домой было трудным. Так однажды, не доезжая до дома километров пятнадцать, нужно было остановиться на ночь у мельницы, потому что дело было уже к вечеру. Но Николаю очень уж хотелось спать дома, в тепле, и он упросил маму ехать, чтобы хоть к полуночи быть дома. Корова, уже усталая, с трудом потянула бричку дальше. Часа через два стемнело. Подали голоса волки, которых в то время в Сибири было очень много. Волки были бедствием. Зимой они были голодны и подходили к селам, проникали в сараи и уносили живность, какую найдут: овец, телят, кроликов, убивали коров и даже собак. Летом, когда волки не такие голодные, они убивали, что найдут и, не съедая всего, бросали задушенное на месте

или за селом. Падалью, как известно, волки очень редко питаются. В те годы находили много людей, особенно доярок и пастухов, заеденных волками. Так что встреча с ними не сулила ничего доброго.

В тот вечер, когда Николай с мамой возвращались домой, они повстречались с волками. Сначала отдельные голоса волков были слышны вдали. Затем, когда проселочная дорога пошла полями, к ней с обеих сторон близко подступили заросли полыни, вой волков стал ближе и дружнее: волки собирались в стаи. Послушная до этого корова враз переменялась: она заволновалась, стала метаться из стороны в сторону, останавливалась или даже бежала, как лошадь, рысью. Пришлось взять ее за повод и идти рядом, успокаивая.

Уже совсем близко, у дороги, стал слышен протяжный вой, и наконец показались сами волки. Они вышли стаей на дорогу и уселись впереди. Что делать? Возвращаться назад к мельнице, где жили люди, имелся хороший сарай и где наша корова была бы в полной безопасности? Но корова уперлась и невозможно было ее повернуть. Она храпела, била землю копытами, дико озиралась по сторонам, и стоило большого труда удержать ее на месте. Решили повернуть бричку сами, но остановились: позади на дороге сидела еще более крупная стая волков — глаза в темноте светились, словно огоньки.

Ехать было некуда: впереди и сзади — голодные злые звери. Зная по опыту, что волки очень боятся огня, люди старались что-то предпринять. Спичек в те годы не было, и огонь добывали так называемым «кресалом» (железом о камень высекали на паклю искру). Николай быстро нашел на дороге камень, но где взять железо? В бричке еще оставался керосин, который мама всегда брала в дорогу смазывать ссадины и болячки у детей и у коровы. Мальчик, сняв с себя рубашку, намочил ее в керосине и стал камнем

высекать искру из стального обода колеса. Конечно, волки заставили не только искать огонь, но и молиться Богу. Николай уже по прошлому опыту знал, что Бог может помочь им сейчас. Горячо, от души молясь Богу, они просили не только за свою жизнь, но и за корову — кормилицу семьи.

Вскоре искра упала на рубашку, и ткань затлела. Зажмурив глаза от дыма, Николай усердно принялся раздувать тлеющую ткань, пока пламя внезапно вспыхнувшего огня едва не опалило его лицо. Наконец, поднявшись во весь рост, с горящим факелом, он пошел вперед, навстречу волкам, сидевшим на дороге. Жадные звери неохотно оставили свои позиции: скаля зубы, попяtilись и, поджав хвосты, медленно скрылись в густой полыни.

Корова, дрожа от страха всем телом, рысью побежала вперед. Но если волки впереди ушли с дороги, то сзади их оказалось намного больше, да и по сторонам слышался их злобный вой. Задние волки стали подступать все ближе и ближе. Тогда Николай с горящим факелом бежал назад, волки отступали, но корова вперед не шла, вероятно боялась. Мальчик снова бежал вперед и вместе с коровой пробежал часть пути, затем бежал опять назад. Так бегал он туда-сюда, вперед и назад. Рубаха уже не горела огнем, а только тлела, но при размахивании палкой еще сыпались из нее искры. Но и полынь уже кончалась. Проселочная дорога вышла к шоссе. Волки остались сзади, в полынях. Сюда, на шоссе, волки боялись выходить. Здесь их отстреливали проезжающие водители, что властями одобрялось и поощрялось. Корова успокоилась и тихо пошла вперед, усталая и измотанная.

Далеко за полночь вернулись «купцы» домой. Усталые, напуганные, но счастливые зашли в хату, встали на колени и возблагодарили Господа, что Он чудом спас их от волков. С тех пор на корове никуда ночами больше не ездили,

боялись ее потерять, ведь она была настоящей кормилицей.

Николай слышал сказки о волках — какие они хорошие, добрые и полезные, прямо-таки «друзья человека». Но это байки тех, кто с волками не встречался и не знает их. Волки были и остаются хищными зверями, притом очень жадными до живой крови. Николай не однажды видел их «доброту» на деле.

Да и Христос, говоря о больших опасностях для христиан, сравнивал Своих учеников с агнцами среди волков. Со словами Христа бесполезно спорить и доказывать волчью доброту. Он понял и другую истину: если настоящие волки боятся огня и от них как-то можно отбиться, то от «волков в овечьей шкуре» отбиться невозможно, даже огнем. Их усмирить может только Бог!

После этого события Николай часто потом говорил, что Бог может сохранить и от волков, ведь уже так было. Но мама объясняла, что, конечно, Господь может сохранить и от волков, и от смерти — и ночью, и днем, когда это будет необходимо, но искушать Бога этим не следует. Надеяться на Бога нужно, доверять Ему нужно, но искушать Его нельзя! Николай это запомнил навсегда!

Прочтите об этом в Евангелии от Матфея (4:5–7) и помните, что «сатана и святых искушает».

Здесь я хочу привести высказывания двух великих людей. Л. Н. Толстой писал: «И то, что мы называем счастьем, и то, что называем несчастьем, одинаково полезно нам, если мы смотрим на то и на другое как на испытание».

К. Д. Ушинский говорил: «В испытаниях нужно быть мужественными. Но не то есть мужество, когда лезут на опасность, не чувствуя страха, а тогда, когда можно подавить в себе самый сильный страх и думать об опасности, не подчиняясь страху». Господь с нами, когда мы с Ним, и Он нас сохранит от непосильных искушений и страха!

Глава 6

ПОСЕЯННАЯ НЕПРАВДА

В тяжелые военные годы жителей Сибири выручала картошка, которую можно было высаживать за городом. Дело в том, что ввиду нехватки рабочей силы колхозы засеивали хлебами не все поля. На оставшихся землях желающие могли сажать для себя овощи, особенно картошку.

Мама Николая старалась весной посадить как можно больше, чтобы осенью как можно больше запасти на длинную сибирскую зиму. Картошка в годы войны выручала всех. Ее каждый день варили и жарили, и она не приедалась. Она оставалась основной пищей.

В кулундинских степях ни грибов, ни ягод, ни фруктов, ни рыбы не было. Потому что не было ни лесов, ни озер, ни рек, ни болот. Дополнительных источников пропитания нельзя было найти. Вся надежда у людей была на то, что вырастят и осенью заготовят то, что посеяли весной. Потому весной и сеяли как можно больше.

В один весенний день мама взяла с собою в поле Николая и его братишку. Посадили картошку, свеклу, морковь и к вечеру хотели еще посеять горох, но уже было поздно, да и устали. Тогда решили на сегодня закончить работу.

— Ну, хорошо. Завтра вы, дети, придете и сами посадите горох, — сказала мама.

— Конечно, — охотно согласились дети, радуясь отсрочке.

На следующий день Николай с братишкой пришли на поле и стали сеять горох. Нужно было раскопать землю, сделать в ней лунку, положить туда горошину и снова засыпать ее землей. Работа не очень тяжелая, но надоедало часто наклоняться вниз к земле. И вдруг Николая осенила мысль: не лучше ли часть горошин съесть, чем бросать их

в землю. И меньше придется наклоняться, и приятно будет желудку, ведь весной трудно было с пищей. Он поделился своей идеей с братом, и они в полном единодушии лучшие горошины отправляли себе в рот, маленькие и сморщенные бросали в землю, а некоторые лунки просто заравнивали землей. Работа спорилась, и они довольные вернулись домой, получив еще от мамы похвалу.

Спустя время мама с Николаем пошли на поле посмотреть на всходы. Картошка уже взошла, дружно взошли свекла и морковь, но грядки гороха были полупустыми, и там, где показались всходы, они были очень слабыми.

Мама посмотрела на печальную картину и сказала:

— Почему так мало взошло гороха?

— Наверное, еще взойдет, — поспешно ответил Николай.

— Посмотрим, — вздохнула мама.

Через несколько дней мама снова собралась идти в поле окучивать картошку и взяла с собой сына. Николай подходил к полю с тревогой. Здесь он увидел «посеянную» им неправду: всходы гороха были редкими. Мама сказала:

— Давай, сынок, посмотрим, почему горох не взошел?

Она раскопала лунки там, где не было всходов, и не нашла в них никакого гороха. Мама молча посмотрела на Николая, он покраснел, опустил голову и признался, что они с братом съели половину гороха, думая, что об этом никто не узнает. Но пришло время, и обман открылся.

Здесь же, на поле, мама объяснила сыну, что неправда рано или поздно все равно откроется, а посеянное семя взойдет и принесет подобных себе семян в шестьдесят и даже в сто раз больше. Только нужно терпение.

— Так и в жизни: как бы человек ни скрывал свои поступки и грехи, придет время, и все станет явным, и нужно будет пожинать плоды посеянного, — подытожила мама.

Этот урок Николай помнит еще и сегодня, хотя с тех пор прошло более шестидесяти лет. Тогда он в слезах раскаяния получил мамино прощение. Она не только простила, но на следующий год даже доверила ему одному идти на поле сеять горох. Он с честью оправдал ее доверие и летом увидел богатый урожай. Стручки гороха гроздьями висели на больших кустах, радуя глаз.

Всякий раз, когда поется псалом на жатву и Николай слышит слова:

«Что сеял ты, друг мой, весной: любовь или злую вражду?» — он вспоминает свой посев той весной и урок, который заучил на всю жизнь.

Да, апостол Павел пишет, что как грехи, так и дела, хорошие и плохие, от Бога не сокрыты (1 Тим. 5:24,25) — придет время, и Он осветит все сокрытое сегодня во мраке (1 Кор. 4:5). И каждый получит по делам своим, как об этом говорит Слово Божие. Прочтите Первое послание к коринфянам, 3:11–15.

Неправда — малый грех, но он ведет в озеро огненное, потому что исходит от дьявола (Откр. 22:15; Ин. 8:44). Кто-то сказал: «Дьявол — отец лжи. Но он забыл запатентовать свое изобретение, и теперь у него много конкурентов». Но жаль этих конкурентов, ибо они очень жестоко обманутся и окажутся не там, где думают быть! Лжецы Царства Божия не наследуют (Откр. 21:27). Но сегодня такие люди лгут, извиваются, хитрят и нередко выглядят как правдолюбцы! М. Лютер сказал о таких: «Ложь всегда извивается, как змея, которая никогда не бывает прямой, ползет ли или лежит в покое; лишь когда она мертва, она пряма и непритворна!»

Глава 7

ПЕРВАЯ СОЗНАТЕЛЬНАЯ МОЛИТВА

Воспитанный в верующей православной семье, с самого малого возраста Николай знал, что есть Бог; верил в Его всемогущество; но молиться он не любил, считая, что Бог был несправедлив к нему, отняв у него старшего брата и отца и заставив так много страдать маму и его самого. И вот, когда ему было восемь с небольшим лет, он вознес к Богу свою первую сознательную, притом сердечную молитву. Случилось это так.

В военные сороковые годы семье погибшего красноармейца Никиты, как и всем подобным семьям, выдавали хлебный паек на всех детей-иждивенцев. Для этого ежемесячно вручали талоны, на которые можно было покупать ежедневно хлеб или же получать мукой сразу на месяц. Мама предпочитала брать паек мукой, так как в эту муку можно было добавлять какую-нибудь измельченную траву, отруби, жмых, древесные опилки и что придется. Получалось больше, чем получить одну буханку хлеба на день, к тому же и из муки можно было напечь оладий, сварить галушек и даже испечь лепешек.

Но чтобы отovarить эти талоны мукой, нужно было выстоять длинную очередь и успеть получить муку до закрытия магазина. И потому люди выстраивались под магазином с раннего утра, а некоторые, особо стойкие, занимали очередь еще с вечера, ночевали у магазина. Но зато они были в числе первых и получали муку до обеда.

В один весенний день 1942 года Николай со старшим братом тоже пошли получать муку с вечера. Они были в числе первых десяти человек. Весна была затяжной и холодной. Мороз пробирал ребят до костей. Они, как и

другие, прыгали, бегали, толкались, чтобы не замерзнуть. Но во второй половине ночи, утомленные и замерзшие, уселись с другими у стены магазина и, прижавшись друг к другу, угомонились. Братья договорились: спать по очереди и понемножку, а талоны будет хранить тот, кто бодрствует. Настало время хранить талоны Николаю. Он крепко зажал их в руке и сунул руку за пазуху под фуфайку. Как известно, перед рассветом особенно хочется спать, и как он ни старался, все же не выдержал и задремал. И спал совсем немножко, но когда проснулся, талонов у него уже не было: кто-то их украл. Стали искать талоны кругом, спрашивать у людей, рыться в карманах, но нигде их не было.

Тут открыли магазин, вместе с десяткой первых братья зашли внутрь и объяснили продавцу, что произошло. Но продавец тоже не смог ничем помочь, и братья, понуря головы, медленно побрели в направлении дома.

Когда подошли к дому, старший брат вошел, а Николай, считая себя виновным, побоялся заходить. Он знал, что там их ждет с мукой больная мама, меньший братишка и сестренка. Развернувшись, он снова пошел к магазину, надеясь найти талоны, но он их не нашел. Муки, как он ни упрашивал продавца, ему тоже не дали. Нужно было возвращаться домой.

Внезапно всплывшие в памяти последние слова отца заставили его вздрогнуть: отец при прощании сказал, что если не будет хлеба, чтобы он просил у Бога, и Бог даст. Эта мысль пронзила Николая, он остановился и тут же, на улице, прямо на снегу преклонил колени и совершил свою первую сознательную молитву, умоляя Всемогущего совершить чудо и вернуть голодной семье хлебные карточки. Сколько Николай молился, он не знает, но молился долго и горячо. Он не замечал проходящих мимо людей, он молился.

Встав с колен, он был уверен, что Бог его молитву услышал, возвратит ему талоны и успокоит маму. С такой надеждой он вновь вернулся к магазину, но карточек опять не нашел. Однако это не убило веру в то, что молитва была услышана Богом. Николай ждал чуда: шел и смотрел себе под ноги, надеясь увидеть свои талоны, которых он так и не увидел до самого дома. Снова и снова он ходил у дома, боясь зайти в дом с пустыми руками. Он все ждал талоны. Он видел, как несколько раз из дому выходили старший брат и мама, ожидавшая его. Он слышал голос мамы, зовущий его домой, но все же не возвращался, терзаясь чувством вины перед семьей.

И только поздно вечером Николай зашел в избу и заплакал. В доме уже все знали от старшего брата, что случилось. Мама Николая не ругала, она только опустила низко голову, и сын заметил, как по ее щекам катились слезы. Спеша успокоить маму, он сказал:

— Мама, я уже молился, Бог меня услышал, и Он сделает чудо, и у нас будут талоны на хлеб.

Мама знала, что Николай раньше хотя и молился, но не верил в то, о чем говорил. Поэтому очень обрадовалась и ответила:

— Молиться, конечно, надо с верой, но диктовать Богу не следует; не надо заявлять Ему, как Он должен помочь. Ты сейчас ждешь талоны на хлеб, а Бог может дать хлеб другим путем, так, как захочет Он.

Мама предложила всем детям помолиться Богу еще раз и попросить у Него хлеба, ибо в эту затаянную весну уже не осталось в доме никаких припасов, кроме картошки, притом семенной, которую берегли для посева, берегли как зеницу ока.

Молились все, молились со слезами. Встали с колен и почувствовали облегчение и надежду.

Дело было к вечеру, на улице быстро стемнело и, чтобы

экономить керосин в лампе, как всегда рано легли спать. Но если все спали, то Николай не спал, этой ночью испытывалась его вера. Он ждал, каким образом Бог исполнит его молитву. Он все еще ждал талоны на хлеб. Он думал: вот кто-то постучит, откроется дверь, и они получат драгоценные хлебные карточки.

Когда все уснули, Николай тихонько вышел в сени — холодную, не отапливаемую прихожую, чтобы первому увидеть чудо. И здесь опять Бог сделал не так, как он ожидал. В сенях у двери жалобно заскулила маленькая собачка по имени Кукла. Николай понял, что она просится на улицу, открыл ей дверь, и Кукла скрылась в темноте.

Теперь он стал ждать лая собачки на чужого человека, несущего к ним талоны; он очень хотел первым увидеть чудо. Минуты, казалось, тянулись часами, но не было ни лая, ни самой собачки. И вдруг шорох: кто-то скребется в дверь, наконец-то вернулась Кукла. Необычный лай собачки пробудил в Николае любопытство. То, что он увидел, открыв дверь, заставило его громко закричать от радости:

— Слава Богу! Бог услышал нашу молитву! Чудо!

На крыльце сидела Кукла, а перед ней лежала целая буханка серого хлеба, свежего и еще теплого. Собачка смотрела на хлеб жадными голодными глазами, поднимала голову вверх и лаяла, затем снова смотрела на хлеб и снова радостно лаяла. На крик сбежалась вся семья, всем хотелось увидеть это чудо своими глазами.

А Николай схватил этот хлеб, прижал к себе и закричал:

— Я же говорил, что Бог даст нам хлеб! Вот, мама, хлеб!

— Да, слава Богу! Бог услышал нас всех и дал нам хлеб, а не талоны, — сказала мама и ласково посмотрела на Николая.

Сын понял и поправился:

— Да, хлеб, а не талоны!

Прямо в сенях все преклонили колени и поблагодарили Бога за хлеб, который Он дал. Затем, войдя в избу, мама отрезала первый кусочек хлеба для Куклы, затем поделила эту буханку на завтрак, обед и ужин. Каждому досталось по кусочку настоящего хлеба, которого давно не ели.

Мама сказала, что пока было темно в избе, она слышала какой-то шорох в шкафу, который стоял у нас около печки, где обычно хранились продукты. Открыли шкаф и — снова чудо! В углу на средней полке была кучка кукурузы, больше стакана зерен. Это, наверное, мышки отдавали нам свои запасы, перетаскав кукурузу из своих норок в шкаф. Кукурузу тут же смололи и сделали вкусную мамалыгу.

Весь день Николай ходил веселый и довольный. Вечером он опять стал ждать чуда, но так и уснул, не дождавшись. А рано утром Кукла снова своим радостным лаем разбудила Николая. Открыв дверь, Николай снова увидел буханку такого же хлеба и подпрыгивающую от радости Куклу. А в углу шкафа — снова хороший стакан кукурузы.

Так продолжалось целый месяц: хлеб и кукуруза. Как только были получены продуктовые талоны на следующий месяц и на них получили муку, хлеба на крыльце не стало, а в шкафу не стало кукурузы. Бог повелел маленькой собачке и маленьким мышкам послужить голодной семье!

Любознательному мальчику было интересно узнать, откуда Кукла приносит хлеб. В один из дней Николай выбежал за собачкой и пошел по ее следам. Следы вели в сторону недавно выстроенного военного госпиталя, где проходили лечение раненные солдаты. Добежав до госпиталя, Кукла нырнула в дыру забора и скрылась из глаз, а через несколько минут снова появилась, но уже с буханкой хлеба в зубах. Постояв у забора, она побежала домой. По пути она раза три останавливалась, клала буханку на снег, отдыхала минутку, снова брала хлеб в зубы и бежала домой. Дома Кукла получала свою долю.

Тридцать лет спустя Николай будет рассказывать об этом своим детям, которым трудно будет представить, чтобы в доме не было никакой пищи.

И, наивно удивляясь, дочка спросит его: «Какие же вы были странные: если не было хлеба, поели бы супу или открыли бы холодильник и взяли оттуда колбасу!»

Николай же всю жизнь благодарит Бога, что его дети и внуки не испытали голода в своей жизни, и напоминает им, как важно всегда иметь благодарное сердце и ценить хлеб. Этого ему никогда не забыть! И тот случай научил его, что Бог слышит наши искренние молитвы и отвечает на них! Но исполняет их не так, как мы думаем, и не тогда, когда мы ожидаем. Но своими путями и в свое время, используя для этого обстоятельства, людей и даже собачек и мышек. Только нужно верить и уметь ждать, как и говорит Писание. Надеяться всегда лучше, чем отчаиваться! Надежда лучше сомнения (Пс. 36:3,4).

«И мы должны надеяться всегда!» – писал И. Гете. Тем более мы, христиане!

Надежда и терпение – это две самые мягкие подушки, на которые мы можем в лишениях преклонить голову, ожидая утешения от Господа!

И другой немаловажный урок извлек Николай из этого события: хлеб – это жизнь, и он – дорог! Хлеб – главное богатство для людей и для страны. Страна, не имеющая хлеба, – бедная страна. С большим богатством и кучей золота можно умереть голодной смертью! И потому Николай научил своих детей дорожить хлебом, беречь его и не бросать на землю, не наступать на него и не топтать. «Если же кто из вас, – учил он детей, – увидит кусочек хлеба на земле, подберите его и положите на травку для птичек и животных». Дети

Николая так и выросли, сохранив большое уважение к хлебу. Так учат они сегодня своих детей, не испытавших еще нужды в насущном хлебе.

Берегите хлеб, дети мои, и вкушайте его во всякое время с благодарением! И не забывайте делиться вашим хлебом с голодным! — так заповедует Христос.

Глава 8

В БОЛЬНИЦЕ

Старинная восточная мудрость гласит:

Во всех живых болезнь свивает себе кров,

Не может смертный быть всегда здоров.

Это относится и к Николаю. Ранней весной 1945 года в Сибири вспыхнула эпидемия брюшного тифа. Вместе со своим племянником Лене́й заболел и Николай. Через несколько дней оба мальчика были уже без сознания, и их положили в больницу. Так как Леня был еще маленький, его маме разрешили находиться с ним в больнице. Так старшая сестра Николая стала няней для обоих мальчиков, которые были без сознания более двадцати дней, с высокой температурой — выше сорока градусов.

Тиф свирепствовал с огромной силой, особенно поражая детей. Больницы переполнились, лекарств не хватало, надлежащего ухода за больными не было, и ежедневно из больницы увозили десятки умерших. Но Николай с Лене́й были под заботливой опекой, ведь у них была любящая няня. Она узнала у врачей, что для того, чтобы спасти больных, нужен пенициллин — дорогостоящее и дефицитное в ту пору лекарство.

Мама со старшей сестрой решили продать корову-кормилицу, теленка и овец, чтобы спасти умирающих. Все

вырученные от продажи деньги они отдали врачам на инъекции пенициллина, которые надо было делать через каждые два часа. Вскоре дети пришли в себя, что очень обрадовало матерей, но не принесло радости мальчикам. Пока дети были без сознания, они не чувствовали, что им делают уколы. А сейчас?! Каждые два часа укол за уколом. Все тело уже болело от этих уколов, и каждый приход медицинских сестер наводил на мальчиков страх и вызывал слезы. А их все кололи и кололи...

Спустя месяц после начала лечения пенициллином мальчики стали подниматься с постели. Но тиф все же сделал свое дело и дал осложнения: у Лени начались головные боли, пропала память, остановилось умственное развитие; у Николая стали болеть ноги. Николай не мог ни стоять, ни ходить. Врачи обещали, что он будет ходить, но не скоро, а ноги будут быстро уставать и болеть всю жизнь. Он начал ползать, а потом потихоньку ходить по больнице, держась за кровати и стены.

После двух месяцев пребывания в больнице наступил день выписки. Мальчиков лечила молодая, красивая врач-еврейка. Накануне выписки она обследовала детей и сказала:

— Если завтра вы будете такими же молодцами, как сегодня, то пойдете домой!

Это была приятная весть и для матерей, и для мальчиков: им надоела больница и хотелось домой! Николай решил напоследок поесть вдоволь хлеба, потому что знал: дома хлеба мало. Он заметил, куда положили вечером хлеб, и, когда все уснули, тихонько встал, добрался до шкафа и вытащил оттуда буханку черного хлеба. Осторожно выбравшись на улицу, за угол больницы, он, отламывая кусок за куском, съел всю буханку. Таким же образом он вынес вторую буханку и с таким же аппетитом съел и ее. Наевшись, довольный вернулся в больницу, улегся в постель и быстро уснул.

К утру разболелся живот. Он метался по кровати, не находя себе места. Медсестра ничего не могла сделать, хотя и давала какие-то таблетки. Срочно вызвали врача, которая очень удивилась внезапной болезни Николая. Вбежав в палату, она закричала:

— Коля! Что случилось? Почему ты меня подводишь? Ведь сегодня я хотела тебя выписывать домой!

И это она говорила искренне, потому что полюбила этих тихих мальчиков и относилась к ним с материнской любовью и нежностью. Она расспросила, когда заболел живот, как он болит, отчего заболел, что Николай ел.

Николай знал, что он объелся и потому у него болит живот, но он боялся сказать врачу правду, потому что хлеб взял без разрешения, фактически украл, а значит, он виноват и его будут сильно ругать, а может быть, и накажут.

А живот тем временем болел все сильнее и сильнее.

Все же Роза, так звали врача, сумела найти подход к мальчику и уговорила его сказать ей всю правду, пообещав, что она не будет его ругать. Николай сознался, что ночью он съел две буханки черного хлеба, потому что дома у них нечего кушать и он хотел хоть один раз поесть хлеба вволю. На глазах врача показались слезы, и она тихо сказала:

— Бедный мальчик! Ведь ты так мог умереть. Хорошо, что ты сказал правду. Сейчас мы будем спасать тебя, опорожним тебе желудок, и все пройдет!

Она распорядилась, чтобы медсестры приготовили все необходимое. И вот здесь Николай зарыдал, чем испугал врача. Но когда она узнала, что он не хочет, чтобы ему промывали желудок, и потому плачет, она расхохоталась. А мальчик проговорил:

— Ничего у вас не выйдет! Не дам опорожнять свой живот. Николай быстро повернулся и лег на живот, чтобы защитить его.

— Вот молодец, Коля! Так и лежи, нам так будет удобно делать тебе клизму.

Тогда Николай повернулся на спину.

— Я вам не дамся! Первый раз в жизни я наелся хлеба досыта, а вы... — и снова заплакал.

Подошла Роза, положила руку на голову Николаю и сквозь слезы сказала:

— Я обещаю тебе, Коля, что при твоей выписке из больницы я принесу из дому три большие буханки белого хлеба, если ты сейчас дашь сделать клизму и очистить тебе желудок! Иначе ты умрешь!

Николай ей верил, но все же переспросил:

— Это правда? Вы не обманете меня?

— Да, мой мальчик, это правда. Я обещаю это перед Богом!

Тогда Николай согласился, чтобы ему прочистили желудок. Он до обеда полежал еще в больнице. А после обеда врач пригласила его в свой кабинет, где уже сидела мама, приехавшая за Николаем. Затем врач открыла шкаф, и Николай увидел пять больших караваев белого хлеба. Такого хлеба мальчик в своей жизни еще не видел.

— Коля, это тебе! — проговорила врач. — Это все твое! Мальчик смотрел на хлеб и не верил услышанному.

— Все? — переспросил он. — Но ведь вы обещали три булки, а здесь пять.

Со слезами на глазах мама и Николай благодарили врача за этот драгоценный подарок, который бережно завернули в простыню, подаренную тоже врачом. Зная, какие страдания причинял Николаю каждый шаг, врач позвала своего кучера и велела отвезти мать с сыном домой.

Мама с Николаем еще раз сердечно поблагодарили доброго врача за белый хлеб, за успешное лечение и пожелали ей большого счастья от Бога. И с радостью поспешили домой обрадовать своих.

Возвратившись домой, мама с детьми, еще раз преклонив колени, благодарили Бога за Его любовь к ним. Благодарили и за доброго врача, подарившего так много хлеба.

— Есть еще добрые люди на свете, — сказала мама.

А Николай добавил:

— И Бог посылает их на нашем пути.

— Посылает в нужное время! Только нам нужно научиться ждать, сынок, — подвела итог мама.

Да, всем нам Господь посылает Свои благословения непосредственно, а также через хороших людей. Только нужно без ропота научиться ждать, чтобы их получить сполна, как мы читаем в Послании к евреям (10:36): **«Терпение нужно вам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное!»** Но, как говорит народная мудрость, «нужно очень много терпения, чтобы научиться терпению!»

Глава 9

КОНЕЦ ВОЙНЫ

В мае 1945 года окончилась война, и день 9 мая был объявлен всенародным праздником — днем Победы. В это время Николай был еще в больнице, но уже ползал и мог бывать на улице.

Он хорошо помнит тот день, когда утром в больничные палаты проникли громкие и веселые звуки. Все больные, кто мог двигаться, высыпали на улицу. Выполз на улицу и Николай. По улицам шли толпы людей, они смеялись, обнимались и целовались. Автомобили и паровозы оглушали воздух гудками, барабаны и духовые трубы перекрывали все звуки торжественными маршами. Из рупоров

раздавался голос диктора Левитана, повторявшего одно и то же сообщение: война окончена и мы победили.

Такой всенародной громкой радости Николай еще в своей жизни не видел! Незнакомые люди обнимали друг друга, обменивались подарками, разбрасывали всюду цветы. Сидевшие у стен больницы больные тоже получили по букету цветов. С ручных тележек раздавали бесплатно сладкий напиток — морс и пакеты жареной кукурузы. Дети не учились в школах, взрослые не работали: весь день люди ходили по улицам и пели.

Вскоре стали возвращаться с фронта солдаты. Так как станция, где жила семья Николая, была узловая, то на эту станцию прибывали солдаты всего района. Всякий раз, когда приходил эшелон, паровоз издавал особый, как бы торжественный, гудок. Ему отвечали такими же гудками все паровозы, которые были на станции и в депо. Тогда не только жители станции, но даже в окрестных селах люди слышали этот пересвист паровозов и знали, что солдаты едут домой. Тогда толпы людей, старых и малых, валили гурьбой на станцию встречать солдат. Бегал туда со сверстниками и Николай.

Однажды на станцию вышла и мама. С какой радостью встречались родные, как обнимались и плакали, каким счастьем светились лица встретившихся после долгой разлуки близких людей. А мама стояла и плакала. Плакал и Николай. Он плакал от горя и обиды, что уже никогда не увидит отца, никогда не встретит его на родной земле. Почему? Почему другие возвращаются, а отца убили? Почему? Почему мозолистая отцовская рука больше никогда не погладит его по голове и у него больше не будет счастливых минут посидеть у отца на коленях? Почувствовав себя таким беззащитным, таким одиноким, он с готовностью согласился с мамой, когда она позвала его идти домой. Больше мама на станцию не ходила...

Мальчику было интересно наблюдать за прибывшими солдатами, он видел раненых: без руки, без ноги, с перебинтованной грудью или головой. Но они легко и свободно могли ходить, говорить... В такие минуты Николай мечтал иметь хотя бы отца-инвалида. Он бы ему во всем помогал, делал бы все за него, дорожил бы им... В нем просыпалась память о прошедших днях, когда отец приходил с работы, а он убежал на улицу играть с детьми, иногда не слушался его и не выполнял его поручений, мало дорожил им, мало ценил общение с ним... А теперь? А теперь он с готовностью исправил бы упущенное, но отца уже не было и никогда не будет.

Иногда Николай, когда видел, как отцы обнимают своих детей, как за них заступаются, как играют с ними, согласен был иметь отчима, но мама, оставшись вдовой в 40 лет, больше замуж выходить не собиралась, хотя и были желающие взять ее в жены.

Хорошо детям, когда у них есть мама. Но вполне счастливы лишь те дети, которые имеют родных отцов и матерей.

Дети, если у вас есть отцы, берегите их. Спешите сделать им что-нибудь хорошее, с радостью встречайте их с работы; когда они отдыхают, принесите им водички или чаю; обнимите их, прижмитесь к ним и попросите их рассказать вам что-нибудь интересное – отцы очень много знают; дорожите ими, ведь не всегда они будут с вами. Еще немного, и их уже не будет!

И вы, родители, дарите своим детям побольше счастливых минут общения с вами, поиграйте, поговорите с ними, обнимите и поцелуйте их. Ведь вы и не заметите, как они вырастут и уже не сядут к вам на колени и не попросят вас поиграть с ними, но воспоминания детства и общения с вами они не забудут никогда!

Лишившись отца и потеряв родного брата, Николай часто думал: зачем люди ведут войны? Кто их начинает? Почему проливается кровь? Почему люди убивают подобных себе? Как сделать, чтобы не было войн? И в своем сердце решил: когда вырастет большим, что-нибудь сделает, чтобы люди не воевали друг с другом...

Но когда Николай вырос, он узнал, что войны на земле никто и ничто не остановит. Больше того, чем дальше, тем войн становится больше. Воюют не только разные страны и народы, но и родные братья между собой. И не только на фронтах люди становятся калеками и убивают друг друга, но это происходит в мирной обстановке: в семьях, в обществе и даже в церквах.

Напрасны все усилия и старания погасить поношения, клевету, вражду, ненависть, месть... Будучи восплаемь дьяволом, люди воюют и воюют до смерти. Семьи распадаются, родственники ссорятся, общество враждует, церкви разделяются, братья расходятся, многие стонут и умирают от полученных ран... А люди воюют и воюют, как будто это их главное занятие на земле!

И ничто не оправдывает войны! «Есть справедливые войны, — сказал мудрец, — но нет справедливых вояк!»

Как мало люди имеют радости на земле! Потому что ищут ее не там, где она живет. В Господе мы, христиане, имеем как совершенную радость, независимую от обстоятельств, на земле, так и в вечности! Еще в глубокой древности Авиценна сказал:

Земная радость — это лишь мгновенье
Пред вечностью, которая нас ждет!

Как счастливы те, кто войдет на брачный пир Господа, где будет постоянная и совершенная радость и где не будет уже ни войн, ни убийств, ни сирот! И где будет с нами наш любящий Отец!

Глава 10

ШКОЛА

Николай пошел в школу в 1941 году, в первый год войны. Посещал он школу охотно и учился хорошо. Ему нравилось учиться. Еще до школы он прочел у М. Ломоносова:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут...

Но учиться было трудно. К проблемам с едой добавлялись трудности с одеждой и обувью, учебниками и тетрадями.

Чистых тетрадей для занятий Николай почти не имел. За неимением тетрадей, он, как и многие другие дети, писал на старых газетах и выброшенных книгах, которые находили на чердаках и в сараях, а вместо чернил растворяли молоком или водой сажу с печных труб, заливали в бутылочки и в тряпочных маленьких мешочках носили с собой в школу, этими же «чернилами» писали и дома. Перьями для письма служили гусиные и куриные перья с крыльев и хвоста.

Чтобы дети могли делиться одеждой, по просьбе родителей учебу в школе сделали в две смены, с перерывом в два часа между сменами. Дети, возвращаясь домой с первой смены, отдавали обувь и одежонку другим детям, которые учились во вторую смену.

Старший брат приходил из школы, отдавал фуфайку и валенки Николаю, и тот бежал на занятия после обеда. Так было глубокой осенью, зимой и ранней весной. В начале

и в конце учебного года в школу ходили босиком, все старались беречь одежду и обувь.

Однажды Николай пошел в школу босиком и налегке. Стояла уже глубокая осень, но морозов еще не было. Но когда он вышел из школы, падающий густой снег уже покрыл всю землю и было очень холодно, а он был босиком. Чтобы поскорее оказаться дома, Николай побежал. От холодного снега быстро замерзли не только ноги, но и все тело, но он бежал. Бежал что было силы, обгоняя учеников, которых отпустили раньше. Они были старшеклассники. Среди них шел сосед Николая, Миша Баринов. На нем была хорошая кожаная тужурка, меховая шапка и теплые ботинки. Он всегда одевался хорошо: его отец был офицером, и их семья часто получала от него посылки с продуктами и одеждой.

Увидев бегущего Николая, он крикнул:

— Эй, босяк! Ты скоро концы отдашь?

И захохотал. Засмеялись и его друзья, шедшие с ним.

И здесь Николай не выдержал. Он налетел на обидчика, повалил его на землю и стал бить его сумкой, в которой находился пузырек с чернилами. Конечно, Мише не было больно, потому что через шапку и тужурку эти удары он даже не чувствовал. Но зато вся его белая шапка, новая тужурка и все лицо было в черных пятнах от разлитых чернил. Когда же Николай пришел в себя, он испугался и бросился бежать домой. Дома он сознался маме в своем проступке. Мама утешила плачущего сына и сказала:

— Никогда не связывайся с ними. Они богатые, а мы бедные. За нас никто не заступится, а они всегда окажутся правыми. Так уж устроен этот лукавый мир!

Она сходила к «потерпевшему» Мише и его матери, попросила у них прощения и каким-то образом уладила дело, чему Николай был очень рад.

Через день он пошел в школу. Как только он вошел в класс, учительница сказала, что директор ждет его в своем кабинете. Директор школы!

Для всех учеников того времени это было что-то высокое и недоступное. Директора уважали, директора почитали, его боялись, и он редко кого приглашал к себе на беседу.

С большим волнением и страхом Николай подошел к кабинету директора и стоял, не решаясь постучать в дверь. Вдруг дверь открылась, и Николай увидел, что сам директор стоял на пороге. Это был демобилизованный офицер, он ходил в гимнастерке, один рукав которой был заткнут за ремень, так как у него не было руки. На груди у него красовались орденские планки.

— Ну заходи, драчун, — пригласил директор. — Расскажи, как ты его измолотил и за что? — строго, но как-то добродушно спросил он.

Николай откровенно признался во всем и рассказал, как тот обозвал его босяком, как он смеялся над ним, и сквозь слезы добавил:

— Разве я виноват, что моего отца и брата убили на фронте, а его батя жив — шлет и шлет им посылки. Конечно, я виноват, что его тронул и измазал, но мама уже ходила к ним домой просить прощения.

— Мама — это одно, а вот ты — другое, и тебе нужно набраться мужества и пойти попросить у Михаила и его матери прощения.

Что Николай обещал и в тот же день сделал.

Затем директор подошел вплотную к Николаю, прижал крепко к себе и своей единственной рукой погладил его по голове:

— Обходи таких стороной. Не задирайся с ними. А если придется драться, то таких нужно бить до смерти. Иди, но о нашем разговоре никому, кроме матери, не рассказывай.

Николай на радостях схватил его руку и стал ее целовать.

— Ну, хватит, — сказал он. — Иди!

Мальчик бегом бросился к двери.

— Стой! — крикнул директор и, глядя на его радостное лицо, приказал:

— В класс сегодня не ходи, а иди домой. Завтра придешь в школу.

— А моя сумка? — растерянно произнес Николай.

— Сумку возьмешь завтра. С таким веселым лицом от директора не выходят, — добавил директор.

Николай с благодарностью вспоминает свой первый вызов к директору школы. Этот человек навсегда остался для него символом справедливости. Обидчик Миша Баринов вскоре куда-то переехал, и никто его больше не видел. А Николай решил тоже быть справедливым и защищать даже виновных в чем-то, но слишком жестоко обвиняемых, что он и старается делать!

В жизни же и сегодня, и даже у христиан, справедливость попорана, и получается, как сказал известный поэт:

Бессильного давят, пред сильным смолкают,

А слезы людские текут да текут...

Как жаль, что христиане забыли наибольшую заповедь Божию и, причиняя страдания другим, уготовливают себе вечные страдания.

В жизни у Николая немало было и других промахов и неразумных поступков. Однажды, придя из школы, он стал уговаривать маму выйти замуж. С этой идеей он носился долго и часто заводил разговор о замужестве мамы. Мама улыбалась, просила об этом не говорить, а однажды, не выдержав, посадила Николая рядом с собой

и попросила рассказать ей откровенно, почему он так настаивает на этом.

— Наверное, кто-то тебя подговаривает, а мне никто ничего не говорит.

Тогда Николай рассказал одну историю, которая случилась в их классе. С ним вместе учился мальчик по имени Гриша. Это был тихий, скромный мальчик, у которого тоже не было отца, да и фамилия у него была Безродный. Многие задиры в классе его дразнили, всячески обижали и даже иногда били. Он старался приходить в школу к звонку или даже с опозданием, чтобы не иметь лишней раз неприятностей от ребят.

Но однажды он пришел в школу раньше обычного, вскочил на парту, чего раньше никогда не делал, и радостно и громко закричал:

— Я не Безродный! Я не Безродный!

— А кто же ты? — удивились одноклассники.

— Я? Я Именитый! Именитый я! Понимаете?!

Никто ничего не понимал. Но тут зазвенел звонок, и в класс вошла наша учительница, а с ней — высокий человек в военной форме, в офицерских погонах, с орденами и медалями на гимнастерке. Учительница представила его ученикам и сказала:

— Это Гришин папа!

Все притихли, умолкли, и многие с завистью посмотрели на Гришу. А новый папа подошел к Грише, обнял его и погладил по голове. Больше Гришу никто в классе никогда не обижал.

Николай узнал, что, будучи еще совсем маленьким мальчиком, Гриша потерял родителей, когда бомбили их город. Его отправили в детдом, где и записали, как не имевшего фамилии, Безродным. Затем одна добрая женщина, работавшая в этом детдоме, взяла его к себе. Она вышла замуж за пришедшего с войны офицера со звучной

фамилией Именитый, который тоже потерял семью. Он усыновил Гришу и дал ему свою фамилию, сделав его таким образом Именитым. Вот потому Николай так сильно хотел, чтобы мама вышла замуж, чтобы и он имел отца, чтобы за него тоже кто-то мог заступиться, чтобы он мог пройти перед учениками со своим отцом, чтобы его не дразнили «безотцовщиной».

Выслушав историю про Гришу, мама ответила:

— Нет, Коля! Я вышла замуж за Никиту по большой любви. Я его люблю и сегодня. А если его нет, то никто другой мне не нужен.

Николай и сейчас вспоминает о маме с восхищением: она, оставшись вдовой в сорок лет, еще молодой женщиной, пронесла через всю свою долгую жизнь любовь к мужу, которого обещала любить и оставаться ему верной, что с честью и исполнила.

Это бывает не часто, особенно в наше время. Сколько молодых семей не сохранили верности друг другу, сколько измен и обманов, сколько неверности!..

Бог высоко ценит верность – верность Ему, верность семье, верность в служении, – потому и напоминает: **«Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни»** (Откр. 2:10). Верен во всем, везде и всегда!

Верность – один из самых прекрасных цветков, но очень редкий в природе!

Глава 11

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ НИКОЛАЯ

Как и первое рождение Николая, так и второе его рождение, рождение свыше, произошло не как у всех людей.

Оно совершилось 21 января 1949 года. В этом заслуга Святого Духа и мамы.

Мама была очень набожной православной христианкой. Все углы в доме были заставлены иконами. Каких там только не было: Христос, Богородица, заступник Николай, Михаил и другие святые... Особенно их было много в переднем углу, перед которым стоял деревянный обеденный стол.

Каждый день, утром и вечером, мама зажигала свечи, становилась перед иконами на колени и молилась Богу. Молилась и подолгу плакала. Дети понимали, что очень тяжело было у нее на сердце: проводить на фронт трех мужчин и ни одного из них не встретить после войны. К тому же частые сердечные приступы делали ее жизнь еще более печальной.

Хотя война уже отгремела и некоторые солдаты вернулись домой, стали подниматься колхозы, но многие семьи еще не ели хлеба вволю. Пенсии еще никакой не платили. Кроме талонов на хлеб, никакой помощи семье погибших красноармейцев не имели. Семья Николая не была исключением.

Однажды дети свою маму не узнали. Она вернулась домой из церкви веселой и радостно сказала:

— Ну, детки, я нашла Бога. Я нашла Бога!

И запела какой-то... незнакомый детям, христианский псалом. Пела впервые после разлуки с мужем. А певица она была отличная. Ее голос потом дети часто слышали у себя в доме и в собрании верующих, где она была запевалой. Дети были удивлены такой переменной в маме и начали расспрашивать, что случилось.

— Мама, разве ты не имела Бога? Разве мы с тобой молились не Богу? Разве не Бог так много помогал нам? Как же ты говоришь: «Нашла Бога»? Разве не Боги висят в углах и по стенам нашего дома?

Когда все немножко успокоились, мама рассказала, как она, возвращаясь из православной церкви, встретила свою знакомую. Та рассказала, что теперь ходит в молитвенный дом на собрание «живых» верующих, куда пригласила и маму. Так она впервые попала на богослужение к евангельским христианам-баптистам. В свое первое посещение собрания она покаялась и до самой своей смерти, прожив 88 лет, дорожила евангельскими богослужениями и регулярно их посещала, участвуя в них своими молитвами и чудесным пением.

На следующий день после ее возрождения она сняла с углов и стен все иконы и отнесла их в сарай. Дети были удивлены ее поступком. Ведь еще вчера она так нежно обращалась с иконами, наряжала их красивыми рушниками, часто смахивала с них пыль, зажигала перед ними свечи, а сегодня выносит их в сарай и выбрасывает как мусор.

— Мама, что ты делаешь?

Старшая сестра Николая решила, что мать сошла с ума, и даже сходила к врачу, который посоветовал привести маму на осмотр.

А мама только улыбалась:

— Это не боги, детки. Это образы, сделанные руками человеческими. Им поклоняться Бог запрещает. Богу нужно молиться не перед иконами, а везде и всюду, с любого места, потому что Бог есть вездесущий Дух!

— Откуда вы это узнали? — допытывались дети.

— Никто не говорил мне об этом. Сам Бог мне открыл это!

Вскоре она показала нам в Библии основание для своих действий.

— Вот читайте. Сам Бог говорит об иконах так, — и по буквам прочла из Книги пророка Исаии (44:10—19). Прочтите и вы и расскажите об этом своим детям.

Некоторые люди, нахватавшись разной информации, порой весьма сомнительной, разъезжают по общинам и, стараясь блеснуть своими «познаниями» среди христиан, утверждают, что без этих познаний человек не может спастись. Такие люди забывают слова нашего Спасителя: **«Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам»** (Ин. 14:26). Подтверждение тому наши малограмотные и совершенно неграмотные отцы и матери, исполнившие волю Божию и бережно, с большой верностью и любовью, донесшие чистое евангельское учение до нас, своих детей!

Мама после своего обращения к Богу сразу как-то повеселела, перестала быть такой мрачной и унылой, как прежде. На лице и в голосе появились спокойствие и умиротворение. Она стала дома петь песни, она продолжала молиться Богу, но уже без рыданий и не крестясь как прежде. Произошло рождение свыше — мгновенно и видимым образом!

Дети, видя в маме перемену к лучшему, радовались вместе с ней. И только старшая сестра недовольно говорила, что мама переметнулась к «бактистам», изменила своей православной вере. Другие дети с ней спорили, доказывая ей, что маме стало лучше и не нужно устраивать панику. А сестра все пыталась переубедить маму и насильно отвести ее в больницу. Но, видя сопротивление других детей и самой матери, на время успокоилась.

В следующее воскресенье мама взяла с собой на собрание и детей, кроме старшей дочери, которая идти не захотела. В собрании было человек около ста: мужчины и женщины, дети и подростки. Они все вместе пели, молились, слушали из Библии, что-то говорили, а после собрания подходили друг к другу, пожимали руки, разговари-

вали, спрашивали о здоровье. А потом на столе появилась большая кастрюля горячей вареной картошки в «мундирах» и солонка с солью. Без всякой толкотни люди подходили к столу, брали картошку, тут же ее солили и, отходя в сторону, ели. Потом кастрюля с картошкой появлялась снова и снова. Такое не забывается. И Николай стал с удовольствием посещать эти собрания каждое воскресенье. С собой на собрание он начал приводить и своих соучеников.

Собрания верующих проходили, кроме воскресений, еще и по средам вечером. Николай начал по своей доброй воле посещать собрание и по средам. Так как он ходил в школу во вторую смену, в те дни, когда было шесть уроков, он не успевал к началу собрания. И он убегал на собрание с последнего урока. Учителя заметили эти «побеги» и стали следить за ним.

Через несколько недель Николая вызвала завуч школы: она ругала его, кричала на него, обзывала его штундистом и «бактистом» и запретила ему посещать собрания верующих. Но Николай все равно посещал собрания. И не только по воскресеньям, но и по средам: ведь не всегда по средам было шесть уроков.

Собрания верующих стали регулярно посещать и учителя — чтобы следить, кто из учеников бывает там. Тогда они кричали, вызывали милицию, и, конечно, собрания прерывались, а верующих разгоняли.

Нужно было искать какой-то выход. И выход нашли. В большой хате сестры-вдовы Шишленко, где проходили собрания, отделили фанерой угол для кладовки со входом в нее из прихожей. Так появилось местечко для учеников, где они могли сидеть в тепле и все слышать, так как перегородка не доходила до потолка. Их же никто не видел. Учителя, хотя не находили учеников, все же продолжали приходить на каждое собрание и дежурить. Но собрания

стали проходить спокойно и без помех, потому что учеников проверяющие не видели.

Но в среду, 21 января 1949 года, собрание было нарушено. В тот вечер пришли на дежурство двое: учительница и завуч школы, которая была особенно яркой противницей Бога и верующих. Николай с другом уже сидели в кладовке и слушали проповедь об Адаме. Проповедник говорил о том, что Адам прятался от Бога, но Бог, видя его, хотел с ним говорить и потому спрашивал его: «Адам, где ты? Зачем от Меня спрятался? Я тебя жду. Выходи ко Мне. Я хочу с тобой говорить и хочу тебя простить. Я хочу тебя утешить и успокоить».

Дух Святой начал производить Свою работу в сердце Николая. Совесть стала судить его за все провинности и согрешения. Но он стал утешать себя тем, что особых грехов за собой он не чувствовал: водку он не пил, даже не знал вкуса вина и водки, не курил, не увлекался девочками. Он не дружил с плохими ребятами, не лазил в чужие огороды.

А проповедник все громче призывал Адама выйти к Богу. Николай с другом еще ближе прижались к фанере, чтобы через проделанные в ней дырочки лучше слышать, и неосторожно навалились на нее. Фанерная перегородка вывалилась внутрь комнаты, а вместе с ней ввалились в комнату Николай с другом. Хотя братья и хозяйева дома знали об учениках в кладовке, их внезапное появление было большой неожиданностью для всех, особенно для учителей.

Все были в шоке, а Николай, встав на колени, громко стал молиться:

— Господи! Я здесь. Я здесь, Господи! Я хочу быть с Тобой. Прости меня за все мои грехи и будь со мной! Прости меня за все! Я к Тебе иду!

Он вспомнил и свое непослушание маме, и свою месть

Сапелко, и Мишу Барина с его измазанным чернилами лицом, и «посеянную» им неправду на поле, и многое, многое другое... Он сокрушенно плакал и молился, плакали и верующие. И только пришедшие надзиратели сидели молча. Встав с колен, люди потянулись приветствовать Николая, который все плакал, но уже от радости прощения и счастья умиrotворенного сердца. А он, как был без шапки и фуфайки, так и выбежал на улицу. Не обращая внимания на трескучий мороз, бежал домой, бежал и пел:

О, Ты, Кого хвалить не смею, Творец всего, Создатель мой.
О, Ты, к Кому я пламенею моим всем сердцем, всей душой.
Кто солнца яркими лучами сияет мне в красе дневной,
И огнезвездными зарями всегда горит во тьме ночной,
Мой Господь!

Его пение громко раздавалось в морозном январском воздухе. Николаю не было холодно, ему от счастья было жарко. В небе над ним звезды сегодня горели особенно ярко, а шум ветра напоминал ему шелест крыльев ангелов. Этот день, 21 января, Николай запомнил на всю жизнь — день своего второго рождения, рождения свыше! Рождение от воды и Духа! Великая радость наполняла его душу и переливалась через край.

Добежав домой, Николай в избытке радости схватил выбежавшую навстречу собачку Куклу и стал ее обнимать и целовать. Вырвавшись от Николая, Кукла завертелась вокруг него и весело залаяла. На шум из дома вышла старшая сестра, посмотрела на раздетого Николая, бегущего по двору с собачкой, и сказала:

— Вот до чего эти штундисты довели пацана: с ума сошел!

А радость у него воистину была великая, радость, которую Христос обещал Своим ученикам: «**И радости ва-**

шей никто не отнимет у вас» (Ин. 16:22). Но настоящей сердечной радости не будет, пока совесть не будет чиста. Потому и следует каяться, притом нужно успеть это сделать, пока ты еще жив и твой разум еще с тобой!

Так день 21 января для Николая стал вторым днем его рождения, рождения свыше.

Глава 12

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБЕД

Николай до своего покаяния уже долгое время ходил в собрание и потому знал многих братьев по имени и в лицо. Были у него и любимые братья-проповедники: Илья Семенович Бакуменко, Феокист Иванович Субботин, Проккоп Васильевич Маценко и другие. Брат Маценко был пресвитером и руководил собраниями. На следующее после покаяния воскресенье Николай, с разрешения и согласия мамы, пригласил двоих братьев, которых он очень уважал, на праздничный обед к себе домой. Еще до утреннего собрания мама сварила картошку в «мундирах», напекла оладий из отрубей с картофелем. Николай принес из погреба квашеной капусты и огурцов и нарезал солодовый корень к чаю вместо сахара.

После утреннего собрания Николай с мамой заторопились домой, братья тоже обещали подойти. И вот на обед пришли Субботин Ф. И. и Бакуменко И. С. Встали у стола, и Николай, совершив молитву, пригласил всех кушать. Все сели, а брат Субботин продолжал стоять. Он стоял и плакал. Затем, не сядя за стол, взял оладушку, отломил от нее кусочек и спросил, из чего она сделана и почему на столе нет настоящего хлеба.

Мама рассказала, что они получают хлебные карточки на месяц, на них отоваривают муку, муку меняют на отруби, которых дают вдвое больше, чем муки, в отруби она еще подмешивает древесные опилки и печет оладьи.

— Сегодня оладьи из отрубей, но без опилок, — добавила она.

Брат Субботин, закрыв лицо руками, зарыдал и сквозь слезы произнес:

— Боже мой! У меня свиный лучший хлеб едят, чем ты, сестра, детей кормишь, — и, выбежав из избы, сел на свой мотоцикл «ИЖ-49» и укатил куда-то. Вскоре он возвратился и, занеся в комнату мешок муки, снова ушел и вернулся с канистрой подсолнечного масла. Затем сказал:

— Ну, теперь, сестра, пеки всем нам лепешки, только настоящие, без опилок.

И на столе появились горячие, румяные, пышные лепешки, а запах подсолнечного масла дразнил детей, усиливая их аппетит.

О, что это был за обед! Первый раз с начала войны семья вволю наелась настоящего белого хлеба.

С тех пор они уже не голодали. Этот брат постоянно снабжал их мукой и маслом. Он был на фронте, там получил ранение, вернулся домой, работал комбайнером в колхозе, и у него всегда было в достатке пшеницы и хлеба.

Брат же Бакуменко всегда брал Николая и других детей после утреннего воскресного собрания к себе домой и угощал душистым наваристым борщом и вкусным компотом или киселем.

«Голод — лучшая приправа к скудной еде, а сытым и сладость не в сладость!» Кто этого не испытал, тот и понять этого не сможет!

Так встреча с верующими благотворно повлияла не только на его душу, которая познала путь спасения, но и на его тело: он больше не голодал!

Испытав голод, Николай и сегодня сочувствует голодающим и помогает сколько может таковым, а в его доме всегда были готовы накормить пришедшего к ним гостя! И это до сих пор остается для него большой радостью!

Сколько еще сегодня голодных людей, в том числе и детей! А многие люди, в том числе верующие, выбрасывают хлеб и другую пищу в мусорки. Это преступление перед людьми и Богом. Остановитесь! Подумайте об умирающих от голода! Если у вас есть лишнее, то им недостает! Найдите возможности и деньги для нуждающихся и накормите их. Господь это ценит высоко. Прочтите об этом в Евангелии от Матфея (глава 25, с 31-го стиха и до конца главы). Прочтите и поступайте так, чтобы в вечности услышать приглашение Господа войти к Нему на брачный пир и разделить с Ним радость вечную!

Глава 13

ПЛОДЫ ПОКАЯНИЯ

После покаяния Николай стал смотреть на свою жизнь по-другому, и его жизнь наполнялась иным смыслом. У него появилась цель в жизни. Расскажу о нескольких конкретных случаях.

Когда Николай стал посещать собрания, ему нравилось все, кроме одного. В собраниях было много немцев, которых он страшно не любил, больше того, он их ненавидел. Ведь это они, немцы, убили любимого старшего брата Василия и родного отца. Они вынудили его страдать и жить в голоде. Они нарушили мирную жизнь людей. Они

виноваты, что он остался полусиротой. Они довели маму до болезни и одиночества. Для подростка все немцы были в одном ряду: немцы — это фашисты, немцы — это убийцы!

В годы войны всех немцев, живших на Украине и в Поволжье, выселяли в Сибирь и в Среднюю Азию. Немцы появились в школах, на заводах и в церквях, так как в большинстве они были людьми верующими. В местной общине их была добрая половина.

Немцы смущали Николая, он их сторонился, боялся их, но Дух Божий все же влек его на собрания, и он с готовностью их посещал, но после собрания старался не здороваться с немцами за руку.

И удивительно, как Бог перерождает человека. В тот памятный вечер, когда он покаялся, первой поздравила Николая девушка, Таня Маценко, затем из братьев первым подошел немец, Рогальский Александр, который крепко обнял его и поцеловал. Николай не успел опомниться, как подошел другой немец, Гавриил Кун, и стал его, как сына, обнимать и целовать. Николай смотрел на них и удивлялся самому себе: ведь это немцы, а у него в сердце нет ненависти. И подумал: «Я, наверное, заболел».

А в следующее воскресенье Николай сам с удовольствием протягивал руку немцам, как и русским, проникаясь к ним какой-то непонятной для него любовью! Потом он понял, что Дух Святой творит чудеса: Он, поселяясь в человеке, превращает жгучую ненависть в горячую любовь. А братья-немцы вообще не виноваты в смерти отца и брата Николая. И он полюбил немцев по-настоящему: Божией любовью.

С тех пор у Николая появились друзья из немцев, и их было намного больше, чем русских, еще и сегодня среди немцев у него не меньше надежных друзей, нежели среди русских. И сколько он помнит, после того НИКОГДА у него не возникал вопрос неприязни к немцам или другим

нациям. Наоборот, свое долголетнее пресвитерское служение Николай нес в русско-немецком братстве, и помощники у него были в большинстве своем из немцев. Они жили и работали дружно, и никогда не возникало проблем на этой почве.

Больше того, однажды стало известно, что на железнодорожную станцию с Волги привезли немцев и, выгрузив их на платформе, оставили там. Вместе с другими и мама с Николаем отправились на станцию и взяли одну немецкую семью к себе домой. Это была мать с тремя детьми. Долго жили вместе — в тесноте, да не в обиде!

Среди христиан националистов не бывает! Не должно быть! Господь любит всех людей, и никто не имеет права возвышаться над другими. Ведь Бог — Творец всех людей, и никто не виноват, что он не такой, как ты! Христианство — это единое братство! Из всех наций, народов и языков — одно братство, одна семья!

Это ли не Божественное чудо?! Слава Тебе, Господи, и за это чудо! Ибо никакая партия, никакая другая организация и сила не смогла, да и не сможет, объединить людей разных наций и языков в одну единую дружную семью. И только христианство, объединенное Духом Христовым, живет и будет жить одной семьей! Слава Тебе, Господи, за всех моих братьев и сестер из разных наций и народов! Я счастлив быть членом такой семьи! — говорит сегодня Николай. Он на деле узнал силу и прелесть Христова обетования.

Однажды в Москву с Николаем поехала и его жена Катя. В Москву приехал и президент Всемирного союза баптистов, брат Толберт. Он был негр. Его лицо было черным-черным и блестело, как начищенное голенище сапога. После его выступления на Пленуме ВСЕХБ все братья подходили к нему с приветствиями. Подошел и Николай,

крепко обнял брата Толберта и поцеловал его, о чем потом рассказал своей жене.

Катюша очень удивилась и даже переспросила, неужели и правда он целовал его, ведь он такой черный! Да, но это мой брат! Брат из далекой Африки, как же не целовать его?!

На обед в столовой ВСЕХБ собрались братья, туда же пришли жена Николая и жена Толберта, которая выступала и рассказывала о своей работе среди женщин Африки. А после обеда Катюша обнимала и целовала эту чернокожую африканку как свою близкую и любимую сестру! И это было непринужденно и от сердца. Вот что делает Христова любовь! Она объединяет все нации, расы и народы в одну братскую Божию семью!

«Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Меня и Евангелия и не получил бы ныне, в это время, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем — жизнь вечную» (Мк. 10:29,30).

Возрожденный дух Николая побудил его даже поехать к жестокому, бесчеловечному Сапелко. Николай нашел его больным, лежащим в постели. С трудом можно было узнать этого когда-то гордого и властного председателя: он почти ослеп, ослабел, осунулся. Его подняли и посадили на кровати.

Николай рассказал, что это он тогда стрелял в него из рогатки. И попросил у него прощения, сказав, что он уверовал в Бога и что Господь побуждает его это делать. Сапелко прослезился и сказал, что он его прощает, но он тоже сознает, что жестоко обращался с ним и другими, попросил прощения и стал умолять помолиться за него Богу. Нико-

лай тут же помолился, и они расстались как близкие знакомые.

Через несколько дней Николай снова был у него и принес ему написанные от руки стихи из Библии и один псалом из сборника песен: «Вдали от Бога, ты как в море, заброшенный волною челн...» Когда Сапелко от души поблагодарил, Николай вспомнил о разбойнике, которому Господь простил грехи, и помолился Богу, чтобы и Сапелко Бог привел к покаянию и простил его тоже, чтобы не погибла его душа.

Его месть Сапелко обратилась в Божию любовь, и Николай еще несколько раз ездил к своему бывшему врагу с маленькими знаками внимания, которые принимались прощенной стороной с глубокой признательностью и радостью. Затем эта семья, по совету врачей, переехала куда-то в другое место, и общение прекратилось. Но молитвы продолжались.

Более того, рождение свыше изменило отношение Николая к военным играм, которые особенно любили дети в военные годы и после войны. Рогатку Николай изломал и выбросил, а вместе с нею наганы из медных трубок, дымовые шашки из селитры и серы, «пушки» — начиненные песком стрелки лука и стебли подсолнухов и тому подобное. Это его уже не интересовало.

Когда у Николая появились свои дети, в том числе сыновья, он для них не делал, не покупал и не разрешал им самим мастерить что-либо подобное, воспитывал их в милосердии и сочувствии ко всем людям и всему земному творению Божию. В доме не было ни одной военной игрушки — ни у кого из семерых детей. Дети выросли пацифистами. Но зато нежное отношение к животному и пернатому миру, даже к любому червячку и жучку, а равно и ко всему растительному миру, сохранилось у них на всю жизнь. Что очень радовало Николая как отца.

А как вы, дети и юноши, относитесь к подобного рода играм и игрушкам?

Пересмотрите ваши игрушки: война – это плохо, война – это страшно, война – это смерть! А военные игры возбуждают в человеке желание причинить боль другому человеку, ожесточают ласковое и нежное детское сердце, делая его бесчувственным и каменным, превращают хорошего человека в насильника, обидчика, жестокого и вредного человека.

И вы, родители, постарайтесь помочь своим детям разобраться в играх, мультиках, игрушках и увлечениях. Если не воспрепятствовать укоренению в детских сердцах жестокости к живому миру и людям, если не перенаправить их увлечение войной на мирные занятия, если дать им волю стрелять друг в друга игрушечными пистолетами, то когда они вырастут, им будет легко поднять руку на вставшего на их пути человека, а нередко и на родителей!

Не откладывайте это на завтра! Не упустите время! Помогите детям правильно оценивать увлечения их сверстников и укажите на хорошие игры и занятия, способствующие раскрытию их талантов и душевного богатства. Воспитывайте в детях бережное отношение к живому Божьему миру!

Николай в отрочестве и ранней юности пробовал писать стихи, как это делают почти все в таком возрасте. Чистой бумаги почти не было и писали на старых газетах. А Николаю очень хотелось иметь отдельную чистую тетрадь для стихов. И вот однажды он заметил, как учительница химии, уходя с урока, оставила на столе в классе тетрадь. Он подождал, пока все ушли, и взял эту тетрадь себе. Там была исписана только одна страница. Он ее вырвал, и получилась тетрадь для стихов.

Но когда Николай покался, совесть напомнила ему этот грех и лишила сердечного мира и покоя. Тогда он купил чистых тетрадей (они уже были в продаже) и, взяв три, пошел в школу. Он дождался, пока эта учительница вышла из школы, подошел к ней и все рассказал. Она удивилась и сказала:

— А я даже не заметила, что забыла в классе, думала, что сама где-то потеряла. Николай попросил у нее прощения и отдал ей три тетради вместо одной. Она не хотела брать, убеждая, что у нее много тетрадей дома и что он может оставить их себе.

Но Николай объяснил, что ему совесть не дает покоя, и для того чтобы он успокоился, ей нужно взять эти тетради. Она взяла их и сказала задумчиво:

— Нам всем нужно каяться. Есть в чем каяться каждому!

С тех пор Николай полюбил эту учительницу, и по химии у него были только «пятерки», а она всегда относилась к нему с большим уважением. Через год Николай подарил ей небольшую записную книжечку, куда собственноручно вписал свои любимые стихи из Библии и песни. Учительница была очень рада такому подарку. Жаль, что скоро они расстались. Но хотя больше Николай ее никогда не видел, он продолжал молиться о ней, чтобы она покалась и стала христианкой.

Много другого произошло в жизни Николая после покаяния: всего не расскажешь. Расскажу еще историю о том, как Бог вмешался в его войну с безбожием.

С восьмого класса Николай стал учиться в вечерней школе и работать на производстве. Таким образом, он имел небольшие карманные деньги на обеды. Эти обеденные деньги он экономил и на них «воевал»!

Однажды за одной такой ожесточенной баталией его застал дорогой брат по вере Бакуменко И. С.: Николай

сидел у пылающей печки и, вынимая из сумки книги и брошюры, разрывал их и бросал в огонь.

— Что ты делаешь, Коля? — обратился к нему брат.

— Жгу атеистическую литературу, — с достоинством отвечал Николай.

— Зачем ты это делаешь? — переспросил он.

— Борюсь с сатаной!

— А где ты их берешь? — любопытствовал брат.

— В магазинах скупаю.

— И по многу скупаешь?

— По две сумки каждый месяц.

— И как давно уже скупаешь?

— Почти год! — ответил Николай и снова вступил в бой, расстегивая другую сумку.

— Ого! — воскликнул брат. — Вот это вояка!

Николай встал и, ободренный этим возгласом, радостно признался, как он экономил деньги на обедах, как скупал атеистическую литературу в магазине, и добавил:

— Сколько я уже пожег этой литературы!

— А сколько денег ты уже сжег вместе с ней! — печально проговорил Илья Семенович. — А сколько пицци недополучил твой желудок! Садись рядом, поговорим о твоей борьбе с сатаной и атеизмом.

— У тебя есть большая ревность о Боге, но ревность не по рассуждению, — начал свою речь уважаемый брат.

Далее Илья Семенович рассказал, что чем больше распродается какая-нибудь литература, тем больше ее печатают, и это приносит доходы государству. Так что литературы атеисты выпускать будут еще больше, притом с радостью.

— А разве хотел бы ты их порадовать? Далее, давай посчитаем, сколько ты за год выбросил денег в печку.

И когда подсчитали, оказалось, что на эти деньги можно было купить бывший в употреблении, но еще крепкий велосипед.

— А ты сжег его. Бороться нужно по-другому, нужно изменять отношение людей к греху и к Богу. Нужно проповедовать Евангелие, где только возможно. Многие люди эту литературу не читают, а в Бога не верят. Так что продолжай, брат, бороться с атеизмом и сатаной, но другими методами и другим путем.

Николай понял свою ошибку и, прекратив эту бессмысленную войну с сатаной и атеизмом, решил посвятить себя проповеди Евангелия, благодаря Бога за Илью Семеновича и его совет. Он начал проповедовать еще до принятия крещения, при посещении малых групп верующих.

Как часто молодые люди решают что-то сделать, и делают, без рассуждения, пожиная потом убытки не только финансовые, но и нравственные. Если у вас, молодые люди, есть верующие родители, благодарите за это Бога и не считайте их отжившими «предками», не понимающими современной жизни. Напротив, откройте им свои планы, поделитесь своей мечтой и спросите у них совета, как лучше поступить. Вы не ошибетесь!

Своими путями вы всегда успеете пойти, но, может быть, не всегда сможете вовремя остановиться. Выберите время, пойдите к опытным христианам или пригласите таковых на ваши молодежные общения и поговорите с ними.

Устраивайте встречи со стариками: они вам тоже помогут! Народная мудрость гласит: «Старый конь борозды не испортит!» Не торопитесь сразу же следовать желанию своего сердца. Посоветуйтесь, поговорите, подумайте! От многих заблуждений и опасностей уберегут вас советы старших, уже прошедших немалый христианский путь. И не забывайте молиться. Дух Святой научит вас, как поступать и что делать.

Да, Дух Святой изменяет мысли, чувства и даже ха-

рактеры людей, когда поселяется в их сердцах. Вспомните Савла, Закхея, Петра, разбойника и многих-многих других.

Глава 14

МОЛОДЕЖЬ В ЦЕРКВИ

С первых дней покаяния Николай активно вошел в жизнь церкви и церковной молодежи. Тогда поместная церковь в Сибири насчитывала в своих рядах 150–170 членов. Среди них молодежи было человек пятнадцать. Несмотря на то что молодые люди еще не все были членами церкви, они были едины, как дружная семья. Николай помогал организовывать разнообразные молодежные вечера, встречи молодежи с христианами старшего поколения. Помогали больным, оказывая физическую помощь по дому, по хозяйству, в огородах, и посещали соседние малые группы верующих.

Те годы для христиан были трудными. Если во время войны, под давлением союзников, от которых ожидали открытия второго фронта, советские власти разрешили открывать молитвенные дома и собираться в них, верующих даже выпустили из тюрем, то после войны на верующих началось новое гонение. Верующих притесняли в школах, притесняли на производстве, предоставляя им только грязные и тяжелые работы, не принимали в институты и техникумы; общины не регистрировали, собрания не регистрированных общин разгоняли, штрафовали руководителей собраний и хозяина дома, где эти собрания проходили. О верующих говорили и писали плохо, сочиняли всякие небывлицы и грязные истории и печатали это в газетах. Верующих родителей лишали родительских прав и отнимали

у них детей. Одним словом, христиан-баптистов считали отбросами общества, более того, их открыто называли врагами народа, мешающими строить коммунизм, и боролись с ними как только могли: всеми методами и всеми средствами.

Но несмотря на жестокое отношение мира к верующим, христианская молодежь жила активной жизнью и, при всей занятости, кроме своей общины посещала маленькие группы христиан в радиусе сорока километров. Сначала ездили в товарных вагонах, затем, когда многие стали работать и приобрели велосипеды, на велосипедах, а потом и на маленьких мотоциклах. Обычно такие посещения совершали в воскресенье вечером, после своего собрания.

Ездить было трудно, последствия таких поездок были иногда смешными, иногда плачевными.

Обычно группа молодежи собиралась на станции и узнавала, какой товарный поезд и когда отправляется в нужную сторону. Найдя поезд, молодые люди забирались в пустые товарные вагоны, а при закрытых вагонах — в тамбуры и отправлялись в путь.

Иногда до нужной станции доезжали благополучно, и когда поезд, еще не доходя до станции, замедлял ход, прыгали с вагонов на песок насыпи.

Но бывало и по-другому. При подходе к станции поезду давали зеленый свет, товарняк набирал ход и без остановки проносился через станцию. И вот тогда, уже за станцией, мальчишкам и девченкам приходилось прыгать с поезда на полном ходу. Одни прыгали удачно; другие, приземляясь, ударялись о камни, натыкались на стоящие вдоль железнодорожного пути столбики, ранили руки, ноги, нередко лица, падая на большой скорости на землю.

Еще хуже — быть облитым мазутом. Это иногда делали люди, сопровождавшие товарняк. Их место было в тамбуре последнего вагона. Они следили, чтобы не загорались

буксы у колес вагонов и не возник пожар в поезде. На остановках они подливали мазут в буксы тех колес, которые при движении нагревались и дымились. И потому их большие масленки всегда были полны мазута. Так вот, такие сопровождающие замечали, в тамбур какого вагона села молодежь, брали масленку в руки, залазили на крышу вагона, по крышам доходили до нужного им вагона и сверху поливали этим мазутом людей. При движении поезда ветер забрасывал струи мазута далеко внутрь, а сверху, то с одной стороны, то с другой, все брызгали и брызгали этим черным противным мазутом. Тогда доставалось всем: головы, лица, рубашки, платья — все было в черных пятнах и брызгах.

И вот такими — черными и грязными, в ранах и синяках, в порванной одежде — приходили ребята на собрания верующих. Но веселое настроение, безобидные шутки и ободряющие слова слышались из уст мальчиков и девочек.

Николай помнит еще и сегодня подобную поездку на станцию Ключи. Помнит и ту песню, с которой они шли тогда на встречу:

В утро юности прекрасной, жизни радостной рассвет,
Мы спешим на призыв властный исполнять Христа завет!
Для труда на Божьей ниве мы готовы все отдать,
О, не будем же ленивы, пока день — не будем спать!

Однажды группа верующей молодежи, после вечернего собрания, поехала посетить верующих на станции Табуны, за двадцать пять километров. Доехали туда быстро и благополучно. Изба, где проходило собрание, была полна народа, так как ждали гостей, то есть молодежь из Кулунды. Собрание с участием гостей, пением, стихами, проповедью прошло благословенно, даже двое покаяться. В конце служения зашли представители власти с милицио-

нером, но мешать не стали. Дали возможность закончить служение, гостям даже разрешили попить чаю на дороге. Когда же гости стали прощаться с хозяевами дома, милиционер предупредил их, чтобы они больше сюда не приезжали, пригрозив посадить их в следующий раз на пятнадцать суток.

— А сейчас мы вас отвезем, — продолжал он. — Только не вздумайте бунтовать.

— Но у нас есть свои велосипеды, — сказал Николай, — и мы доберемся домой сами.

— Нет, мы народ гостеприимный, и мы вас проводим с почетом. А велосипеды ваши конфискованы, и вы все теперь «безлошадные».

Ничего еще не подозревая, молодежь вышла из избы. Во дворе стояли еще милиционеры и грузовая крытая машина-хлебовозка, куда блюстители порядка посадили молодежь. Сюда же сели и два милиционера, снаружи закрыли дверцу на замок и поехали. Ехали долго, окон в будке не было, и невозможно было определить, в каком направлении движется машина. На вопросы молодых людей сопровождавшие только улыбались и отвечали, что они сами не знают, куда их везут.

— А кто же знает, куда нас везут? — допытывались некоторые ребята.

— Дядя, который сидит рядом с шофером в кабине, — отвечали милиционеры.

— А кто он?

— О, он великий человек! — И сопровождающие засмеялись.

Друзья не стали паниковать, но, вручив свои пути Господу, начали петь. Первую песню спели:

Лучшие дни нашей жизни, свежие силы весны молодой
Мы посвятим Иисусу в дар для Него дорогой!

Что может быть нам приятней, как Иисусу служить,
Жизни простор необъятный, сердце Христу подарить!

Пропели весь псалом, а концовку пропели дважды:

Пусть нас постигнут гоненья,
Смерть за Христа не страшна!
С радостным пеньем хваленья
Мы одолеем врага!

После этих слов один из милиционеров спросил:

— А кто такие ваши враги? Это мы?

Наши братья были рады, что начался разговор, и стали охотно объяснять, кто у христиан враги... Завязалась беседа. Потом сопровождающие сами попросили нашу молодежь еще спеть.

И снова полилась песня:

В утро юности прекрасной,
Жизни радостный рассвет,
Мы спешим на призыв властный
Исполнять Христа завет...

Вдруг один из милиционеров спросил:

— Вы что? Все вы немцы?

— Почему вы так решили? Среди нас есть и немцы, и русские.

— Ну эта же вера не русская, а немецкая.

Опять начались разъяснения со стороны молодежи, что баптисты есть во всех странах, так как христианство — это привилегия всех наций. После чего спели еще один псалом на эту тему:

Не храм, не золотое зданье,
Не круг отобранных друзей,

Христова церковь есть собрание
Крестом искупленных людей!

Собрание душ из всех народов,
Со всей земли и всяких царств,
Из тюрем, из-под царских сводов,
Из общин всех и всяких паств.

Другой из стражей порядка сказал:
— Я украинец. А украинцы любят петь. А вы можете
спеть по-украински?
— Сможем! — обрадовались наши и запели:

Ты знаешь, Боже, мое бажання
Молитву чуешь Ты мою,
Ты знаешь сердца мого страждання,
Колы я гирьки слёзы ллю,
И хто спытае, и хто потишить,
Колы сумна душа моя.

И так пропели весь псалом. Заказавший украинскую песню, полез в карман, достал платок и стал вытирать лицо. Видно было, что эта песня коснулась его сердца.

За пением и беседами спать не хотелось. И хотя молодым людям нужно было завтра утром быть на работах, они не унывали. Они были рады засвидетельствовать этим служивым людям о правде Божией и об Иисусе Христе как Спасителе мира.

В минуту передышки между песнями кто-то сказал:

— Мы, как Иона в трюме корабля, спокойны, когда кругом опасности!

— Или как во чреве кита: не знаем, куда плывем, кругом, как у Ионы, темно, — сказала сестра.

Но кто-то возразил:

— Нет, Иона сам убежал от Господа, а нас везут. Иона противился Божьему поручению, а мы выполняем Его повеления.

Настроение у пленников было хорошее: никто не роптал, никто не жаловался, все были веселы и даже довольны, что удостоились гонения за Христа.

Вдруг автомашина свернула с проселочной дороги и поехала по ухабам.

Все удивленно посмотрели друг на друга. Куда? Зачем? Так ехали тоже долго.

Наконец остановились. Открылась дверца, и послышалась команда: «Выходи!» Вышли. Милиционеры остались в машине. «Большой человек», вышедший из кабины, на прощанье пригрозил:

— Если еще раз появитесь у нас, в Табунах, хуже будет.

Затем снова забрался в кабину, машина рванула с места, и вскоре скрылась из глаз, оставив друзей одних в какой-то глухомани.

«Ссылные» осмотрелись: вокруг раскинулись сжатые поля. Стояла темная, безлунная ночь. Хотя заморозков еще не было, однако ночи уже были холодные — осень.

«Где мы? Куда идти?» — немые вопросы застыли на лицах ребят.

Помолившись Богу, пошли по следу уехавшей машины. Пока след шел по вспаханному полю, он был виден, но как только он перешел на жнивье — затерялся, смешавшись с другими следами, оставленными при уборке урожая. Куда идти? Решили ждать утра. Усевшись на землю, стали вспоминать библейских героев веры, претерпевших страдания, гонения и даже смерть за Христа и Его дело.

Вспоминали тех, кто побывал в подобных ситуациях. Так Авраам «пошел, не зная куда идет»; Иаков отправился в неизвестный путь; путешествие Моисея с Израилем по пустыне; скитания Давида по ущельям и горам; и кто-то

вспомнил рождество Христово и волхвов, пришедших из дальних стран поклониться Ему. Их привела к Нему звезда.

— Вот нам бы сейчас такую звезду, чтобы указала нам путь домой! — помечтал кто-то.

Все посмотрели на небо. Но никакой особенной звезды они не увидели. В разговорах и воспоминаниях время летело быстро. Было уже далеко за полночь.

Вдруг с одной и другой стороны послышался протяжный вой. Николаю он был хорошо знаком: волки! Неизвестно было, возвращались ли они с охоты или только соби- рались поохотиться, но что это был вой волков из полыней, заросли которых находились рядом, никто не сомневался.

— Волки. Что будем делать?

— Вот, поистине, Господь нас послал как овец среди волков, — сказала сестра Зина.

Все молчали. Волнение охватило друзей. Никому не хотелось встречаться с волками.

Вой волков нарастал, он становился громче и ближе. Николай знал, что нужен огонь. Но где его взять? Ни спичек, ни бумаги не было. Походив по полю, он нашел два небольших камня, набрал сухих листьев кукурузы и, ударяя камнем о камень, стал высекать искры. Долго не могли загореться листья, но наконец они начали тлеть и вспыхнул огонек.

Все обрадовались и общими силами стали разжигать костер, собирая вокруг стебли кукурузы и полыни. Костер горел по-настоящему: весело и ярко.

Волки тем временем подошли совсем близко: были видны их горящие глаза и темные силуэты. Волки уселись, не решаясь подойти ближе из-за огня. Уже начало светать, а волки не уходили.

Вдруг один брат, посмотрев по сторонам, громко воскликнул:

— Слава Богу! Путь нам открыт! Настало время нам отправляться!

Все удивленно посмотрели на него, и кто-то, усмехаясь, произнес:

— Брат получил откровение! Увидел, наверное, звезду! Но тот не сдавался. Он продолжал свою речь:

— Сам Бог открывает нам путь домой, посмотрите, — и он указал рукой в ту сторону жнивы, где не было волков.

Все осмотрелись: только одна сторона была свободна для выхода, с трех других сидели волки. Помолившись Богу и приняв это за знак Божией помощи, все согласились идти в открытую сторону. Загасили костер и пошли с пением:

Страшно бушует житейское море,
Сильные волны качают ладью.
В ужасе страшном, в отчаянном горе,
Боже, мой Боже, к Тебе вопию.

Сжался над мною, спаси и помилуй,
С первых дней жизни я страшно борюсь,
Больше бороться уж мне не под силу,
Боже, мой Боже, к Тебе я молюсь.

За этой песней последовала другая:

Юность светлая, весна ранняя, мы ее Творцу принесем,
Молодые дни, золотые дни лишь для Господа живем!

Шли, пели и плакали, а волки сопровождали их тремя группами: одна осталась сзади и шла следом. Две другие пошли справа и слева от «закланных агнцев». Так они и шли под конвоем волков. Иногда волки сворачивали, и друзья также сворачивали и шли, как по живому коридору.

Взошло солнце, а волки все еще сопровождали ребят до самой дороги.

На проселочной дороге одна сторона была свободна от волков, и друзья, поблагодарив Господа за волков, весело побежали по ней. А волки, исполнив свой долг, повернули назад и скрылись в высокой сухой полыни, превышающей рост человека. Дорога, по которой пошли друзья, была пуста и безлюдна. Наконец впереди показалась бричка, запряженная парой лошадей. Она двигалась навстречу. Ребята обрадовались, но напрасно. Человек на бричке, не доезжая до них, круто свернул с дороги и объехал их стороной.

Друзья огорчились, но когда посмотрели друг на друга, то рассмеялись и поняли, что тот человек попросту испугался: их лица были разукрашены сажей от костра, одежда тоже испачкана, а у некоторых и порвана.

Хотя никто не знал, куда ведет эта проселочная дорога, ребята бодро зашагали по ней, уверенные, что она правильная, ибо указана самим Богом через волков.

Эта дорога привела их к большому русскому поселку. Здесь они узнали, что до Кулунды сорок километров. Получалось, что ребят отвезли от дома километров за шестьдесят, и одну треть пути они уже прошли. В этом селе была группка верующих христиан. Молодых людей тут приняли, обогрели. Здесь они умылись и позавтракали. Домой их вез на бричке верующий колхозник по имени Матвей и пригласил посетить их общину, что молодежь потом и делала не раз. Здесь у них не случилось никаких происшествий, так как сам председатель колхоза с уважением относился к верующим.

Домой добрались только после обеда. Идти на работу было уже поздно, и потому, собравшись после короткого сна, «миссионеры» рассказали всем остальным христианам, обеспокоенным их долгим отсутствием, о своей не-

обыкновенной поездке. Выслушав историю их возвращения домой, братья и сестры со слезами благодарили Бога за Его милость и мудрость, за то что Он даже волков использует для служения Своим последователям.

Спасенные же друзья, усталые, но счастливые, обогатились новыми познаниями о Своем Господе как о добром Пастыре. Эта поездка их не сломила, напротив, закалила их верность Господу и вдохновила на новые служения, открыв перед ними новые горизонты. Да и в Табунах были потом еще не раз и, видя, как две новые души возрастают в вере, радовались и говорили, что их испытание было не напрасным.

Известное изречение: «Молодые люди видят перед собой вершины и желают их покорить, а старые — горы и стараются их обойти» — как нельзя лучше подходило к нашим друзьям: они были молоды!

Мы в молодости искренне стараемся
За дело жизнь пожертвовать благое,
Спустя же годы сами удивляемся:
Как в голову могло прийти такое!

Назавтра молодежь опять благодарила Господа за то, что Его милосердие обновилось снова: ни у кого из учеников второй смены и из работающих не возникло проблем из-за их отсутствия.

В своей ревности молодежь делала много ошибок! Но, слава Богу, что «молодость — это недостаток, который быстро проходит!» Молодость упрекают за самомнение: дескать, она полагает, будто мир начался с нее. Но старость еще чаще думает, что мир кончается вместе с нею!

Слава Богу, что Господь Своих учеников не оставля-

ет в беде, но исполняет Свое обещание: **«И вот Я с вами во все дни до скончания века»** (Мф. 28:20). Если только мы ходим Его путями и послушны Его повелениям – Он с нами в любом месте, всегда, как написано во Втором послании к коринфянам (13:11). Кто научился доверять Богу, того не страшит будущее! Ибо Бог везде, и вся земля Господня!

Глава 15

МОЯ ПЕРВАЯ БИБЛИЯ

В военные и послевоенные годы Библий было очень мало: в бывшем Советском Союзе их не печатали, из-за границы получать запрещали. Верующие читали Библию ночами и по очереди переписывали от руки отдельные книги и даже целиком всю Библию.

Николай мог читать Библию: большая настольная отцовская Библия всегда лежала в доме на столе, но он хотел иметь свою собственную, которую можно было бы носить с собой. Так как он, учась в вечерней школе, уже работал, то постепенно откладывал деньги на Библию.

И вот однажды продавец, живущий по соседству, сказал Николаю, что в их магазин поступили два новых велосипеда, один из которых он выпросил для себя. Но он готов уступить, так как Николаю нужно было рано утром идти на работу пешком, затем, после работы, снова идти в школу. Тот добрый человек решил помочь Николаю и отдавал велосипед за ту же цену, что была в магазине. Это был дефицит.

В те годы даже простой велосипед в магазине купить было невозможно. А тем более импортный, да за магазинную цену! Мама тоже советовала:

— Купи велосипед. А на Библию еще заработаешь!

— А вдруг внезапно появится Библия, а денег не будет, — колебался Николай.

— Библию тебе может послать только Бог. Он же тогда и деньги даст, — уговаривала мама.

Николай не мог не согласиться с последним доводом и стал обладателем нового заграничного велосипеда с фарой и ручным тормозом. Велосипед назывался «диамант», — так было написано на раме. Он весь сверкал на солнце свежей краской. Николай его полюбил и обращался с ним очень бережно. Ход у велосипеда был очень легкий, и Николаю стало намного проще и быстрее добираться на работу. Он был благодарен Господу, соседу и маме за велосипед. В школу он ходил пешком, так как боялся, что там велосипед украдут.

На работе этот велосипед понравился одному молодому человеку, и он очень хотел его купить. Николай, конечно, и слышать не хотел об этом. Но тот тоже не отставал и однажды предложил цену в полтора раза больше, чем стоил велосипед. Николай заколебался, но продавать не спешил.

Однажды они разговорились, и Николай признался, что он копил деньги на Библию, но так и не нашел ее, потому и согласился купить велосипед. Теперь он ему очень нравится, к тому же велосипед ему необходим. Молодой человек помолчал, а потом сказал:

— Если я тебе достану Библию, новую Библию, ты отдашь за нее велосипед?

— А какая она? Большая или маленькая? — переспросил Николай.

— А какую тебе надо?

— Мне бы маленькую, чтобы можно везде носить с собой.

Несмотря на то что Николай ценил свой велосипед,

он, не раздумывая, сделал выбор. Парень обещал ему в обмен на велосипед достать новую маленькую Библию.

Через несколько дней этот человек, отозвав Николая в сторону, показал ему новую карманную Библию. Взяв ее в руки и прижав к сердцу, Николай не захотел расставаться с ней.

— Иди, бери велосипед, — радостно сказал он.

Все велосипеды находились под присмотром сторожа, и тот не отдавал велосипед Николая чужому человеку. Пошли вместе, Николай сам вывел свой велосипед, отдал его другу и сказал:

— Теперь он твой. Береги его.

Тот радостно взял велосипед, закинул на него ногу и поехал. Затем оглянулся и остановился. Николай помахал ему рукой. Но парень вернулся назад и снова спросил:

— Ну так что, меняемся? Не передумал?

— Нет, — отвечал Николай, — мы уже поменялись. Езжай спокойно!

Николай, прижимая к себе Библию, пошел домой пешком. Дома он рассказал историю обмена. Мама, видя искреннюю радость сына, сказала, что Слово Божие ценнее всего на свете и что он сделал правильный выбор.

С тех пор Николай никогда не расставался с той Библией. Она стала его постоянной спутницей. Он ее читал и днем и ночью и никогда ни разу не пожалел о том обмене! Он полюбил эту книгу на всю жизнь! Это о ней он выучил наизусть стихотворение Никитина: «Измученный жизнью суровой...»

Не раз Николай испытал истину этих слов:

Как сладко читать эти строки,
Читая, молиться в тиши.
И плакать, и черпать уроки
Из ней для ума и души!

В будущем эта Библия однажды спасет его земную жизнь. Но об этом позже.

Сейчас я хочу сказать всем: «Радуйтесь, что у вас есть Библия, цените ее, исследуйте ее! Заучивайте из нее стихи наизусть! Читайте ее везде и всюду – и исполняйте! И тогда над вами исполнится Божие обетование, записанное в Евангелии от Луки (11:27,28) и в Откровении (1:3). И вы будете воистину счастливы!

В одной газете было напечатано объявление: «Читайте нашу газету, чтобы узнать, что люди делают!» Рядом стояло другое объявление: «Читайте Библию, чтобы узнать, что людям следует делать!»

Кто-то сказал: «Чтобы быть мудрым и эрудированным, нужно прочесть 13 книг». Но каких именно, не сказал. Я же утверждаю: читайте Библию, и вы будете мудры, эрудированны и успешны! Ибо так написано в Книге Иисуса Навина (1:8).

Глава 16

НА РАБОТЕ

В сибирской общине верующих были братья с различными профессиями: бухгалтеры, часовые мастера, фотографы, механики, переплетчики и другие... Во время войны все верующие могли работать по своим специальностям. И некоторые братья занимали большие должности. Но прошло немного времени после окончания войны, и верующих начали притеснять и увольнять с работы или понижать в должностях. Молодежь это знала, и потому некоторые братья решили научиться разным специальностям у своих отцов, которые охотно согласились делать это у себя на

дому. Так, после работы и учебы в вечерней школе, Николай еще посещал такие домашние курсы. Он овладел бухгалтерским делом: ведением бумаг и работой на счетах; освоил профессию фотографа; изучил переплетное дело и мог переплетать книги и документы; научился ремонтировать часы.

С какой благодарностью Николай и его друзья вспоминали своих наставников и не раз пользовались приобретенными навыками на благо не только себе, но и другим!

В те трудные послевоенные годы местные райисполкомы устраивали на работу подростков по ходатайству их опекунов. Мама ходила в исполком и тоже взяла направление как для других детей, так и для Николая. Так, он в свои четырнадцать с половиной лет стал рабочим элеватора в «Заготзерно».

Его поставили вместе с женщинами и другими подростками сушить доставляемое из колхозов зерно, порой еще не совсем высохшее, прямо с полей. Зерно ссыпали на брезент в большие кучи (бурты), и рабочие должны были его «перелопачивать», то есть становились цепочкой в один ряд и деревянными лопатами бросали зерно в другую от кучи сторону. Когда куча кончалась, перебрасывали зерно обратно. И так по нескольку раз в день, поднимая как можно выше лопаты и развевая зерно по воздуху. Так просушивали зерно, прежде чем ссыпать его в элеватор или загружать в вагоны. Работа была трудная: нужно было стоять весь день на ногах и прилагать много усилий, чтобы не отстать от других. Руки и плечи ныли после такой работы.

Но так Николай работал только два дня. За эти два дня он заметил, как заведующий элеватором вечером садился на улице, что-то писал, зачеркивал, рвал бумагу, снова писал и страшно ругался. От других рабочих Николай узнал, что заведующий должен был к вечеру ежедневно

составлять сводку директору «Заготзерно»: сколько за день зерна принято от колхозов, притом от каждого колхоза отдельно, сколько зерна отгружено вагонами и сколько значитса в остатке на элеваторе. Заведующий элеватором был малограмотным, и потому он считал, сбивался в подсчетах, потому что считал, складывая все в уме и на пальцах, снова пересчитывал, и снова у него получались разные итоги. Он ругался и снова считал, и снова ругался.

На второй день вечером Николай подошел к нему после работы и предложил свою помощь, только попросил принести ему из конторы какие-нибудь старые счета. Когда принесли счета, Николай за какой-то час сделал все подсчеты, перепроверил их еще раз, расписал по колхозам и сделал общую сводку за день как по приходу зерна, так и по расходу, а также вывел остаток по элеватору.

Заведующий обрадовался помощи и освободил Николая от перелопачивания зерна. Ему было поручено заниматься бумагами: днем записывать номера приходящих машин с зерном, количество привезенного зерна и откуда оно поступило. А также сколько вагонов зерна отгрузили с элеватора, номера вагонов и количество отправленного зерна. К вечеру нужно было составить общую сводку за день для директора «Заготзерно».

Николаю было легко выполнять эту работу, и у него появилось много свободного времени, чтобы читать книги, ведь это было его любимым занятием: читал он дома, в школе и на работе. Но эта работа продолжалась всего неделю.

Директор «Заготзерно», узнав об умении Николая считать на счетах, пригласил его к себе в кабинет, попросил зайти к нему главного бухгалтера, и они вместе проверили умение молодого рабочего прибавлять на счетах и отнимать, умножать и делить, подсчитывать большие цифры и, проверив почерк, остались довольны. Главный бухгалтер

забрал его в бухгалтерию, посадил за отдельный стол и оставил его работать у себя, официально оформив подростка счетоводом, где он и проработал до десятого класса.

Помимо работы в конторе «Заготзерно», Николай занимался еще в вечерней школе и ездил по селам фотографировать людей. Брат Цыгельник М. В. подарил ему старенький фотоаппарат «Фотокор» (9x12) на ножках, несколько кассет и химикаты для обработки фотопленок и фотобумаги. Николай стал совершенствоваться и в этом деле, и у него появился дополнительный заработок.

Скоро он уже оказывал помощь семье и мог приобрести себе маленький мотоцикл «К-55».

Приобретенные навыки различных профессий пригодились и другим братьям. Это помогало христианской молодежи в работе, способствовало покупке личного транспорта и давало возможность выезжать для посещения других общин уже «своим ходом».

После окончания средней школы (о чем будет отдельная глава) Николай целый год оставался дома, хотя и хотел учиться дальше, в институте. Старший брат его тогда служил в армии. Чтобы не оставлять маму одну с детьми-школьниками, находившимися на ее иждивении, Николаю дали временно отсрочку от военной службы, и он остался дома. К тому времени старшая сестра вышла замуж и жила отдельно.

Николаю нужно было найти работу. В Кулунде открывался большой магазин от Управления железных дорог, но контора магазина находилось в другом городе, в Славгороде. Он устроился туда продавцом продовольственных товаров. Рекомендовал ему устроиться на эту работу один брат, работавший там же, в Управлении. Николай тоже был оформлен в этот магазин. В этом же магазине находился и отдел промтоваров, где продавцом был другой молодой человек. Работали они на полном доверии, и все шло хоро-

шо до ревизии, которая обнаружила у продавца промтоваров недостачу, а у Николая — излишки более чем на 1000 рублей. По закону за излишки наказание было большим, нежели за недостачу. Недостачу обязывали погасить в определенный срок, а за излишки судили, так как это означало, что продавец обманывал покупателей.

Главный бухгалтер этого ОРС (отдела рабочего снабжения), возглавлявшая ревизию, честно расспросила Николая, как он продавал, расспросила о нем у приходивших в магазин покупателей и заявила, что в суд она дело не направит, потому что Николай — честный продавец! И она забирает его к себе, в контору товароведом, ему в магазине делать нечего.

Оказалось, что Николай, при отпуске продуктов, как это делали в других магазинах, заворачивал в оберточную бумагу все продукты и взвешивал их вместе с бумагой. Таким образом выходило, что он брал деньги и за оберточную бумагу, которую получал бесплатно. А ее в месяц уходило немало. Поэтому и оказалось в кассе лишних более 1000 рублей. Вера Абрамовна знала Николая по рассказу своей матери-баптистки и уважала его за честность, кроме того, она созналась, что райком партии и райисполком недовольны им как продавцом, и ему нужно уходить из магазина.

— Почему? — простодушно удивился Николай.

— Потому что ты их жен, приезжающих к тебе за продуктами, ставишь в общую очередь и не разрешаешь им брать, сколько они желают. А они, как особая элита, этого не любят.

Дело в том, что в начале 50-х годов двадцатого столетия с продуктами было еще трудно. Макароны, сахар, масло, мука были большим дефицитом, и на продукты был установлен лимит отпуска в одни руки, и за продуктами всегда стояли очереди. Те же «особые» женщины не хотели стоять

в очередях. К тому же они хотели брать столько, сколько им нужно, без всякого ограничения. А Николай просил всех стать в одну очередь и, не обращая внимания на записки из райисполкома и райкома, выдавал продукты строго по лимиту.

Тогда начальник отдела ОРСа приказал Николаю работать после работы, по два часа дважды в неделю, на отоваривании этих дам и партийных работников.

Николай подчинился приказу начальника, но объявил своим братьям и сестрам по вере, чтобы они тоже приходили к нему за продуктами в это же самое время. Всех верующих он расписал на четыре среды с таким расчетом, чтобы за один раз не пришло много людей и взяли столько, чтобы продуктов хватало на две недели. Дважды в неделю, после работы, у служебного входа, со двора, устраивалась «элитная» очередь из коммунистов и баптистов, что властям явно не нравилось. Они решили временно дать Николаю повышение по работе, заменив его своим продавцом.

Но на новой должности товароведа Николай проработал всего полгода. За это время у него произошло много интересных событий.

Однажды в контору ОРСа пришли врач и медсестра делать прививки от какой-то эпидемии. Разместились они в кабинете начальника ОРСа, куда приглашали по очереди работников для прививки. Открылась дверь, и техничка позвала:

— Николай, на прививку.

И ушла. Николай встал и направился к двери, но его опередил его коллега, товаровед промышленных товаров, Дмитрий.

— Николай уступи, я хочу прививку сделать и успеть на автобус, — попросил он.

— Я не против, — согласился он.

И вместе пошли на прививку. Кроме медсестры и врача, в кабинете сидели еще два человека в штатском. Медсестра уже стояла наготове со шприцем в руках. Дмитрий, закатив рукав рубашки, подошел к ней и сказал:

— Сначала сделайте мне, а то я опоздаю на автобус, а идти домой пешком мне далеко.

Медсестра в нерешительности стояла и смотрела на штатских. Те молчали.

— Нет, — возразила она. — Давайте сначала ему, — и указала на Николая.

Дмитрий же, подступив к ней, стал настоятельно требовать сначала сделать прививку ему.

Николай, стоящий рядом, начал смутно догадываться, в чем дело, и стал неторопливо отговариваться:

— Я не тороплюсь, я на мотоцикле, делайте ему, а я тем временем сниму рубашку.

— Ну что делать? — ни к кому не обращаясь, спросила медсестра.

— Делайте, что просят. Притом быстрее, время уходит, — ответил один из штатских.

Она достала другой шприц, вставила иглу и из принесенного флакона набрала светлой прозрачной жидкости.

Диме сделали прививку. А Николай в это время, осознав всю опасность положения, беззвучно молился.

— Ну давайте теперь вам, — сказала медсестра.

Николай подошел к ней и сказал:

— Мне тоже такой же укол будет? Ведь мы на одинаковой с Димой должности и одинаково восприимчивы к микробам. Да и работаем в одном и том же магазине.

Медсестра побледнела, посмотрела на наполненный розовой жидкостью шприц и, глядя на штатских, вполголоса спросила:

— Что же теперь делать? — чем выдала их еще больше.

Наступила долгая гнетущая тишина. Затем раздался раздраженный сердитый голос:

— Конечно, одна эпидемия наступает! Одинаковой должна быть и прививка всем!

Медсестра дрожащими руками набрала в тот же шприц такой же жидкости, как и Диме, и с большим волнением сделала укол Николаю, и он увидел в ее глазах застывшие слезы. Одеваясь, он краем глаза видел, как медсестра выбросила шприц с розовой жидкостью в помойное ведро и, схватив свою сумочку, выбежала на улицу.

На следующий день, узнав, что в тот день только ему и Диме сделали прививки, Николай окончательно убедился, что ему хотели влить яд, но Бог не допустил этого и заступился видимым образом. Этот случай послужил Николаю важным напоминанием о необходимости молиться каждый день, во всякое время и постоянно.

Потом он ходил в железнодорожную больницу, откуда приходила медсестра. Он узнал, что ее зовут Раисой, но что она сегодня утром уволилась с работы. Об истинной причине внезапного увольнения никто, кроме Николая, не догадывался.

Другое памятное событие произошло для свидетельства Диме о христианстве и братской любви.

Глубокой осенью Диму с Николаем командировали в город Славгород для ревизии одного большого магазина, входящего в систему ОРСа. Они приехали в город, нашли контору, представились, и так как рабочий день подходил к концу, решили начинать ревизию завтра утром.

— А где же будем ночевать? — спросил Дима.

— У нас своей гостиницы нет, — сказал главный бухгалтер. — Можете размещаться в конторе. Правда, мы еще не топим, и постелей у нас нет, но есть столы и много папок; на столах можно спать, а под голову вместо подушек можно положить папки.

И он показал на столы и на толстые годовые подшивки папок в шкафу.

Им оставили ключ от конторы. Все работники разошлись, ушла и уборщица. Наступил вечер, с улицы потянуло в щели прохладой. И хотя здесь стояла печка, но она была холодной: отопительный сезон еще не начался. Ревизоры поняли, что ночью им будет весело.

— Что будем делать? — спросил Николай.

Идею подал Дима:

— Город Славгород большой, и, наверное, здесь есть верующие, такие как ты. Пойдем, попросимся к ним на ночлег.

— Но их надо найти, — охладил его восторг Николай.

— Ну пойдем, будем искать, пока еще не совсем стемнело, — не унимался Дима.

— Ну ладно, пойдем, — согласился Николай.

Николай уже не раз бывал в этом городе с молодежью и знал кое-какие адреса верующих, где останавливалась молодежь. Эти адреса он взял с собою, и еще в конторе их повторил и запомнил один адрес, который был недалеко отсюда.

Николай сказал, что тут у него есть адрес верующих и предложил пойти на эту улицу. Отыскав нужный номер дома, открыл калитку и постучал в дверь. Вышедшему хозяину дома он сказал:

— Добрый вечер! Я баптист, а это мой друг, коммунист. Мы приехали в этот город в командировку и нам негде ночевать. Вы можете, во имя Иисуса Христа, пустить нас переночевать?

— Рая, — окликнул хозяин, поворачиваясь внутрь дома. — Здесь стоят два странника, просят на ночлег. Пустим их?

— Конечно, — раздался из дома голос, и на пороге появилась молодая красивая женщина. — Не ночевать же им

на улице. Заходите и располагайтесь, — приветливо пригласила она неожиданных гостей.

Гости умылись, согрелись, вместе с семьей аппетитно поужинали и, утомленные ходьбой и переживаниями, довольные улеглись в чистые, мягкие и теплые постели и заснули богатырским сном.

Вдруг, рано утром, было еще темно, раздался испуганный голос Димы, который по-настоящему кричал:

— Николай, Николай! Я ни рубля не брал, не брал я, — и стал божиться.

— В чем дело? — вскочил разбуженный криком Николай. — Почему ты кричишь?

Дима стал торопливо объяснять, как он тихонько встал, чтобы сходить в туалет, зажег свет в зале, вышел на улицу, а когда вернулся назад в дом, заметил на столе деньги.

— Но я их даже не трогал. Николай, поверь мне, я их не брал! — повторял Дима.

Николай подошел к столу. На столе лежала записка: «Мы ушли на работу. Когда вы проснетесь, в кухне разогрейте себе завтрак, покушайте, а на обед сходите в столовую, для чего возьмите эти деньги. Вечером приходите снова к нам ночевать», — значилось в записке. Рядом лежали деньги, и немалые деньги.

— Но я их не брал, — продолжал утверждать Дима.

— Да перестань ты! — перебил его Николай. — Тебя никто не обвиняет.

— Ну, чтобы ты не думал плохое обо мне, — пробормотал Дима.

— А у нас, христиан, верят на слово, будь спокоен! Не брал, значит, не брал!

Умылись, позавтракали и пошли на работу, оставив на столе деньги.

Осенний день прошел быстро, да и позавтракали плотно, потому на обед в столовую не пошли.

К вечеру Дима заговорил о ночлеге снова:

— Мы снова пойдем к твоим братьям?

— Нет! Сегодня очередь идти к твоим, — подшучивал Николай.

Наступил вечер, а с ним и конец рабочего дня. На душе у Димы было тревожно. Молча оделись, вышли на улицу и остановились.

— Ну, куда идем? — спросил Николай.

— Где были вчера, — поспешно ответил Дима.

— Нет! — возразил Николай. — Сегодня мы пойдем к твоим братьям.

— А у меня их здесь нет.

— Как нет? А коммунисты разве не твои братья?!

— Нет! — закричал Дима и даже остановился. — Ей Богу, они не пустят!

— Пустят, — продолжал Николай испытывать Дмитрия. — Вот сейчас пойдем по улицам, найдем, где живут коммунисты, и ты скажешь:

— Я коммунист, а он баптист, и мы пришли к вам переночевать. Примите нас во имя Ленина, Сталина, Маркса и Энгельса. Накормите нас ужином и дайте денег на завтрашний обед. Я ваш брат!

Дима удивленно и растерянно посмотрел на своего напарника и закричал:

— Ей Богу! Нас они не примут и даже не пустят в дом! А ведь твои друзья вчера еще приглашали снова к себе, и в записке написали, чтобы приходили, пойдем туда. А у наших так не бывает.

Несколько минут еще постояли, потом Николай сказал:

— Ну ладно, пойдем к моим братьям!

Диму долго уговаривать не пришлось. Он шел с поспешностью, и даже с радостью и на этот раз их приняли как близких друзей, и после этого еще две ночи пришлось ревизорам провести у гостеприимных баптистов.

После возвращения из командировки Дима резко пере­менил свое мнение о верующих. Если раньше он, где только мог, подшучивал над верой в Бога, а баптистов унижал и чернил, то после той памятной поездки стал заступаться за верующих. И в частности, за Николая, и с уважением стал относиться к вере в Бога, говоря:

— Вера в Бога — это личное дело каждого, и никто в нашей свободной стране не должен унижать верующих. Верующие, — добавлял он, — это хорошие и надежные люди, — и всякий раз в подтверждение своих слов рассказывал о гостеприимстве баптистов. — А вот ты, коммунист или комсомолец, впустил бы на ночлег чужого тебе человека во имя марксизма-ленинизма? После такого вопроса, поставленного «ребром», умолкал любой атеист. В конторе после этого стали говорить, что Николай «обработал» Диму.

Николай же знал, что его неверующего друга покорила христианская любовь, и благодарил за людей, которых Бог использовал для этого, а также благодарил и за Диму, в котором Бог начал Свою благодатную работу.

Николай стал молиться о покаянии Димы, чтобы Господь продолжил работу в его сердце. Но желанного плода своих молитв он пока не увидел, так как вскоре Николая уволили с этой должности как «баптиста, не соответствующего моральному кодексу строителя коммунизма».

Николай же снова убедился, что христианские добрые дела веры и любви оказывают на людей свое влияние и приводят их к размышлению о Боге. Тогда он дал слово, что его дом будет всегда гостеприимным, и Бог это желание сделал реальностью в его жизни. Двери его дома, равно как и сердце, были и остаются открытыми для гостей днем и ночью. Добро пожаловать к Николаю!

А как у вас обстоят дела с гостеприимством? Независимо от ответа, прочтите Послание к римлянам апос-

тола Павла (12:13). Некоторые не любят гостей, хотя сами очень любят ходить в гости к другим.

Одни говорят: «Если бы не гости, наш дом стал бы могилой и кладбищем». Другие: «Нет в жизни звука более неприятного, чем стук гостя в дверь». А вы как говорите? А как вы приглашаете гостей к себе домой?

Глава 17

СОБРАНИЯ ВЕРУЮЩИХ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Чтобы открыть второй фронт для борьбы с Германией, Иосиф Сталин, под давлением США и Великобритании, предоставил полную свободу для проведения собраний верующим. Но как только закончилась война, верующих снова стали притеснять. Им запрещали собираться на богослужения. Чтобы выявлять подобные собрания, по улицам и у домов отдельных братьев дежурили патрули комсомольцев. Они сообщали адреса властям, не давали проводить служения, устраивали пляски, распевали песни и всячески нарушали порядок и создавали помехи молитве. А на следующий день в райисполком вызывали руководителя собрания и хозяина дома, где проходило собрание, и штрафовали того и другого.

Тогда верующие приняли негласное решение: на место собраний не приводить за собою «хвост». Каждую неделю меняли адреса, часто изменяли время проведения собраний. А в дни христианских праздников служения проводили с двух часов ночи, когда все противники христианства еще спали.

Зимой, когда на улице бушевала метель, было поспокойнее. В те времена в Сибири были такие метели, что в

двух метрах ничего нельзя было рассмотреть. Для многих людей, не знающих Бога, такие дни были тоскливыми и скучными, но для христиан такая погода приносила с собою даже праздники, потому что они имели возможность беспрепятственно собраться для внеочередного служения. Тогда верующие собирались по несколько человек вместе и шли гуськом, держась за веревку, начало которой было в руках сильного, знающего путь и идущего впереди человека. В такие дни собрания проходили дольше обычного: торопиться было некуда, работой вне дома не займешься, все ищейки сидели по домам, а в общении святых так быстро бежало время, что собрания длились незаметно по три и четыре часа с обязательной вечерей любви: картошка в «мундире», соленые огурцы, квашеная капуста, соль, чай с солодковым корнем вместо сахара и частенько с горячими пирожками с капустой и луком.

Труднее было в ясные зимние дни, а также весной. Некоторые верующие, замечая, что за ними следят, часами ходили по улицам, пока шло собрание, уводя дежуривших комсомольцев подальше от того места, где оно проходило. Они так и не попадали на собрание, но зато и не приводили за собой «строителей коммунизма».

Немало таких странствований было и у Николая. Однажды, когда он вышел из дому, чтобы идти на собрание, он заметил, что около его дома прогуливаются две молодые девицы. Как только он направился к дому своего друга, Гавриила Куна, девицы пошли за ним следом. Он пробовал было сворачивать то на одну, то на другую улицу, но девушки неотступно следовали за ним. На улице Гавриил уже ждал Николая. И они пошли дальше вместе. Девуц стало трое: к тем двум примкнула еще одна, дежурившая у дома Гавриила. Братьям стало ясно, что за ними следят, и они решились покружить по улицам, чтобы не сорвать собрание.

Братья пошли, как будто ничего не замечая и не огля-

дываясь назад, но пошли совсем в другой конец города, надеясь оторваться от своих преследователей. Они рассчитывали, перейдя кладбище, прийти на собрание. Дело было ранней весной: было холодно, и еще лежал снег. Братья, видя, как упорно девицы следуют за ними, пошли к кладбищу. «Юные следопытки» старались ступать след в след, но снега в том месте было много, а братья намеренно стали делать шаги пошире, и снег сыпался в сапожки комсомолок. Они остановились, стали вытряхивать снег из обуви и идти по глубокому снегу уже не решались. А дальше снег был еще глубже, ноги проваливались в него до колен. Разведчицы постояли, попрыгали от холода и пошли назад. Братья же перешли кладбище и благополучно прибыли на собрание с другого конца города. И хотя они опоздали, Бог обильно их благословил, и они радовались, что не привели за собой «хвост».

Труднее всего с проведением собраний было летом. «Пионерии и комсомола», дежуривших по городу, было больше чем нужно. Но собрания все равно проходили. Иногда верующим удавалось проводить служения только ночью.

А какое единство царило в рядах верующих! Какая любовь и дружба соединила их! Если кого-то одного не было в собрании, это замечали все и старались в тот же день узнать, причину отсутствия, хотя телефонов и не было. А сколько внимания, сколько дружеской заботы! Воистину поместная община жила первоапостольской церковной жизнью! Верующие заботились друг о друге и старались не пропускать ни одного собрания.

Общения со святыми! Это больше всего нравилось Давиду: **«К святым, которые на земле, и к дивным Твоим — к ним все желание мое»** (Пс. 15:3).

Как жаль, что сегодня, при таких хороших возможностях, люди, как молодые, так и старые, не дорожат

подобными общениями! Как часто богослужению предпочитают отдых и развлечения! Как мало внимания и любви оказывают христиане друг другу... А как же заповедь Христова: **«Заповедь новую даю вам: да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга!»** (Ин. 13:34)? И еще: **«Кто говорит: „Я познал Его“, но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины»** (1 Ин. 2:4).

Человек – существо общественное. Он не может без общений. Но с кем он общается? Одни общения людей облагораживают, другие – развращают. Гераклит писал: «Звери, живя вместе с нами, становятся ручными, а люди, живя вместе, общаясь друг с другом, становятся дикими врагами друг другу». Апостол Павел утверждает: **«Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы»** (1 Кор. 15:33).

С кем вы общаетесь? Кто ваши друзья? К кому вас тянет, к кому направлено все ваше желание? Будьте осторожны в выборе, не ошибитесь!

Особенно обратите внимание на детей. Не пропустите опасный момент выбора ими друзей!

Глава 18

ИНСТИТУТЫ

Николай любил учиться и учился хорошо. После окончания школы он мечтал учиться и дальше, в институте.

Последний класс средней школы Николай заканчивал вместе с другими двумя баптистами: Петей Глубоченко и Таней Маценко. Все трое сидели вместе на задней парте. Их не любили все учителя, но особенно завуч школы Елизавета Петровна, преподающая русский язык и литературу.

На то у нее имелись свои причины: во-первых, будучи ярой атеисткой, она не придерживалась даже традиционной православной религии, а тем более не любила сектантов. Во-вторых, она не любила Николая за оскорбление, которое, по ее словам, он нанес ей. Дело было так. Николай отвечал урок и ответил хорошо. На дополнительные вопросы он тоже ответил правильно, а она все равно поставила ему тройку. Это задело старосту класса Лилю Филилееву, так как выпускной класс боролся за отличную учебу. Она стала спорить с завучем, а кто-то в классе достаточно громко сказал:

— Вот сатана! Никогда никто не угодит ей.

А Николай добавил:

— Нет, не сатана, а что-то хуже!

Елизавета Петровна же отнесла сказанные кем-то слова к Николаю и утверждала, что именно он первый назвал ее сатаной. И хотя она действительно была дочерью его, человеконенавистника, и служила ему, однако открыто признать его своим господином не хотела. Это имя ее коробило. Дело дошло до директора школы и педсовета, где устроили надлежащий допрос Николаю. Там ему задавали много вопросов о его вере, о его отношении к науке, о сатане.

Николай готов был с радостью засвидетельствовать всему коллективу учителей о своей вере, и Господь дал ему разумение ответить на все поставленные вопросы. Он был благодарен Господу, что Его слово и сегодня имеет силу, как написано в Евангелии от Матфея (10:18—20).

Кроме свидетельства о своем уповании, Николай объяснил, что он никак не мог назвать завуча сатаной, напротив, он поправил того, кто назвал ее сатаной. Директор, решив выяснить дело до конца, поинтересовался, почему Николай не мог назвать ее сатаной?

— Согласно Библии, которая является основой нашей

жизни, сатана и его бесы верят в живого Бога, а Елизавета Петровна вообще не верит. Как же я мог назвать ее сатаной?» — в свою очередь спросил Николай.

— Разумно, — согласился директор, — но ведь ты добавил, что она хуже.

— Да, — признался Николай, — я сказал: она не сатана, а что-то хуже.

— А что может быть хуже сатаны? — допытывался директор.

— А вот этого я и сам не знаю, — ответил Николай.

Посмеявшись над шуткой, его отпустили, а Елизавета Петровна затаила в сердце обиду.

Она была дочерью православного священника, уже в преклонном возрасте, никогда не была замужем: старая дева, подстриженная под мальчика, всегда мрачная и сердитая, почти никогда и ни на кого не поднимавшая глаз. Зайдя в класс, она чуть слышно шипела: «Здрaсте» и, бросив косой взгляд на заднюю парту, криво усмехалась и злобно произносила имя одного из троих, добавляя: «К доске». И начинался опрос по известному сценарию. Как бы хорошо ни отвечал любой из них, она ставила только тройку и добавляла:

— Все равно вам в институтах не учиться.

Ученики же 10-го класса эту «святую троицу», как их прозвала завуч, любили. Дело в том, что Петя хорошо знал русский и немецкий языки. Каждый раз, когда должен был быть немецкий язык, почти все ученики бежали к нему и просили:

— Петя! Скорее переведи задание.

Петя быстро и правильно переводил с немецкого языка на русский, ученики карандашом подписывали в книгах слова и затем, выходя к доске для ответа, читали готовый перевод. Диктанты и сочинения Николай успевал за урок проверить у двух-трех слабых учеников, а домашние зада-

ния по математике у него частенько списывали даже отличники. Таня была скромной, тихой, незадиристой девочкой, которая никогда и никому не делала зла. Всех троих в классе любили, привыкнув к тому, что они «баптисты».

Но завуч школы не унималась. На выпускных экзаменах она Таню завалила, поставив ей за сочинение «неуд», двум другим поставила по тройке. По всем остальным предметам у Николая не было троек как за год, так и на выпускных экзаменах. И, конечно, тройка его огорчила. Он мечтал поступать в институт — и вдруг в аттестате у него тройка!

Будучи уже христианином, он не стал спорить и добиваться правоты — но смирился, хоть и с большим трудом.

Помощь пришла к нему от Господа с другой стороны. Староста класса, Лиля Филилеева, организовала коллективное ходатайство перед директором школы, а затем перед РОНО. После долгих ходатайств и немалых усилий старосты и комсомольцев Николаю была поставлена за сочинение четверка: оказалось, что в его сочинении была поставлена всего лишь одна лишняя запятая. Но как говорят: «Все, что делает Бог, — все к лучшему!» Или, как написано в Библии: «Все содействует ко благу!» И эта видимая несправедливость послужила ко благу: Николая она еще раз утвердила во мнении, что все в этом мире — ложь и обман, а у комсомольцев поколебала веру в «ум, честь и совесть» партийных работников.

После окончания средней школы Николай еще год оставался дома и работал продавцом и товароведом, о чем было сказано.

Но мечта о дальнейшей учебе у Николая не проходила. Через год он решил пойти учиться дальше. Выбор пал на медицинский институт: уж очень он хотел быть врачом-хирургом, лечить людей. Он уехал далеко от дома, в Томск, который тогда называли «городом студентов».

Вступительные экзамены в институт он сдал легко и успешно, набрав больше, чем было нужно для проходного балла по конкурсу. Его зачислили в институт, и после месяца полевых работ вместе со студентами он сидел в аудитории в белом халате и хирургической шапочке на голове. Однокурсники, общаясь с Николаем на колхозных полях, видели его общительный характер, организаторские способности и справедливость и единогласно избрали его старостой курса.

Николай с головой окунулся в познание медицинских наук. Он успешно занимался, регулярно посещал занятия, помогал отстающим студентам. Его уважали, с ним считались, его слушались. Их группа была примерной в учебе и дисциплине.

Все шло хорошо, но со временем начались проблемы из-за его религиозных убеждений. Те студенты, которые поступали в институт беспартийными, под давлением комсомольских организаций стали комсомольцами, и только один Николай оставался не комсомольцем.

Началась усиленная обработка Николая: учиться в институте в то время и не быть комсомольцем — это невозможно.

Это были 50-е сталинские годы, когда комсомол и партия были «рулевыми» во всем. Начались беседы с секретарем комсомольской организации курса, затем института и даже горкома. Николай, не скрывая, объяснял, что по религиозным убеждениям он не может быть комсомольцем, но агитация только усилилась. В беседах стали появляться угрозы отчисления из института.

Учиться Николаю стало трудно. Дело дошло до ректора института, который посоветовал Николаю формально, на бумаге, стать комсомольцем, а в душе оставаться тем, кем желает. Но Николай оставался непоколебимым и не хотел идти ни на какие компромиссы с совестью.

Наконец ректор, вызвав Николая к себе, сказал:

— Я тебя уважаю за твою честность и верность своим убеждениям. Я бы с тобой пошел в разведку — знаю, не предашь. Но, — продолжал он, — я тебя уже долго отстаивал перед горкомом партии, больше не могу! Меня уже не раз вызывали из-за тебя на ковер. Я тебя должен из института отчислить. Если я этого не сделаю, меня снимут с этой должности, а следом выгонят и тебя тоже.

— Но я хочу учиться! Мне нравится учиться! Я хочу лечить людей! — воскликнул Николай.

— Знаю, — соглашался ректор, — но ты должен выбрать что-то одно: Бог или институт. Сегодня это несовместимо!

— И потом тихо добавил: — Души, а не тела нужно лечить у людей. Посмотри, они все больные!

Помолчав, ректор сказал:

— У меня в Новокузнецке есть друг, ректор политехнического института. Я тебя переведу к нему сразу на второй курс. Дам тебе рекомендацию. Правда, там медиков не готовят, но если ты хочешь учиться, учись там. Возможно, наступят другие времена, и ты одолеешь еще и медицинский. Я тебя в любом возрасте приму.

На том и решили: Николай переходит в другой институт.

Итак, проучившись в медицинском институте девять месяцев, окончив первый курс, Николай уехал в Новокузнецк.

В Новокузнецке, благодаря рекомендации, Николая приняли на второй курс горного факультета. Первый курс отправлялся как раз на практику в шахты Кузбасса. Вместе с ними пошел на практику и Николай. Их группа была направлена на шахту «Капитальная-2» в город Осинники, где Николай осваивал работу проходчика, навалоотбойщика, крепильщика и взрывника.

В Осинниках была хорошая церковь евангельских

христиан-баптистов, где пресвитером тогда был Крекер Корней Корнеевич. Николай нашел эту церковь, быстро подружился с ее молодежью и был даже рад, что Бог повел его таким путем!

После трех месяцев практики Николай снова был студентом института. Но сатана не дремал. Он напал на христиан. Добрался и до Николая. Прошло семь месяцев учебы в этом институте, и Николаю, единственному студенту — не комсомольцу, закрыли дорогу для учебы. Учился Николай хорошо, старался нигде не выделяться, вел себя очень скромно, но это не спасло Николая от бдительной комсомольской организации. Началась новая усиленная обработка Николая по вступлению в комсомол.

У Николая же о комсомоле уже сложилось свое мнение, и он был против него, о чем говорил открыто своим агитаторам:

— Я никогда, ни при каких условиях не вступлю в комсомол, а ваши хорошие лозунги — сплошное лицемерие, и я это уже испытал на себе.

Тогда сатана придумал другой метод: однажды после обеда Николая вызвали в военкомат, где вручили повестку об отправке в армию — завтра!

Николай старался объяснить, что он учится на очном отделении в институте (а в то время из института не призывали в армию) и что не имеют права отрывать от учебы. Но военком был непреклонен, более того, он признался, что призыв Николая в армию он производит по звонку из горкома партии. Николай понял, что это уже везде согласовано, и попросил дать ему несколько дней отсрочки, чтобы съездить домой попрощаться с братьями, сестрами и мамой-вдовой.

Но все было напрасно — отказ, да еще с угрозой:

— Если ты завтра к девяти часам утра не будешь здесь, будем считать тебя дезертиром, и тебя ждет военный три-

бунал. Так что не теряй времени, иди в институт, рассчитайся там полностью, потому что туда ты никогда больше не вернешься.

Николай, помолившись Богу, успокоился, доверив свою судьбу Небесному Отцу. Он съездил в институт, рассчитался и поехал в Осинники, чтобы попрощаться с молодежью.

Весть об отправке Николая в армию быстро облетела верующих города, и вечером верующие собрались для проводов Николая. Много пели, читали, молились, давали пожелания Николаю и только далеко за полночь разошлись.

Утром Николай был в военкомате, где уже собрались некоторые из общины и молодежь. Призывников в тот день было мало. Подошел один большой автобус, и после прощания Николая вместе с другими призывниками повезли на вокзал, где их посадили в вагон пассажирского поезда и повезли в Омск.

Там формировался большой состав из утепленных товарных вагонов. Сюда со всей Сибири прибывали призывники, и через два дня длинный состав повез их на Дальний Восток, к месту службы.

Так закончилось светское образование Николая, о котором он потом говорил: «Я прошел два института, но ни один не закончил!»

Спустя много времени Николай понял, почему Бог повел его таким путем, и был благодарен, что именно над ним исполнилось Слово Божие:

«Ибо только Я знаю намерения, которые имею о вас, — говорит Господь, — намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду» (Иер. 29:11).

Когда доверяешь Богу свои пути и планы, тогда Он устраивает их к нашему благу. Правда, Он это делает

не так, как мы думаем, ибо написано: **«Мои мысли — не ваши мысли, не ваши пути — пути Мои, — говорит Господь. — Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших и мысли Мои выше мыслей ваших»** (Ис. 55:8,9).

Еще римский философ Луций Сенека писал: «Глупо строить планы на всю жизнь, не будучи господином даже завтрашнего дня». Но человек строит планы, а Господь их корректирует по Своему изволению! Будем доверять Богу свои пути и свои планы, ибо Слово Божие говорит: **«Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас!»** (1 Пет. 5:7).

Николай у родного дома.

В кругу семьи.

Курсант летного училища Николай Сизов.

Среди курсантов. Николай в первом ряду, крайний справа.

ЧАСТЬ 2

АРМЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Глава 1

ВОЕННАЯ ШКОЛА

Двенадцать долгих дней шел поезд с новобранцами до Владивостока. Проехав в товарном вагоне двое суток, Николай больше не мог слушать сквернословие, грязные анекдоты и скабрзные шутки; не мог смотреть на издевательства и драки; терпеть игру в карты и в кости. Вагон был похож на сумасшедший дом.

Ему представилось, как тяжело будет там, куда будет брошен осужденный сатана и его демоны, где будут все сквернословы и ругатели, все преданные нечистоте и мерзостям, где царит адская атмосфера и где слышны плач и скрежет зубов. Как там будет тяжело!

Ему стало жалко тех, кто грешит и, не сознавая того, идут прямым путем в ад, притом на вечные времена. Он попробовал было остановить произвол в вагоне и предложил им послушать Евангелие, которое он имел при себе. Но его подняли на смех и пригрозили, что если он еще раз заговорит о Боге, его выбросят из вагона на ходу поезда.

Через два дня Николай пошел во время одной из остановок в так называемый штаб эшелона — пассажирский вагон для офицеров, сопровождающих новобранцев. Он попросился уборщиком в их вагон. Там его предложению обрадовались и оставили у себя.

В этом вагоне Николай топил печку, кипятил для офицеров чай, подметал пол и делал уборку в туалетах, а на остановках бегал на станцию за углем. Работы здесь стало больше, но морально легче, хотя и здесь офицеры нецензурно ругались и «баловались» азартными играми. Но они не дрались и не выбрасывали друг друга из вагона, как это случалась у новобранцев.

Наконец, измученный длинной дорогой и душливой

атмосферой, Николай прибыл во Владивосток. Здесь после медкомиссии из всего эшелона отобрали только 80 человек со средним и незаконченным высшим образованием и автобусами привезли в город Спасск-Дальний, в военную школу авиационных механиков (ВШАМ).

Устав от пережитого в пути, Николай усиленно молился Богу, чтобы не повторилось что-либо подобное. И Господь услышал его молитву.

По прибытии в военную школу всех новобранцев построили во дворе и попросили фотографов, парикмахеров, художников, медиков и поваров выйти вперед. Вместе с другими вышел и Николай. Он оказался единственным фотографом и художником.

Ему дали двух помощников и поручили к новому учебному году подготовить классы и «ленинскую комнату»: нужно было развесить по стенам портреты видных военачальников и известных летчиков, разместить в классах диаграммы и таблицы расчетов, рисунки монтажа и демонтажа самолетов и двигателей, сфотографировать здания столовой, учебного корпуса, казармы, штаба для оформления «ленинской комнаты». Кроме того, на территории школы нужно было поставить щиты с лозунгами и плакатами. Работы было много, но это была спокойная, интересная работа, которая очень понравилась Николаю.

Все полных три месяца, пока другие осваивали курс молодого бойца, он вырезал, клеил, писал, фотографировал, печатал фото и отдыхал душой и телом, благодаря Господа за такую службу.

Приближалось время принятия присяги, которую Николай решил не принимать. Но как этого избежать? Единственной надеждой был Отец Небесный, к Которому Николай и обратился с этой проблемой.

День принятия присяги начальник школы захотел увековечить и приказал Николаю все фотографировать: по-

строение курсантов, принятие ими присяги, поздравления начальства, обед в столовой и общую фотографию всех курсантов вместе с представителем Дальневосточного военного округа (ДВО). К тому же он приказал к вечеру сделать несколько общих фотографий для прибывшего к ним генерала. Николай выслушал приказ и тотчас же приступил к исполнению. Он много и долго фотографировал принятие присяги, а затем побежал в учебный корпус, где у него была оборудована фотолаборатория, и закрылся в ней для срочной работы. К вечеру приказ начальника школы был выполнен, и только после ужина, рассматривая фото курсантов, прибывший генерал заметил, что на нем нет самого фотографа.

— Так я же фотографировал вас, — оправдывался Николай.

— Ты, кажется, и присягу не принимал, — продолжал генерал.

— Так он был весь в работе, — вступился за него начальник школы.

— Ладно, — махнул рукой генерал.

— Допиши в общий список его фамилию.

Так Господь непредсказуемо избавил Своего слугу от принятия присяги и, больше того, расположил к нему начальника школы. За выполненную в срок работу по подготовке к учебному году Николай получил письменную благодарность начальника школы.

Начался учебный год. Учились в школе курсанты по десять часов в сутки, да еще несколько часов практики на аэродроме. Так что на строевую подготовку и политзанятия времени почти не оставалось, к радости всех и «особенно» Николая. Хотя, когда начинались политзанятия, он находил причину уйти, чтобы приготовить к завтрашнему учебному дню ту или другую диаграмму. Это, по приказу начальника школы, входило в его обязанности.

Господь благословлял его и в учебе: в журнале за первое полугодие уже стояли пятерки по всем тринадцати дисциплинам. В начале второго полугодия начальнику школы, который был полковником, присвоили очередное звание: генерал-майора. Курсанты были этому рады: он был хороший человек, и все его любили, а Николаю прибавилось работы. Новый генерал имел много родственников в разных городах, и всем им теперь нужно было выслать его фотографии в новых генеральских погонах.

Все в школе было хорошо, за исключением замполита, который невзлюбил Николая и всячески старался ему насолить. Он часто вызывал его к себе для беседы и переубеждения, потому что на его личном деле, пришедшем из Новокузнецка, было жирно написано: «Бактист». Это давало ему право вести с курсантом частые воспитательные беседы, которые он проводил с особым рвением.

— Я все равно выблю из твоей головы это заблуждение, — говорил он, — иначе я тебе на госэкзаменах по политподготовке поставлю «неудовлетворительно», и тебя отправят из авиации в стройбат — копать землю...

Быстро прошел год учебы во ВШАМ. Уже выставлены оценки за год, приближались государственные экзамены. Замполит, встречая Николая, посмеивался, всем своим видом напоминая, что скоро состоится серьезная встреча.

Николай начал было переживать, а потом подумал, что не замполит решает его судьбу, а Бог, и, сказав Господу об этой проблеме, опять успокоился. Да и начальник школы, зная об их натянутых отношениях, как-то сказал:

— Ты не переживай, все будет хорошо!

Успокоенный и ободренный, Николай начал сдавать экзамены — на «отлично». Завтра последний, самый трудный для него экзамен по политподготовке. К вечеру вдруг становится известным, что замполита вызвали днем в Ха-

баровск, в военный округ армии. Как же завтра? Вот было бы хорошо, если бы завтра он не вернулся!

На следующий день замполит сообщил из Хабаровска, что он задержится там еще на пять дней. Госкомиссия экзамены решила не откладывать, так как уже завтра должны приехать офицеры за выпускниками. А выпускникам уже были выписаны проездные билеты на поезда — в места прохождения дальнейшей службы. Последний экзамен наступил неожиданно и непредсказуемо. Вместо замполита экзамен по политподготовке принимал сам начальник школы.

Когда очередь по списку дошла до Николая, генерал, председатель комиссии, сказал:

— А ты не теряй времени, иди готовь фотоаппарат, чтобы фотографировать сегодня вечером вручение дипломов, — и ласково добавил: — Экзамен, считай, уже сдан.

Николай не пошел, а побежал с ликованием, благодаря Бога и удивляясь Его силе и премудрости! Позже он узнал, что сам начальник школы приложил усердие к тому, чтобы замполита не было на экзаменах.

Вечером состоялось вручение дипломов и выдача офицерской формы и погон с присвоением звания «младший техник-лейтенант» авиации, или, как их называли, «микромайор». Трое курсантов, в том числе Николай, сдали все экзамены на «отлично», и им были вручены еще и нагрудные знаки «Отличник авиации».

На следующий день начальник школы устроил для всех выпускников прощальный обед, сказал напутственное слово, и все вышли на улицу, где построились буквой «П». Было зачитано распределение, кто куда направляется для дальнейшей службы. Из общих рядов вызвали трех отличников, которых поставили отдельно. Подошли приехавшие офицеры. Среди них было три генерала. Снова начальник школы выступил с краткой прощальной речью. Было тор-

жественно, но тревожно. Близилась разлука, а расставаться не хотелось: генерал сумел в школе создать атмосферу дружбы и доверия между курсантами и преподавателями.

Да, там живут дружно, как одна семья, где люди не делают зла друг другу, где все отношения строятся на доверии. Если бы об этом помнили все люди, жизнь была бы иной!

Помнить нужно и о другом: от одного человека зависит многое, от него зависит атмосфера, которую он создает вокруг себя! И это ответственность не только перед людьми, но и перед Богом. **«Кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном»** (Мф. 5:19), – учит Христос.

Глава 2

ВСТРЕЧА С УССУРИЙСКИМ ТИГРОМ

После трех месяцев учебы в школе курсантам стали давать увольнительные в город. Николай ждал этого с нетерпением. Ему хотелось быстрее найти здесь верующих. Получив первую увольнительную, он весь день ходил по городу и спрашивал, не знает ли кто, где живут верующие — баптисты. Но никто не сказал ему ничего вразумительного.

Тогда он решил искать своих по вере другим путем. Получив очередную увольнительную, Николай стал медленно бродить по городу. Идя по одной стороне улицы, он очень близко проходил мимо домов и дворов и прислушивался, не услышит ли христианского пения или разговоров о Боге. Пройдя всю улицу, переходил на другую ее сторону и шел обратно, опять прислушиваясь. И так он

за несколько увольнений обошел все улицы города. Но поиски были напрасны: громко звучала только ругань, в том числе и в тех дворах, где, как потом выяснилось, жили христиане.

Эти его хождения в поисках верующих еще раз подтвердили истину евангельских слов: «Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон, на поправление людям. Вы — свет мира... Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

Как печально, что некоторые христиане не говорят и не живут так, чтобы быть Христовыми свидетелями. Больше того, они своим лживым языком и грязными делами закрывают пути неверующим для познания Бога! Правда, на виду у других верующих — это настоящие святые, по воскресеньям в собраниях и поют, и проповедуют как настоящие свидетели Христовы! Но в жизни... В повседневной жизни они совершенно другие.

Кроме добрых воспоминаний о начальнике военной школы, о времени, проведенном там, у Николая сохранились в памяти два события: приезд мамы и старшего брата и встреча с уссурийским тигром.

Это было так неожиданно: Николая вызвали на проходную, где он увидел маму и старшего брата. Он едва мог поверить этому: дорога с Алтая на Дальний Восток длинная, утомительная и дорогая, и мама, больная мама, решилась поехать, чтобы увидеть сына. Вот какова материнская любовь! Для нее ничего не значат ни расстояния, ни деньги, ни годы, ни болезни — она «все переносит».

Начальник школы на несколько дней освободил Николая от занятий и выделил квартиру для Николая, мамы и брата. Эти несколько дней пролетели незаметно, и снова Николай остался один, но его не оставлял Господь! Он его

и утешил, и ободрил. Но образ уставшей от длинной дороги мамы и ее светящееся от счастья и радости лицо не покидал Николая! Матери никто и никогда на земле не заменит!

Помните, дети, об этом! Цените маму, дорожите ею, несите ей цветы сейчас, а не к гробу, когда будет уже поздно. Дети, порадауйте маму своим послушанием и посещением. Сделайте для нее что-то приятное сегодня, сейчас. Она достойна вашего внимания за долгие бессонные ночи, беспокойно проведенные дни, за постоянную заботу о вас и горячую к вам любовь!

Помните и вы, отцы и матери, что вы должны не только одевать и кормить своих детей, но любить их и доказать эту любовь на деле, притом не слепую любовь! Находите время, чтобы приласкать ребенка и поговорить с ним по душам. Помогите ему почувствовать, что, кроме вашей настоящей большой любви, есть любовь больше, чем материнская. Это любовь Божия. Об этом Сам Бог говорит: **«Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя»** (Ис. 49:15).

И тогда ваши дети, ощутив на себе вашу бескорыстную и чистую любовь, поймут любовь Божию к ним и быстрее примут ее к радости вашей. И ваши заботы и ваши переживания и молитвы за них сторицей окупятся радостью и счастьем.

Отличникам учебы, в том числе и Николаю, увольнение давали каждое воскресенье, притом на целый день.

После долгих и бесплодных поисков верующих, Николай стал уходить подальше от городского шума, в тайгу, которая начиналась сразу за городом. Это была знаменитая Уссурийская тайга, хранившая много мест, где еще не

ступала нога человека. В тайге много было дикого винограда, орехов, ягод и плодов. Летом и, особенно, осенью можно было жить за счет щедрых даров тайги. Николай мог целый день бродить по тайге, лакомясь виноградом, яблоками и орехами, собирая листья для своего гербария.

В тайге встречались пещеры, где можно было укрыться от дождя, отдохнуть, читать и молиться. Облюбовав одну пещеру, Николай устелил ее молодыми ветками и часто пользовался этим природным «домом».

Однажды осенью отличникам дали увольнительные на два дня. Так как идти в город Николаю не хотелось, он снова пошел в тайгу. Весь день он бродил по тайге, а заночевать решил в своей уютной пещере.

В сумерках он, с охапкой свежих листьев, добрался до знакомого укрытия и, усталый от долгой ходьбы, помолился и сразу заснул.

Проснувшись от каких-то звуков, открыл глаза и прислушался... Мужская речь с громкой руганью доносилась снаружи, совсем близко. Это не предвещало ничего хорошего. Николай повернулся, чтобы встать на колени для молитвы и вдруг увидел совсем близко от себя два глаза, которые следили за ним из глубины пещеры. Напряженно всмотревшись в темноту, он различил очертания громадного зверя. Сомнений не было — в трех шагах от него находился тигр, знаменитый хищный уссурийский тигр!

«Господи, сохрани!» — в страхе прошептал Николай. Потревоженный тигр поднялся, испытующим взглядом посмотрел на человека и одним прыжком оказался у выхода из пещеры. Было видно, как напряглись мышцы под полосатой шкурой, потом раздался воистину «страшный рев». Такого страшного рева Николай еще никогда не слышал. Казалось, сотряслась вся пещера.

Слышно было, как мужики с криками бросились прочь. Хозяин тайги величественно постоял еще несколько минут,

затем вернулся на прежнее место и снова лег. Николай, дрожа всем телом, беззвучно благодарил Господа за спасение и просил Его о милости на всю ночь. От тигра бежать бесполезно, но если зверь не тронул его спящего, значит, вмешался Господь.

Помолившись, Николай немного успокоился, все еще опасаясь и стараясь не шуметь, осторожно лег и стал наблюдать за хищником.

Из-за деревьев вышла полная луна, и ее свет проник в пещеру. Николай, внутренне содрогаясь и стараясь не делать резких движений, посмотрел своему «телохранителю» в глаза. Холодный лунный свет отражался в глубоких и спокойных глазах могучего зверя. После нескольких минут пристального изучения человека тигр зевнул, обнажив крепкие белые клыки, положил голову на лапы и продолжал не отрываясь смотреть на Николая.

Наконец тигру это наскучило, и он закрыл глаза. А Николай остаток ночи не сомкнул глаз, трепетно молился и вспоминал Даниила во рву львином. С особой силой почувствовал он слова Даниила: «Бог послал ангела Своего и заградил пасть львам, и они не повредили мне, потому что я оказался пред Ним чист».

Он вспоминал Давида и его встречи со львом и медведем, пел в уме христианские гимны и, казалось, наяву ощущал присутствие ангела-хранителя.

Утром тигр поднялся, посмотрел на Николая внимательным взглядом, затем величественно и гордо вышел из пещеры и спокойно ушел, как после хорошо выполненного долга.

Великий Творец всей прекрасной Вселенной! Чудесны и неисповедимы пути Его! Он управляет зверями и птицами, и по Его повелению они служат людям! Так будет в Тысячелетнем царстве. Слава Богу за Его чудесное управление всем миром!

Плутарх оставил слова: «Иногда не так страшны дикие звери, имеющие большие зубы, как лукавый человек, имеющий хоть какую-то власть. Сколько пострадало людей от прихоти одного человека-деспота! Это намного больше, чем от стаи диких зверей». А Николаю хочется добавить: «А сколько сегодня страдает хороших людей от потомков этих деспотов!»

Люди! Остановитесь! Не воюйте друг с другом, не грызите один другого – ведь вы не звери, а люди! Христиане! Вспомните евангельские слова: **«Ибо весь закон в одном слове заключается: „Люби ближнего твоего, как самого себя“**. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом!» (Гал. 5:14,15).

Глава 3

В ОГНЕ ИСПЫТАНИЯ

Обучение в военной школе закончено. Начальник школы еще раз пожелал всем хорошей службы в частях военно-воздушных сил и успехов в работе.

Затем к трем отдельно стоящим отличникам, подошли три генерала. Один из них, подходя близко к каждому из них, задавал одни и те же вопросы:

— Откуда родом? Где твой отец? Хочешь ли служить у меня?

Николай стоял третьим. Когда подошла его очередь, он ответил:

— Я сибиряк. Отец погиб на фронте Великой Отечественной войны при защите Сталинграда. Так точно, хочу служить у вас.

Генерал снова прошел вдоль рядов выпускников, осмат-

ривая их и глядя в глаза каждому, и, поравнявшись снова с Николаем, сказал:

— Хорошо! Будешь служить у меня. Иди к той черной «Волге», — и показал на стоящую у штаба автомашину.

Николай прошел несколько метров, остановился и помахал рукой, прощаясь с товарищами. И тут заметил, как к генералу подбежал работник политотдела и что-то стал говорить ему на ухо. Генерал, не замедляя шаг, махнул рукой в его сторону, и тот отстал.

Сели в машину, и «Волга», мягко выехав за ворота гарнизона, понеслась по улицам города. Долго ехали молча, наконец генерал спросил:

— Это правда, что о тебе говорят?

— Что именно? — уточнил Николай.

— Что ты неисправимый религиозный фанатик?

— Не знаю, насколько я фанатик, а что я христианин — это правда!

Генерал усмехнулся, но разговор на этом закончился. «Волга» еще долго катила по асфальту. Затем свернули на дорогу, ведущую в лес. Проехав несколько километров, генерал дал водителю знак остановиться. Шофер остановил машину, и все вышли. Генерал что-то шепнул шоферу, тот кивнул головой, а генерал, взяв за плечи Николая, громко сказал:

— Я уже встречал подобных фанатиков, но я их перевоспитывал, и они становились нормальными людьми. Я из твоей головы выбью фанатизм. Я даю тебе сейчас пять минут, подумай и дай мне ответ: отказываешься ли ты от Бога или остаешься фанатиком. А сам отошел в сторону.

Николай почувствовал что-то недоброе, но страха у него не было. Только очень захотелось жить; умирать он не хотел, но и отказаться от Господа, оказавшему ему так много милости, он просто не мог. Идти на компромисс с совестью он тоже не собирался. Как всегда, стал молиться...

Тут подошел генерал и строго спросил:

— Ну что скажешь? Будешь служить Богу или Родине? Если ты не откажешься от своего убеждения и веры в Бога, я тебя здесь же расстреляю, и никто никогда ничего не узнает. Решай!

Николай, не раздумывая, ответил:

— Решать мне нечего. Я люблю жизнь, но отказаться от своего убеждения я не имею права, и лукавить перед вами я тоже не могу, я готов умереть!

Генерал, вынув из кобуры пистолет, проговорил:

— Я всем даю перед смертью последнее слово. Даю его и тебе, только не проси о жизни. Ты уже сделал выбор.

— Последнее слово?! Я жизни у вас не прошу. Жизнь всем нам дает Бог! У меня есть только одна последняя просьба: разрешите мне перед смертью помолиться.

— Валяй! — ответил генерал. — Я подожду.

Николай начал молиться: это была особая молитва, молитва перед близкой смертью! Последняя молитва на земле — это что-то неповторимое и непередаваемое! Испытывая блаженство такой молитвы, Николай молился и плакал, плакал и молился.

Он благодарил Бога, что дал ему счастье познать Его, благодарил Его за оказанные чудеса и помощь, просил Господа утешить маму-вдову, близких и родных. Молился и за генерала, чтобы тот познал Бога, и чтобы ему простился его грех убийства, и чтобы однажды они встретились на небе как братья. Ему казалось, что небо сошло на землю, ангелы окружили его, а на небесах Сам Сын Божий встает, как это было при смерти Стефана. И молитва с новой силой понеслась на небеса.

— Ну хватит! — услышал он громкий голос генерала. — Вставай! У меня нет времени ждать! — И громко передернул затвор пистолета.

Николай встал и, глядя в глаза генералу, громко сказал:

— Я люблю жизнь! Но изменить Своему Господу я не могу, не имею на то права! И потому я готов умереть!

— Тогда повернись ко мне спиной. Не могу стрелять в лицо, глаза убиенных потом невозможно забыть. В затылок стрелять как-то спокойнее.

Приговоренный к смерти послушно повернулся к генералу спиной и стал ждать. Раздался громкий выстрел. Но Николай не почувствовал никакой боли и продолжал стоять. Вокруг была полная тишина. Тогда, оборачиваясь к генералу, Николай сказал:

— Вы промахнулись! Стреляйте снова!

— Я стрелять умею и никогда еще не промахивался, — громко сказал генерал и добавил: — Ну хватит, брат, хотя тебе нужно стать генералом, чтобы стать мне братом.

— А чтобы вам стать мне братом, вам нужно обратиться к Богу и начать Ему служить! — ответил Николай.

Генерал усмехнулся. Положил пистолет в кобуру и приказал:

— Садись в машину, поехали!

— Куда? — вырвался невольно вопрос.

— В тюрьму, — был ответ.

И снова поехали лесом. Дорогу дважды перекрывали слагбаумы, но офицеры, дежурившие у них, узнав генерала, пропускали машину без задержки. Наконец подъехали к большим железным воротам, которые как бы сами собою раздвинулись, и машина оказалась между двух рядов высоких сосен. Николай увидел постройки разного типа, большой дом, кругом цветы и усыпанные песком дорожки. Везде было чисто и аккуратно. Одним словом, все это никак не напоминало тюрьму.

Генерала ждали два полковника-адъютанта, которые открыли ему дверь машины и сопроводили к большому дому. К Николаю подошел еще один офицер, который приказал ему следовать за ним. Он его повел в баню, где Ни-

колай помылся и переоделся в чистое белье и новую форму. Из бани пошли в уютную чистую столовую, где накормили вкусным обедом. Затем тот же офицер проводил Николая в красивый большой дом. У дверей стояли еще два офицера, которые пропустили Николая внутрь, а сопровождающий офицер остался за дверьми.

Николай попал в большую приемную. Здесь никого не было. Он осмотрелся и увидел фотографии генерала с молодой женщиной, наверное, женой. В соседней комнате послышались голоса. Женский голос говорил:

— Как ты можешь доверить все имущество незнакомому человеку? Притом какому-то солдату? Ведь если он что украдет из моих украшений, я и не замечу сразу, а потом ищи...

Мужской голос Николай узнал. Это был голос генерала:

— Этому можно доверять. Я его знаю!

— Когда ты успел его узнать? Первый раз видишь!

— О, я его уже испытал. Надежный человек, и не бойся: он ни одной твоей безделушки не возьмет. Я даю гарантию.

— Посмотрим, проверим, а потом скажем, — возражал женский голос.

— Проверять не будем, я его уже проверил, — сказал генерал.

С этими словами генерал с женой вошли в приемную. Это была красивая молодая женщина, в нарядной одежде и драгоценностях.

— Вот, — сказал генерал, — наш новый управляющий, а может быть, и мой брат, — и засмеялся.

Николай, никак не ожидавший такого поворота событий, от удивления просто онемел и не мог сказать ни слова. Постепенно он начал приходить в себя и понимать смысл того, что произошло сегодняшней ночью в лесу, и заговорил:

— Товарищ генерал, что все это значит? Этот дом не похож на тюрьму!

Генерал и его жена, в свою очередь, стали расспрашивать Николая о его жизни, семье, задавали ему множество вопросов. Беседа затянулась надолго. Она началась в приемной, а закончилась в столовой, за ужином.

Наконец генерал сказал:

— Я с женой уезжаю на два месяца в отпуск к родителям, на Украину. Тебя на это время мы оставляем как управляющего в нашем доме. В твои обязанности входит ежедневная поливка цветов, а их в доме немало; влажная еженедельная уборка в доме; наблюдение, чтобы не возникло пожара; ежедневное проветривание комнат и поддержание чистоты, а также еженедельный отчет по телефону о состоянии дома. И еще: не трогай никакие ее безделушки и украшения; в моем же кабинете пользуйся всем, что тебя интересует: книги, радиоприемник, подзорная труба; пиши, рисуй, читай... Питаться можешь в столовой, когда хочешь и сколько хочешь, там будет питаться весь обслуживающий персонал дачи. Бояться тебе здесь нечего. Как территория, так и этот дом надежно охраняются. Никто сюда заходить не будет. Одним словом, здесь ты можешь отдыхать два месяца до нашего возвращения, — и добавил: — Ты заслужил такой отдых. А что было в лесу, давай забудем, так было нужно. Вопросы будут? Просьбы?

Николай, осмелев, попросил, если можно, чтобы ему достали Библию. Генерал кому-то позвонил, и в дом принесли полную русскую Библию, чему Николай обрадовался несказанно, ведь Библию он не видел уже более года.

Через пару дней генерал с генеральшей уехали.

При прощании генерал обнял нового управляющего и проговорил:

— Я уверен, что не ошибся в тебе и ты оправдаешь мое доверие!

Так Николай сделался управляющим на даче генерала и не только избежал смерти, но попал на настоящий курорт, удивляясь и непрестанно благодаря Господа за те чудные пути, которыми Он вел его по жизни, а также за путь на этот отдых и за помощь при проверке на верность Спасителю.

Так Господь порою проводит нас через огненные печи, чтобы переплавить и послать нам Свое благословение, как написано: **«Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности, чтобы воздать каждому по пути его и по плодам дел его»** (Иер. 17:10).

Оставшись один в пустом доме, Николай запел:

День после ночи, свет после тьмы;
Тень после зноя, блеск после мглы;
Жизнь после смерти, песнь после слез —
Вот что дарует верным Христос!
Радость за горем, луч за дождем,
Сбор после жатвы, пир за трудом!

Глава 4

ДАЛЬНЕЙШАЯ СЛУЖБА

Так началась служба в армии после ВШАМ, больше напоминавшая отдых на курорте. Спал Николай сколько хотел; после душа, чтения Библии и молитвы предстояла поливка цветов в доме. Затем он одевался и шел завтракать в столовую. После завтрака бродил по даче, наслаждаясь чистым утренним воздухом и любуясь красотой деревьев и цветов. Вернувшись в дом, брал какую-нибудь интерес-

ную книгу из генеральской библиотеки и читал, затем настраивал приемник на 25-ю волну и слушал религиозные передачи, которые на Дальнем Востоке были слышны очень хорошо, да еще на таком хорошем радиоприемнике, какой был у генерала. Потом снова молился и шел на обед.

После обеда — недолгий сон, снова приемник, снова Библия, молитва и ужин. После ужина опять прогулка по даче, возвращение домой, чтение Библии, молитва и сон. По субботам влажная уборка в доме и натирка паркета в столовой. В понедельник вечером телефонный разговор с генералом и отчет по дому. И так полных два месяца, пока вернулся генерал с женой.

Николай очень переживал, как хозяева оценят его уход за домом, не изменится ли у генерала отношение к нему, что он будет делать дальше? Хотя он знал, что все заботы и переживания нужно доверить Господу, но человеческое естество переживало.

Волнения были напрасны. Генерал с женой приехали в хорошем настроении и остались очень довольны управляющим и его заботой о доме.

Генерал много рассказывал об Украине, где они были. После ужина жена с дороги пошла отдыхать, а генерал остался с Николаем. И здесь он откровенно рассказал, почему так поступил с ним. Начал со школы ВШАМ:

— Первое, почему я тебя взял к себе, — ты сибиряк, — сказал генерал. Сам генерал был тоже родом из Сибири (из Новосибирска).

— Когда я читал дела трех отличников, то на твоём деле была сделана надпись «бактист». И впервые Николай услышал, как генерал выругался.

— Прости меня, Господи, — проговорил он, — но какие безграмотные люди! Не могут даже написать правильно! И я подумал, что этот будет моим человеком. Ведь я хотел взять к себе в дом не воришку, не пьяницу, не ругателя ма-

том, а нормального человека. Правда, я перестарался, испытывая твою честность и верность, но ты за это меня прости. Когда же услышал, как ты начал молиться за меня, чтобы Бог простил меня и чтобы я стал твоим братом, я окончательно убедился: я нашел надежного человека. (Оказывается, Николай тогда, сам того не замечая, молился громко.)

И тут же генерал добавил:

— Так что ты меня не подведи — у меня на тебя есть еще планы.

Растроганный такой откровенностью, Николай ответил:

— Просить прощения у меня не надо. Я еще тогда в лесу простил вас, ведь я уже прощался с жизнью, а чтобы встретиться с Богом, обиды в сердце быть не должно, не прощающих на небе не будет, — и, осмелев, продолжал: — А вы хорошо вошли в роль «палача фанатиков». Вы могли бы стать хорошим артистом.

Генерал захохотал и долго еще смеялся, услышав, что он может быть хорошим артистом. В тот вечер долго горел свет в генеральской столовой — там беседовали, притом откровенно и непринужденно, два человека: коммунист в звании генерала и баптист — младший техник-лейтенант. Беседой остались довольны обе стороны. И не только беседой: они понравились друг другу как люди.

Через два дня состоялся другой откровенный разговор, и генерал открыл свой план в отношении Николая. Завтра он летит по служебным делам в штаб Дальневосточного военного округа (ДВО) и берет с собою Николая, которого определит там на заочное отделение летного училища с таким расчетом, чтобы Николай за год одолел всю летную теорию, а практику генерал будет преподавать ему сам.

Возражать Николай не стал. Во-первых, потому что научился предавать свои пути в руки Божии. А во-вторых,

он хотел учиться. На «гражданке» ему учиться не давали, здесь же предлагают сами. Почему бы через год, сразу после окончания училища, не поехать в отпуск домой в офицерских погонах и не предстать в парадной форме ВВС перед завучем Елизаветой Петровной, чем и доказать, что он тоже человек, хотя и баптист! И потому он согласился, и даже с радостью.

На следующий день в штабном самолете они отправились в ДВО. После штаба поехали в летное училище, затем на медкомиссию в поликлинику, потом снова в летное училище, куда Николай был зачислен курсантом с правом сдачи экзаменов «экстерном». Возвращался он в гарнизон с кучей книг и огромным желанием учиться.

После приезда из штаба округа генерал взял Николая к себе — на свой «флагманский корабль» — бортовым техником.

— Я предоставляю тебе времени для учебы столько, сколько тебе нужно будет, — продолжал открывать свои планы генерал. — Через год сдашь экзамены за летное училище и получишь сверхзвуковой самолет «Миг-17».

Семья генерала жила в большом доме при военной части и занимала квартиру на втором этаже, не первом размещалась семья начальника штаба. Здесь же, на первом этаже, Николаю выделили отдельную квартиру с «залом», кабинетом и спальней, где он и поселился со своими книгами. Задание было конкретным и жестким: за год освоить трехгодичную программу училища и сдать госэкзамены на «хорошо».

На службе Николай выполнял обязанности бортехника генеральского самолета. Как правило, у командиров дивизий были совершенно новые или почти новые самолеты, и особого ухода они не требовали. К тому же у Николая было в подчинении двое солдат: механик и моторист, которые заправляли самолет топливом, выполняли мелкий

ремонт и готовили его к полетам. Так что работы было немного: просто нужно было контролировать своих помощников и следить за работой двигателей и всех систем машины в полете. Вылеты командира дивизии были тоже не частыми, так что времени для занятий у Николая было достаточно.

Учился он добросовестно: своевременно готовил письменные задания, выполнял тесты, писал годовую работу для защиты. Практику давал ему сам командир, начиная с винтового самолета «У-2». К концу отпущенного для занятий срока Николай уже самостоятельно летал на реактивном «Миг-17».

Он был и остается благодарен Господу за определение ему воинской службы в авиации. В других частях имела место «дедовщина», в авиации же царила атмосфера доверия, дружбы и взаимопонимания между молодыми и «старыми» солдатами, между рядовым составом и командирами.

Дело в том, что обслуживающий наземный персонал, как мотористы, так и механики, состоят из рядовых или сержантов, а летчики все были офицерами. Офицеры не могли ни кричать на своих солдат, ни ругать их, тем более наказывать. Ведь достаточно при обслуживании самолета и его подготовке к полету надпилить тот или другой тросик или чуть-чуть открутить нужную гайку, и тогда летчик, взлетев благополучно, уже не мог возвратиться на землю: его ждала катастрофа. Потому и терпели друг друга и не кричали, соблюдали правила этикета, несмотря на разницу в званиях и занимаемых должностях, и обращались друг к другу по имени.

Но Николаю все равно пришлось испытать, что такое армейский карцер, притом совершенно незаслуженно. Однажды он вылетел на учебные полеты и, налетав положенное время, уже повернул назад, когда в наушниках

раздался голос самого командира дивизии. Он потребовал посадить «чужой», неизвестный самолет, летящий в квадрат, где был самолет Николая; в случае, если не опознанный самолет не захочет садиться, таранить его, как вражеский, самому же катапультироваться.

И, действительно, Николай увидел, что к нему приближался самолет без всяких опознавательных знаков. Нагнав неизвестный самолет, Николай вступил в переговоры с ним. Это был летчик из соседней дивизии, к тому же хорошо знакомый. Тот объяснил, что летал по заданию округа, чтобы фотографировать приграничные районы Китая, потому его самолет без звезд на крыльях и идет на большой высоте. Николай пожелал ему удачной посадки и вернулся на аэродром. Там его уже ждал старший техник - лейтенант, который и отправил его на гауптвахту по приказу командира за невыполнение его приказа посадить или таранить «чужой» самолет.

После того как с Николаем побеседовали представители секретной спецчасти и после того как связались с соседней дивизией и округом, тот же стартех поспешно выпустил его из карцера и послал к командиру. Командир извинился за «причиненное ему беспокойство» и тут же вручил письменную благодарность от имени командующего округом.

Николай усмехнулся и подумал об Иосифе. Сначала несправедливое обвинение, тюрьма, потом освобождение и поощрение. Не хватало только стать командиром дивизии, о чем он и сказал генералу.

Тот удивленно посмотрел и добродушно сказал:

— Будет тебе и дивизия! Подожди!

Эти слова Николай не понял, а уразумел после, но об этом разговор впереди. Взаимоотношения с генералом складывались как нельзя лучше. Он часто приглашал Николая к себе на ужин, где они много и долго говорили,

слушали по приемнику религиозные передачи, которые на Дальнем Востоке принимались без помех, нередко читали Библию. Его жена в таких случаях говорила:

— Давай, Ваня, изучай Библию, выйдешь на пенсию, будешь служить батюшкой в церкви. Николай устроит тебя где-нибудь — по старой дружбе.

— Я не против! Вот сдам ему дивизию, а сам уеду в Сибирь и стану батюшкой. А жену батюшке иметь можно? — спрашивал генерал. — Что об этом говорит Библия? Ведь от меня моя Лида не отстанет!

Николай был рад любой причине заговорить с ними на религиозную тему и тому, что у них появляется здоровый интерес к Библии и Богу, беседы становились интересными для обеих сторон и, главное, желательными.

Быстро истекло отпущенное для занятий время, написана последняя работа, и вместе с генералом Николай вылетел в Хабаровск, где выпускники летного училища должны были сдавать государственные экзамены.

Все устные экзамены Николай сдал на «отлично». На практических экзаменах все шло хорошо: прыжки с парашютом, полеты в туман и ночью, полеты в форсированном режиме, взлет и посадка вслепую, высший пилотаж. Но вот при посадке с хорошей видимостью он дважды «дал козла». Это было минусом, но в общем зачете он значился в числе лучших выпускников, хотя и сдавал экстерном, одолев за год трехгодичную программу училища.

Из Хабаровска Николай уже вернулся с дипломом летчика, званием лейтенанта ВВС и почетным знаком «Отличник авиации» (уже вторым). Ему было только 22 года.

По этому поводу генерал устроил у себя дома ужин, на который были приглашены командиры дивизии с женами. Николай поблагодарил генерала за помощь, пожелал ему и всем другим летчикам «парных взлетов и посадок» (выражение летчиков), но от ужина отказался и, сославшись

на усталость, попросил разрешения уйти отдыхать. Это не помешало всем остальным хорошо повеселиться в тот вечер, а Николай, действительно уставший от перегрузок последних дней и переживаний, ушел спать.

Но уснуть долго не мог, и лишь под утро он погрузился в приятный сон. Его разбудил телефонный звонок. Звонил командир дивизии и приказал срочно явиться в штаб, хотя было раннее утро.

Глава 5

ЛЕТЧИК ПЕРВОГО КЛАССА

В штабе его ожидали командир дивизии и начальник штаба. Ему вручили приказ принять для полетов сверхзвуковой самолет «Миг—17» за номером «33» и сегодня же сделать облет самолета. Свое новое назначение Николай принял с радостью.

Он любил небо, очень хотел в небо и очень хотел летать самостоятельно. И вот сбылась его мечта. Он поспешил на аэродром, отыскал свой самолет и попросил механика подготовить машину к полету.

Его первый полет, как и все, что случается в жизни впервые, запомнился навсегда. Отрываясь от земли, он пел, пел громко и от души. Его пение нарушил голос диспетчера в наушниках:

— Тридцать третий, перестаньте петь, соблюдайте тишину и слушайте команды с земли.

Но Николай не мог удерживаться: он продолжал петь, правда, теперь только в уме, почему и прослушал некоторые команды руководителя полетов, и получил за свой первый вылет выговор: выговор за невнимательность к командам с земли.

Он не мог иначе и потом. Как не петь хвалебные песни Богу, Который исполнил его заветное желание летать?! Он полюбил самолеты и небо на всю жизнь. Это была его стихия. В небе он чувствовал себя к Богу ближе, чем все остальные люди на земле, и был в такие минуты самым счастливым человеком. Как тогда не петь! И он пел, забывая, что его нестройное пение через микрофон звучит по всему аэродрому, за что получал взыскания, а однажды даже гауптвахту.

Через год командир дивизии вручил ему звено, в которое входило три самолета, присвоив ему очередное воинское звание. Это звено в короткое время стало образцовым в мастерстве, морали, поведении и умении дружить без соперничества и эгоизма. К этому следует добавить, что двоих из звена звали тоже Николаями, а третий через непродолжительное время изменил свое имя Илья на Николай. И когда, глядя на полеты этого звена, спрашивали:

— Кто это в воздухе?

Диспетчер отвечал:

— Ники.

Так и стали называть это звено — «Ник».

Николай решил достичь высот в летном деле: стать летчиком 1-го класса. Для этого нужно было, кроме умения первоклассно летать и сдачи экзамена, иметь необходимое количество полетных часов. Он стал просить командира увеличить ему вылеты и время пребывания в воздухе, чтобы поскорее набрать количество полетных часов. Командир согласился, и даже с удовольствием. Таким образом Николай стал летать ежедневно и подолгу: днем и ночью, в туман и дождь, со слепым взлетом и посадкой, с выполнением фигур высшего пилотажа: «бочки», «мертвые петли», «штопор», катапультирование со спецснарядов, прыжки с парашютом он выполнял уже без ошибок. По словам генерала, летным делом Николай овладел в совершенстве.

Настал день, и госкомиссия присвоила Николаю звание «Летчик первого класса» с присвоением очередного воинского звания. Ему исполнилось 24 года. Он был самым молодым командиром в дивизии. Служба в авиации проходила успешно. Николай удивлялся, как Бог управляет его путями. Удивлялся и хорошему расположению к нему генерала. Вскоре он узнал причину этого.

Однажды генерал вызвал к себе Николая и открыл ему свой план. Он сказал:

— Через несколько лет я уйду в отставку, на пенсию. Дивизию я передам тебе. За эти годы я доведу тебя до полковника, а генерала будешь пробивать сам. Кроме того, я нашел тебе невесту. Скоро сюда приезжает дочь начальника штаба. Она закончила университет и будет работать в штабе нашей дивизии. Вместе вы будете хорошей парой.

Николай этого не ожидал. Генерал застал его врасплох и, видя растерянность его, напирал:

— Так что, кроме своих полетов, еще приходи сюда ко мне и учись планированию полетов, их разборам и всей другой премудрости, и готовься встречать невесту.

Николай колебался. Нет, он не думает жениться и создавать семью с неверующей женой. Здесь у него колебаний не было. Но он очень любил летать, — а тут такая ответственность в перспективе! Его душой овладела мысль: а как на все это смотрит Бог?

В тот день он сказал генералу только одно:

— Я человек верующий, вы знаете. И я должен помолиться Богу, как Он скажет мне.

Генерал не понял и закричал:

— А что, если ты человек верующий, а я нет, то это тебя замазает? Что, если я командир дивизии, то я грязный и Богу противный? Ты подумай! К тридцати-тридцати трем годам ты сможешь стать генералом! Говоришь, что любишь

самолеты? А ты думал, на кого я оставляю эти любимые тобой самолеты? Эх ты, командир... Иди думай!

И Николай пошел. Но не думать, а молиться, потому что в голове у него проносились разные мысли, и ни на одной из них он не мог остановиться. Лично для Николая выбор был трудный: он очень любил авиацию, но его тянуло к Божьему народу.

Генеральская жизнь или христианская? «Но почему я не могу жить по-христиански, будучи офицером?! Разве это несовместимо? Разве Богу это неужодно?» — приходили мысли. Ведь Иоанн Креститель не осудил пришедших к нему воинов и не посоветовал им бросить службу. Да и он до сих пор чтит Господа, не оставляет Его и не думает Его оставлять!

С другой стороны, он сомневался, что можно жить полной христианской жизнью, находясь постоянно в казармах и среди солдат. Он понимал, что его духовное состояние, без общения с верующими, без труда на ниве Божией, уже сейчас стало не то. А если это еще на десятки лет?! Он вспомнил свою жизнь до армии: собрания верующих, поездки и общение с молодежью — и жизнь в настоящее время. Да, он не пил, не гулял, как прочие, не дружил с миром. Но у него сейчас одна радость — летать, одно увлечение — самолеты! А где служение Богу?

Ему на память пришли слова Христа: **«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»** (Мф. 16:26). И еще: **«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному будет усердствовать, а другим пренебрегать. Не можете служить Богу и маммоне»** (Мф. 6:24).

Николай стал в молитве просить Бога помочь ему устоять в искушении и дать ответ, как поступить.

Глава 6

ВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

Несмотря на хорошую службу, на любимое занятие — летать, на хорошие отношения с командиром дивизии, Николай начал тосковать по дому. Пока он был в небе, летел в самолете, ему было хорошо. Но когда кончались полеты, тогда ему становилось грустно и скучно.

Он пробовал уединиться, читать Библию и молиться, но уныние не проходило. Особенно плохо было по воскресеньям, в которые, как обычно, полетов не было. Многие солдаты и офицеры надевали парадную форму и уходили в гости или просто в город. Николаю же в город не хотелось, идти в гости было некуда.

Верующих он при всем своем старании не нашел, и к нему приходили воспоминания о воскресных днях на «гражданке», об интересном общении с христианской молодежью и совместном труде во имя Господа. В такие дни он чувствовал себя особенно одиноким. Его тянуло в общество, душа его страдала без общения с верующими.

В это трудное для него время Николай должен был сопровождать генерала в одном сверхсекретном полете. Это было связано с большим риском. Под защитой и покровом Господа они почти благополучно приземлились, хотя и не на своем аэродроме.

За этот полет и выполнение приказа главкома генерал получил орден, а Николай — внеочередное воинское звание: майор ВВС.

Продолжая молиться Богу и размышлять о своей дальнейшей судьбе, особенно после едва не ставшего трагическим полета с генералом, Николай принял важное решение: оставить военную карьеру и уйти в гражданскую жизнь. Красивая форма летчика, общество высшего офицерского

состава, материальный достаток и перспектива генеральского чина — ничто не удовлетворяло и не радовало его.

Вспомнился Моисей, который занимал высокое положение при фараоне египетском с возможностью самому стать фараоном, и его решение: «...отказался называться сыном дочери фараона и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение» (Евр. 11:24–25).

Вспомнил Давида, облаченного в царские воинские доспехи Саула, как не смог Давид ходить в таком снаряжении, потому что не привык к такой одежде, и как он снял с себя все это и опять оделся в свою простую одежду — и только тогда почувствовал себя снова Давидом! И Николай сказал себе: «Все! Я ухожу из армии». Это решение в нем крепло, и он понял, что это Бог предлагает ему этот путь. Еще раз помолился и с таким намерением пошел к командиру дивизии.

Дорогие друзья! Если вы будете стоять перед выбором своего жизненного пути, тогда обратитесь к высшей мудрости нашего Господа, попросите Его быть руководителем вашей жизни — и у вас не будет трудности в выборе, как написано: «**Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит**» (Пс. 36:5).

С генералом Николай поделился своими мыслями и попросил у него совета: с чего начинать? Состоялся очень серьезный разговор. Командир и слушать не хотел об его увольнении.

Он снова стал рисовать красивую жизнь в рядах ВВС, а в перспективе — безбедную старость. Долго он еще уговаривал и просил подождать и подумать.

— Я не могу жить такой жизнью. У меня болит душа. Я хочу домой, к своим, — стоял на своем Николай.

Видя, что уговоры не действуют, генерал перешел в наступление:

— Приказы в армии не обсуждаются, а выполняются. А я тебе приказываю продолжать службу! Иначе я тебя разжалую и посажу на гауптвахту. Не вынуждай меня на строгость и не сердь меня!

В тот день разговор на этом закончился, но Николай не смирился. Через несколько дней он опять, подойдя к командиру, попытался его убедить. Тот молча выслушал и сказал:

— Больше ко мне по этому вопросу не подходи. Посажу на гауптвахту. Иди!

Что делать? Николай знал, что командир свое слово держал строго. На память пришло изречение, что «миром правят женщины», и решил попытаться действовать через его жену. Он позвонил ей по телефону, объяснил суть дела и просил ее содействия. Она обещала поговорить с мужем, но посоветовала написать письменный рапорт об увольнении. Заготовив такой рапорт, он через день пошел к генералу. Генерал, как и в тот раз, молча выслушал его, взял рапорт, порвал его и бросил в мусорную корзину.

— Я напишу рапорт командующему ДВО, — сопротивлялся Николай.

— Пиши! В лесу деревьев много — бумаги хватит на всех. Пиши! — ответил генерал.

Написал в Хабаровск и стал ждать ответ. Ответ пришел скоро. На его рапорте стояла резолюция: «Ваш рапорт направлен командиру дивизии на его усмотрение». С этим письмом Николай направился в штаб. Командир встретил его вопросом:

— Ты писал в округ армии рапорт?

— Да, писал! — был ответ Николая.

— Мне пришел ответ. Там написано: на мое усмотрение. Я усматриваю, чтобы ты продолжал служить в армии и принял дивизию! Вот мое слово.

И рапорт Николая снова полетел в корзину.

— Я буду писать министру обороны, — парировал Николай.

— Валяй! Пиши! Все равно придет ко мне, — не унился генерал.

Написал министру обороны. Ждал ответа с нетерпением. Наконец пришел ответ из Москвы. Опять одно и то же: «Увольнение производится по представлению командира дивизии. Обращайтесь к нему».

С таким ответом Николай к командиру не торопился. Тот сам вызвал его и, показав ответ из Москвы, разорвал рапорт Николая и снова выбросил его, как и раньше, в мусорную корзину.

Николай с еще большим усердием начал молиться Богу и написал новое заявление с просьбой предоставить ему отпуск, думая, что дома что-то можно будет сделать. Но командир угадал его замысел и сказал:

— В отпуск езжай хоть завтра, но в срок будешь снова здесь, в части. Иначе тебя ждет военный трибунал. И не думай, что у меня к тебе будет снисхождение. Нет, я должен буду в случае твоей неявки в часть сообщить о тебе в округ армии, и тебя, как дезертира, найдут и будут судить по всей строгости закона. Так что выбирай: отпуск домой, служба в армии и генеральское звание или военный трибунал, — весело добавил он.

«Выбор давно сделан, — мысленно сказал Николай, — но как этот выбор осуществить?»

И снова молитвы к Богу. В тот вечер он слушал радиопроповедь на стих из Псалтири: «Утешайся Господом, и Он исполнит желания сердца твоего». Проповедник сказал, что эти слова в греческом звучат так: «Утихни перед Господом и ожидай, и Он исполнит желания сердца твоего».

Николай ободрился, приняв эти слова как Божий ответ на его молитву.

Помощь пришла скоро. Жена генерала позвонила Николаю и сообщила, что она мужа своего почти уговорила, но ему стоит лично с ним встретиться и переговорить.

Николай стал ждать удобного момента. Он исправно нес службу, замечаний не имел, его звено на учениях заняло первое место — все шло хорошо. Николай снова получил внеочередное звание, но прежней радости не было.

И вот однажды генерал сам зашел к нему. Николай сидел над раскрытой Библией и читал, не замечая тихонько вошедшего командира. Тот подошел сзади и спросил:

— Что читаешь?

— Библию.

— О чем же читаешь?

Николай указал на 2-ю главу Книги Неемии. Командир неторопливо уселся и стал читать. Наверное, он прочитал всю главу, так как времени прошло немало, да и вопросы были по теме.

— Интересная книга Библия, в ней можно обо всем прочитать — исходя из настроения, — удивленно сказал командир.

— Да, — поддержал Николай, — она отвечает на все важные вопросы о жизни и смерти. И прочитал ему стихотворение Никитина о Библии, свое любимое: «Измученный жизнью суровой...»

Командир внимательно слушал, затем заговорил:

— Ты читал подходящее место из Библии, оно для тебя как раз: этот библейский человек — твой друг по печали. Удивляюсь ему и тебе. Что ему еще надо было? Он не захотел быть при царе и пошел скитаться. Поменял хорошую жизнь на страдания. Тебя ждет такой же путь. Зачем?!

Помолчав, Николай добавил:

— Эта книга и для вас, а не только для меня. Здесь говорится о большом человеке, наделенном большой властью, царе, и о том, что он увидел печальное лицо своего

слуги и, узнав причину его печали, пошел навстречу его желанию и отпустил его домой, в Иерусалим. А где страдания? Это понятие относительное. И цари страдают, и генералы тоже, а бедные радуются. Главное, чтобы в душе был полный мир и удовлетворение жизнью, остальное не так важно. Я тоже страдаю, а доброго царя все нет!

— Я знаю, что царя уговорила царица. Пойдем к моей «царице». Что она скажет? А ты возьми с собой Библию и ей тоже это прочитаешь.

Лидия стояла на пороге своей квартиры и улыбалась. У Николая отлегло от сердца — значит, все будет в порядке.

Когда уже сидели за столом и пили чай, генерал предложил, чтобы Николай прочитал то интересное место из Библии, которое он читал у себя.

Прочитав им всю 2-ю главу Книги Неемии, Николай стал просить отпустить и его домой. Жена генерала поддержала эту просьбу и сказала с раздражением:

— До каких пор ты будешь издеваться над ним? Что ты ему душу изматываешь? Посмотри на него: осунулся, похудел. Уступи его просьбам и отпусти его к матери-вдове.

— Я не издеваюсь над ним, — оправдывался генерал. — Он мне нужен, потому я и не отпускаю его.

— А разве проверенный виночерпий не нужен был царю? Но он отпустил его, потому что не хотел, чтобы тот страдал, — проговорил Николай, — ради Господа, прошу вас, отпустите меня. Это вам зачтется пред Богом.

Некоторое время сидели молча, каждый был погружен в свои мысли. Наконец генерал встал и тихо сказал:

— Ну, быть по-вашему, моя царица и мой брат. Езжай домой, только не забудь нас. Молись за нас.

И сел. Николай заплакал от радости. Подбежал к командиру, обнял крепко и поцеловал его в лысину, а Лидии поцеловал руку и поблагодарил за ее сочувствие и содействие.

В тот вечер Николай уснул не скоро, но когда уснул, то спал сном праведника, не просыпаясь. Шел 1958 год — год, когда, согласно приказу министра обороны, в силу вступило сокращение армии в СССР и увольнение из ее рядов сверхсрочников, офицеров — по болезни и не имеющих высшего образования, а также желающих. В числе последних был и Николай.

«Как много у Тебя благ, которые Ты хранишь для боящихся Тебя и которые приготовил уповающим на Тебя...» (Пс. 30:20) — прочитал он в тот вечер и горячо возблагодарил Бога.

Всякий раз, вспоминая свое увольнение из армии, Николай повторяет слова известного гимна:

Если в бурях жизни дух твой удручен,
Тучами унынья путь твой омрачен,
Вспомни, сколько милости Господь явил,
Удивляться будешь, что Он совершил!

Бремя ли заботы на тебе лежит,
Тяжкое ли горе душу тяготит,
Милости как вспомнишь, вознесешь главу,
Сбросишь все сомненья, воспоешь хвалу.

Милости Господни вспоминай, считай,
Все их до единой в сердце повторяй.
Вспомни, как Он щедро ими наделил,
Удивляться будешь, что Он совершил!

Слава Богу, что Его милости и сегодня еще не иссякли.
Их нужно видеть и благодарить за них нашего любящего Господа!

Глава 7

ВОСПОМИНАНИЯ

Перед отъездом домой у Николая в памяти прошла вся его служба. У летчиков служба без «чепе» (чрезвычайных происшествий) не бывает. Случаются смешные курьезы, бывают и драматические события. Было у Николая и то и другое. Все не расскажешь. Вот, разве что, три случая из многих.

Командир дивизии брал Николая с собой в полеты, а летать ему приходилось немало, потому что если по каким-то причинам командир летать не мог, то он не мог и занимать должность командира дивизии, ему было место только в штабе. И командир летал, прыгал с парашютом, участвовал в учениях и так далее.

Однажды командир, участвуя в учении, вылетел в заданный квадрат, о чем сейчас же сообщил на землю проверяющему с округа, приехавшему на учения. Выходя, по команде с земли, из квадрата, влетели в темную тучу. В тот день почти везде была сильная облачность, и полеты были запланированы как раз в облачность. Проходит время, а мрак не кончается. Командир рванул штурвал на себя — в окне те же густые, словно вата, облака; влево, вправо, вниз, — не видно просвета. Снова вверх. В наушниках уже не раз был слышен голос проверяющего:

— Нуль — двойка! Где вы? Время ваше вышло. Идите на посадку. Почему не отвечаете? Срочно ответьте, где вы?!

Но генерал молчал. Дело в том, что на Дальнем Востоке очень много сопок и достаточно высоких, в которые при плохой видимости самолет может врезаться. Высотомер их не берет, потому что они еще не под самолетом, а когда сопка будет под самолетом, будет уже поздно! И потому

командир не рисковал в такой мгле, слишком низко выходить к земле, а сказать о том, что он не может выйти к земле, командиру было стыдно. Всему экипажу стало не по себе.

Тревога нарастала и на земле. Голос в наушниках стал еще громче и тревожнее:

— Генерал! Где вы? Что с вами? Отвечайте!

У всех членов экипажа выступил холодный пот, и от страха защемило сердце. И тогда, резко повернувшись к Николаю, командир тихо, но властно спросил:

— Куда выходить, Николай?

— А я откуда знаю? — был ответ.

— Ты знаешь. Ты должен сказать, притом говори быстрее, не то мы пропали.

Тогда, приняв этот приказ командира как голос Божий и призвав имя Божие, Николай сказал:

— Командир! Давай направо и вниз!

Самолет подчинился команде штурвала, которую командир тотчас же выполнил не раздумывая. Через несколько минут кабину самолета залил свет, и стала видна земля: она была рядом, и над ней низко плыли тяжелые темные тучи. На бреющем полете зашли на посадку. К месту посадки уже мчалась техническая и медицинская скорая помощь, штабной автомобиль и черная «Волга» проверяющего. Командир открыл «фонарь» кабины самолета, и все облегченно вздохнули. А Николай громко сказал: «Слава Богу! Мы живы!»

Хотя самолет уже приземлился, никто не двинулся с места: все сидели после пережитого обессиленные и обмякшие.

— Живы?! В чем дело? — с земли спросил подъехавший проверяющий, тоже генерал. — Где вы были так долго? Почему не отвечали?

— Были в опасности, не отвечал сознательно: стыдно

было, а что мы на земле и живы — это спасибо ему, — и командир указал рукой на Николая.

— Почему?

— Потому что он верит в Бога, Бог его не погубит, а вместе с ним не погибну и я, — серьезно ответил командир.

С тех пор ни один полет командира не проходил без Николая.

Случались и неприятности.

Однажды на осенние учения приехал сам командующий округом, генерал армии Малиновский. Вылетели на задание, выполнили его вовремя и на «отлично» и уже по команде диспетчера сделали разворот, как вдруг из сопла одного из реактивных двигателей появилась струя огня, о чем сообщили с земли.

Что делать? Рядом с соплом находился дополнительный бак с топливом, который от огня мог в любой момент взорваться. Сбрасывать его было опасно. Самолет уже шел на посадку, и под ним мелькала аэродромная техника, оборудование, рабочий транспорт.

На земле тоже не знали, как поступить. И тогда командир закричал:

— Никто ничего не знает! Николай, молись, чтобы самолет не взорвался!

К посадочной полосе уже подтягивали пожарные машины и другую спасательную технику, мчалась скорая помощь, неслась «Волга» командующего округом...

— Господи, — закричал Николай, — спаси нас и технику!

И вдруг огонь погас, так же неожиданно, как возник; и самолет благополучно приземлился.

Как только вышли из самолета, командующий поздравил командира дивизии и Николая с благополучной посадкой и поблагодарил за отличные показатели на учениях.

Среди прибывших к самолету был и замполит дивизии, который не любил Николая и громко сказал:

— Наверное, согрешил сегодня наш святой, что на него Бог огонь послал?!

— Какой «святой»? — переспросил командующий.

— Да вот, наш баптист.

Командующий посмотрел на замполита, затем на Николая, потом опять на замполита и закончил:

— Да! Но он же и погасил огонь!

А командир дивизии как-то резко отпрянул от Николая в сторону и пошел вперед быстрым шагом. Поняв, что командиру стало стыдно перед командующим, Николай сознательно отстал и направился к себе, молясь Богу, чтобы не было нежелательных последствий от этой встречи ни для командира, ни для него.

На следующий день командир признался Николаю, что его одолел стыд и он, не выдержав, проявил слабость. Просил забыть этот случай и продолжать совместные полеты. Уже потом, спустя некоторое время, генерал у себя дома за чашкой чая рассказал, что командующий его не ругал, не стыдил, но даже похвалил.

— Похвалил? Кого? И за что? — поинтересовался Николай.

— Тебя и меня! — И продолжал рассказывать, как командующий расспрашивал о Николае, о его службе, об их совместных «чепе» в воздухе, а напоследок сказал: «Хорошо бы каждому генералу дивизии иметь хотя бы одного баптиста. Это лучше всех телохранителей и адъютантов. У меня тоже есть баптисты, и я на них не в обиде».

После этого случая отношения между Николаем и командиром дивизии стали еще более доверительные: командир велел Николаю не называть его генералом, а считать своим отцом и называть по имени, Иван Константинович, а Николая он ласково называл «Коля, сын мой».

Да, воистину, наш Господь – Бог и на небе, и на земле – совершал и совершает чудеса. И делает это для свидетельства Своего могущества и силы, используя для этого и нас, христиан. Слава Богу! Да сподобимся мы быть достойными исполнителями Его планов и намерений! И да прославится через каждого из нас наш всемогущий и любвеобильный Господь!

Нельзя не вспомнить и прыжки с парашютом, особенно первый.

В тот день, согласно программе, утвержденной для курсантов ВШАМ, отделение в составе 12 человек, где значился также Николай, на самолете «МИ–2» вылетело для прыжков с парашютом. Перед посадкой в самолет все курсанты были веселы, без умолку разговаривали и помогали друг другу надевать сумки с парашютами. Когда оказались в воздухе, все притихли.

Самолет дошел до заданного места, и один инструктор выпрыгнул из самолета. Самолет снова пошел по большому кругу для разворота. Когда самолет вторично достиг нужного места, прыгнувший с парашютом инструктор уже был на земле и оттуда приветливо махал красным флажком. Он этим жестом говорил, что все благополучно и можно прыгать всем остальным. Это должно было ободрить курсантов и добавить им смелости.

Второй инструктор, оставшийся в самолете, приказал всем приготовиться к прыжкам и спросил:

— Кто желает прыгать первым?

Все молчали и старались не смотреть на инструктора: какой-то непонятный страх овладел курсантами, хотя до этого все уже не раз прыгали с парашютом с вышки. Николай, считавший себя смелым человеком, тоже молчал.

— Что, нет желающих? Тогда начнем по списку, — и вызвал первого в списке: — Апышко!

Тот нехотя поднялся со скамейки и подошел к открытой двери самолета. Инструктор взял его сзади за плечи и выдернул предохранительную чеку парашюта, как это делается со всеми при первом прыжке с самолета. Через тридцать секунд парашют должен был раскрыться. Но Апышко расставил руки, уперся ими в проем и не хотел прыгать. Он испугался. Тогда инструктор стал выталкивать его из самолета. Но Апышко не сдавался. Наконец инструктор вытолкнул его. Пока шла борьба, отведенное время прошло, и парашют стал раскрываться прямо в самолете. Апышко полетел вниз с уже раскрывающимся парашютом, стропы которого зацепились за хвост самолета, и Апышко, с раскрытым парашютом, повис в воздухе позади самолета.

В тот день были отменены все прыжки для всех групп, и только через месяц снова возобновились.

В другой раз все прошло хорошо, прыжки состоялись, и все курсанты приземлились благополучно. Но прыгать было страшно: большая высота и шумящий за бортом ветер лишали курсантов смелости и желания прыгать добровольно. И нужно было, чтобы инструктор дотронулся до плеча каждого и легким толчком поощрил его к прыжку.

Но когда открылся парашют и Николай выровнял положение тела в воздухе, тогда ему стало приятно и радостно. И он в порыве радости запел:

Великий Бог! Когда на мир смотрю я,
На все, что Ты создал рукой Творца,
На всех существ, кого, свой свет даруя,
Питаешь Ты любовью Отца,
Тогда поет мой дух, Господь, к Тебе:
Как Ты велик! Как Ты велик!

Певец из него был неважный, но он пел от всей души и во весь голос, пел от распиравшей грудь радости, от пе-

реполнявшего счастья. Пел, а не знал, что в воздухе очень хорошо слышна даже негромкая речь. Да и на земле хорошо было слышно это пение, за что и получил, после приземления, строгий выговор! Но это не отбило у него желания славить Бога, и он частенько пел во весь голос во время последующих прыжков, за что отсидел на гауптвахте.

Всего же Николай совершил за свою армейскую жизнь (в школе и в воинских частях) 13 прыжков с парашютом. Все они, за исключением одного, были удачны и благополучны. Николай очень доволен, что ему выпала такая возможность — прыгать с парашютом! И он благодарен Богу, что Господь хранил его во время этих прыжков от травм и несчастий! Слава Богу за те захватывающие минуты, когда он находился между небом и землей. Небо для него становилось ближе и желаннее, душа — чище и ближе к Богу, а духовный гимн: «Слава Богу за все даянья, слава Богу за все страдания, слава Богу за ночи мрачные, дни удачные и неудачные...» — стал его любимым.

Глава 8

ДОМОЙ

Сборы домой у Николая были недолгими: передача материальных ценностей и техники другому командиру эскадрильи, оформление документов на увольнение из армии, получение проездных документов, прощание с личным составом дивизии и со знакомыми летчиками соседнего гарнизона, упаковка вещей в чемоданы — и он готов был ехать домой!

Прощание с генералом и его женой было особенно трогательным. Годы настоящей дружбы сблизили их и сделали не только близкими, но и родными. Прощальный обед

генерал сделал на своей даче, что еще более обострило чувство доверия и привязанности. Расставались с надеждой на встречу. Генерал с женой просили прислать им адрес молитвенного дома в Новосибирске, куда они собирались этим летом ехать в отпуск. Они взяли с Николая обещание, что он будет писать им, чем до глубины души его растрогали, и он едва удержался, чтобы не расплакаться.

Тепло попрощавшись, он ушел от них, сопровождаемый напутственными добрыми словами.

До сих пор Николай вспоминает своего командира с особой любовью, его заботу о нем, совместное чтение Библии и слушание духовных радиопередач. Переписка между ними продолжалась долго, до самой смерти генерала. Он вышел на пенсию, уехал на Украину и поселился там. Проездом они были в молитвенном доме в Новосибирске, служение им очень понравилось. Они посещали собрания верующих и на Украине, о чем было подтверждение из Киева. Вскоре генерал умер. След его жены затерялся.

Но Николай уверен, что его бывший командир встретит его в вечности как брат! Такой честный и справедливый человек, каким был генерал, за которого молились, не мог не прийти к Богу!

И это в жизни главное! Не слава и первенство, не должность и звание, не богатство и привилегии в этом мире – а вечная жизнь! Где человек будет проводить вечность? Это зависит от той цели, которую человек поставит еще на земле, и от выбора, который он сделает, как написано: **«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит! Или какой выкуп даст человек за душу свою!»** (Мф. 16:26). И еще: **«Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден...»** (Ин. 3:18).

Из Хабаровска самолет за несколько часов перенес Николая в Новосибирск. Оттуда он добирался домой поездом. Но прежде чем поехать к себе домой, в Кулунду, он посчитал нужным заехать в Осинники, откуда его провожали в армию. Встреча с братьями и сестрами по вере после нескольких лет разлуки была трогательной. Возмужавшая молодежь, многие уже объединились в супружеские пары... Все обнимали и целовали своего друга, плача от радости. Благодарные возгласы «слава Богу» неслись со всех сторон, затем дружное песнопение, молитвы благодарения и совместная трапеза дополнили тот знаменательный и памятный вечер.

Целую неделю гостил Николай в Осинниках: хотелось побывать на служениях, встретиться с друзьями по вере, которых знал в прошлом. Семьи Крекера Корнея Корнеевича, Марии Татти, Классен, Дик и других открыли двери своих домов и сердец. Этого не забыть! А вечерние общения с молодежью!

Пребывание среди настоящих христиан в Осинниках укрепило Николая в сознании правильности принятого решения: жить не среди солдат, а в кругу своих братьев и сестер.

Ободренный пребыванием в Осинниках, он добрался, наконец, домой. По сравнению с генеральской дачей в лесу и его собственной квартирой в гарнизоне, родная изба была убогой, но такой родной и желанной, что он поцеловал дверь своей хаты.

Встреча после долгой разлуки была радостной, разговорам и воспоминаниям не было конца. Радость еще более возросла при встрече с молодежью и церковью. Николай почувствовал, что он дома! И хотя радость возвращения домой омрачилась потерей двух чемоданов при пересадках: с самолета на поезд и с одного поезда на другой, — он не жалел, что вернулся.

Миром и спокойствием наполнилась душа. Он сразу же окунулся в жизнь церкви. Снова встречи, снова поездки и посещения верующих в селах и городах.

Посещая верующих, Николай не забыл свою школу.

После возвращения домой он хотел в своей парадной летной форме явиться в свою бывшую школу, предстать перед завучем, Елизаветой Петровной, и доказать ей, что он тоже человек. Но Бог его планы перечеркнул.

Николай пошел в школу, но пошел в гражданской одежде, так как его форма пропала вместе с остальным багажом. Елизавету Петровну он не нашел, она к тому времени уже умерла. И вместо беседы с нею одной Николаю довелось пообщаться со всеми учителями. Встреча затянулась до полуночи. Много говорили о Боге, о Библии, о вере, интересовались его дальнейшими планами и даже предложили вести в школе урок военного дела.

В другой раз Николай провел целый вечер в разговорах с учениками. Кроме рассказа о себе, о своей вере в Бога, он поделился теми многими моментами своей жизни, когда Господь показывал выход из тупиков, посылал Свою защиту в опасностях и спасение от верной смерти. Дети тоже не молчали. Николай не успевал отвечать на вопросы, которые они ему задавали и на которые им никто до сих пор не мог ответить. А вопросы были насущными и актуальными: о загробной жизни, о воскресении, о суде, о вере в Бога, о цели в жизни. По мере общения стихали реплики и смех. А в конце встречи ученики пожелали, чтобы кроме научного атеизма был введен урок религии.

— Вполне разумно, — отвечал Николай. — Ибо если вы хотите докопаться до истины, то вам нужно в любом споре выслушать обе стороны, а не одну только. Вам же говорит только одна сторона. Просите руководство школы, чтобы такой урок вам разрешили. Я с большим удовольствием готов вести его.

Но как потом стало известно, такого урока, естественно, ученикам не разрешили. При встрече с учителями и учениками Николай снова для себя отметил, как Господь корректирует наши человеческие планы и делает это к радости души человека и к Своей славе. На этих встречах он увидел беспокойство людей за свое будущее. Учеников пугал страх перед будущей самостоятельной жизнью. Учителя были неудовлетворены достигнутым, разочарованы жизнью и боялись приближающейся смерти. А один из педагогов высказал свое мнение вслух:

— Я вам завидую! Завидую белой завистью!

И это было мнение не только его, но многих. Потом Николай принес в учительскую много Евангелий и подарил их учителям, чему они очень обрадовались. Вспомнился псалмопевец Давид, который однажды сказал: **«Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся!»** (Пс. 19:8).

Была еще одна встреча с бывшей учительницей истории. У Николая история была любимым предметом в школе, потому он с большой радостью откликнулся на приглашение учительницы прийти к ней домой. Она рассказала о том, как долго и страшно умирала Елизавета Петровна. Ее пугала подступающая к ней медленная смерть, ее страшило будущее. Она признавалась, как она несправедлива была к баптистам в школе, как много она навредила Николаю в институтах. И она сделала вывод, что Николай проклял ее и его проклятие ее мучает.

И тут же, не давая что-то сказать, учительница продолжала:

— Теперь я занимаю должность завуча школы, и я очень боюсь, чтобы меня не постигла такая же ужасная участь, ведь я теперь на ее месте. И хотя я не ругала тебя за твои убеждения, но и не заступалась, боясь за себя. И сейчас боюсь... Я знаю, что Бог есть... и за все нужно будет отве-

чать перед Ним. А время умирать подходит. Я знаю, что Бог с тобой, не проклинай меня, — и она заплакала.

Николай был тронут признанием своей бывшей учительницы, ее рассказ взволновал его, и ему стало очень жаль ее. Он подошел, взял ее за руку и, глядя ей в глаза, сказал:

— Никакого проклятия я никому не посылал, в том числе и Елизавете Петровне. Я, как христианин, уже тогда ей простил, хотя мне было больно за то, что она помешала мне учиться в институте. Наоборот, я просил Бога простить ей за все обиды, причиненные верующим. А за вас я буду молиться Богу, чтобы Он вас благословил и послал успех в труде и мир Божий в сердце, и чтобы однажды вы в Иисусе Христе нашли своего Спасителя. Тогда и умирать не страшно будет! — добавил Николай. — Я и сейчас готов помолиться за вас.

Она заплакала еще сильнее. Что делать? И Николай стал молиться о ней вслух, встав на колени. Она тоже встала рядом на колени и в слезах стала читать «Отче наш». После этого Николай снова совершил сердечную молитву о ней. Когда встали с колен, она успокоилась, лицо ее преобразилось и, улыбаясь, она облегченно вздохнула и тихо проговорила:

— Теперь я знаю, что мне делать! Теперь я знаю. Спасибо вам, что вы пришли ко мне сегодня, — и добавила: — Спасибо, Боже, Тебе, что Ты послал этого человека ко мне.

А Николая попросила достать ей Библию, и он вскоре подарил ей Новый Завет, который она начала читать. Слово Божие упало на почву ее сердца, и Николай просил Бога взрастить посеянное семя и привести ее к настоящей живой вере!

Христиане оказывают влияние на окружающих, если воистину оказываются солью и светом этому миру. Как важно это помнить каждому христианину, ведь в этом мире

мы оставлены как «свидетели Христовы» (Деян. 1:8). А люди много страдают, как писал об этом Лев Толстой: «Люди наказываются не за грехи, а наказываются самими грехами. И это самое тяжелое и самое верное наказание».

На дворе была зима, когда Николай вместе с двумя другими братьями попросил церковь преподать им крещение. Братья ночью сделали в одном из прудов прорубь, и под покровом темноты молодые последователи Иисуса дали обет Богу служить Ему доброй совестью. После крещения Николай, укутанный в тяжелый тулуп и окруженный как ореолом исходившим от него паром, счастливый возвращался домой.

Жаль, что сегодня многие люди, труждающиеся и обремененные грехами и духовными болезнями, говорят, подобно евангельскому расслабленному: **«Хочу, но не имею человека... который привел бы меня ко Христу»** (см. Ин. 5:7).

А этим человеком, которого ждут сегодня измученные грехами, можешь быть ты! Будьте внимательными! Оглянитесь вокруг и посмотрите, кто в вас сегодня нуждается. Окажите сочувствие и внимание, помогите прийти ко Христу! Исполните повеление Божие: **«Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всему творению»** (Мк. 16:15).

Николай же снова познал изволение Божие: его, Николая, призвание – делиться своим счастьем пребывания со Христом с другими людьми, несчастными здесь, в этой жизни, и идущими после временного мучения на земле в вечные мучения.

Коля и Катя перед свадьбой.

Свадьба Николая Сизова и Кати Хивренко.

С мамой и братьями. Николай справа от мамы.

ЧАСТЬ 3

ЖИЗНЬ НА ГРАЖДАНКЕ

Глава 1

ГЛАВНЫЙ МЕХАНИК

Сразу же после возвращения из армии Николай стал принимать активное участие в жизни общины и христианской молодежи. В церкви он проповедовал, иногда руководил богослужениями; устраивал общения среди молодежи, организовывал посещение больных и престарелых, оказывал помощь огородникам, ремонтировал и строил дома, участвовал в заготовке топлива на зиму — помогал везде, где нужна была помощь. Вместе с другими посещал группы верующих в селах и городах.

Положение верующих в те времена оставалось по-прежнему трудным. Активисты-безбожники боролись с религией и устраивали гонения на верующих, оскорбляли их и порочили. Они не давали возможности молодежи собираться на собрания и посещать другие общины, вызывали в райисполкомы и облагали штрафами. В институтах и техникумах по-прежнему не позволяли учиться христианам. По телевидению выступил Н. С. Хрущев и пригрозился покончить с религией и к следующему партийному съезду показать по телевидению последнего пьяницу и последнего баптиста.

Но несмотря на трудности и гонения, христиане продолжали собираться на свои собрания, притом регулярно. Число верующих не уменьшалось. На смену старым приходили новые люди, которые каялись, принимали крещение и становились членами церкви. Отказавшихся от веры или охладевших в те годы Николай не помнит, таких не было!

В доме Николая богослужения проходили регулярно, за что маму часто вызывали в райисполком, а потом и Николая, когда тот вернулся из армии.

Вернувшись домой, Николай не забыл авиацию. На каждый звук пролетающего в небе самолета он поднимал голову и долго смотрел, пока самолет не скрывался из глаз. Но ни военной, ни гражданской авиации в Кулунде тогда не было, и он вынужден был искать другую работу.

На работу Николая приняли в ПМК (передвижная механизированная колонна). В те годы, по указанию Хрущева, везде, где только можно было, особенно на целинных землях, создавались совхозы по выращиванию кукурузы и других зерновых культур.

Из Москвы прибыл организационный штаб по строительству целинных совхозов. Везде были расклеены рекламные объявления о наборе рабочих различных специальностей. Николай по объявлению обратился в этот штаб и после собеседования его приняли в ПМК на должность главного механика, так как он имел не только диплом летчика, но и техника по обслуживанию самолетов, полученный после окончания ВШАМ. В его новую обязанность входило: набор и увольнение механиков, водителей, бульдозеристов и т. п.; строительство временных передвижных электростанций; контроль за выполнением работ; начисление зарплаты и обеспечение бесперебойной работы всей строительной техники.

Начальником ПМК был молодой парень, еврей, из Москвы — энергичный и принципиальный.

Николай с усердием взялся за работу. Вскоре была получена новая техника из Москвы, принят обслуживающий персонал и закипела работа. На отведенном райисполкомом чистом поле началась стройка. Рыли котлованы, закладывали фундаменты, возводили здания, притом сразу в четырех местах в радиусе 120 километров. Вначале строили клуб, библиотеку, отделение милиции, баню, детские сады и ясли, контору совхоза и пункты бытового обслуживания. Потом приступили к строительству общежития для рабочих, гаражей для техники, мастерских и зак-

ладке парков для отдыха. Через пять-шесть месяцев на новом месте стоял поселок нового совхоза.

Работа спорилась, и после увольнения пьяниц, прогульщиков и лентяев Николай сформировал хороший коллектив механизаторов. Ему достался уже не новый, но еще крепкий «бобик-вездеход» и молодой, но ленивый водитель, любивший выпить. Водителя после второго предупреждения он уволил, и за руль сел сам. На этом вездеходе Николай гонял по всей стройке, за сто и более километров.

Первую премию министерства строительства ПМК получила уже через квартал, то есть через три месяца работы. Через пять месяцев были сданы четыре новых совхоза. ПМК на новом месте продолжала строить еще три. Место штаба оставалось неизменно в Кулунде.

Во втором полугодии из Москвы приехала с проверкой комиссия. Посетив четыре новых совхоза, которые уже начали действовать, проверив качество работ на новом участке и правильность строительства, комиссия осталась довольна. На торжественном собрании пообещали, что ПМК получит большую премию и к ним приедут с концертом знаменитые артисты. Один же из выступавших на этом собрании сказал слова, над которыми Николай с начальником еще долго смеялись: «Ваш труд пропал не напрасно!»

К усердному и честному труду призывает нас Господь: **«Кто крал, впредь не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся»** (Еф. 4:28).

Все в жизни держится трудом:
Любовь, семья и дети,
Свой край родной, и отчий дом,
И лучший хлеб на свете!

Глава 2

НИКОЛАЙ И ГИПНОТИЗЕР

Вскоре из Москвы приехали артисты. Всем лучшим рабочим выдавали бесплатные билеты на концерт. Артисты должны были выступить три вечера подряд. После первого вечера, было очень много восторженных разговоров. Особенно понравился иллюзионист. И Николаю захотелось ему помешать. И он знал, как это сделать, так как однажды разговаривал с уверовавшим фокусником, который многое рассказал ему о своей прежней работе.

Николай пошел к начальнику строительства с просьбой выделить ему два билета на концерт. Начальник это сделал с большим удовольствием. Вечером Николай поделился идеей с братом по вере Андреем и попросил помочь. Так как они собирались на борьбу с Голиафом, то знали, что его можно победить только с помощью Господа. По этой причине они молились всю ночь и следующий день, а вечером, умывшись и переодевшись, подъехали к клубу. Они вошли через заднюю дверь и сели напротив двери в предпоследнем ряду. Концерт только начался. После выступления певицы началось самое интересное: иллюзионист.

Он проделал один фокус над девицей, положив ее головой на одну спинку стула, а пятками ног — на спинку другого стула, и она, словно закаменевшая, лежала так, не прогибаясь. Очередной фокус состоял в отгадывании строки на странице в книге, которую выберет жюри. Жюри было демократичное — из совхозных рабочих. Им принесли кучу книг из библиотеки. Артист ушел за кулисы, жюри выбрало книгу, страницу и строку в ней для отгадывания. Затем эту книгу смешали с другими и оставили в общей стопке. Зашел артист, похлопал в ладоши перед каждым из членов жюри, постоял, подумал и объявил название кни-

ги, страницу и строку. Потом выбрал нужную книгу, открыл ее и прочел эту строку. Жюри подтвердило, что он правильно нашел то, что они загадали.

Потом иллюзионист попросил всех посмотреть на него. Он зачем-то широко открыл рот, показал руки и начал что-то говорить — быстро-быстро. Затем он поднес одну руку ко рту и вытащил оттуда длинную цветную ленту, другой рукой он вытащил ленту другого цвета. И так, то правой, то левой рукой он продолжал вытаскивать изо рта ленты, пока на сцене у его ног большая куча не образовалась разноцветных лент. Зал взорвался от аплодисментов. Выдавал этот фокусник и другие номера.

— Хватит людей обманывать. Давай помешаем ему, — сказал Николай.

Они, склонив головы, мысленно еще раз помолились Богу и посмотрели в сторону сцены. В это время артист стоял и, глядя в зал, выбирал для себя очередную жертву фокуса. Вот он остановил свое внимание на двух молодых девушках, которых попросил выйти на сцену.

Друзья приготовились, когда иллюзионист посмотрел в зал, их взгляды встретились. Артист усадил вышедших девушек. Сам сел напротив и, взяв каждую из них за руку, попросил их вслух считать до тринадцати, повторяя цифры за ним.

— Один, два, три... тринадцать, — повторяли они. — Стоп! Начнем сначала. А вы расслабьтесь, закройте глаза и не думайте ни о чем, а только повторяйте за мной. Итак, один, два, три... тринадцать, — бодро, как и прежде, говорили его две жертвы.

— Попробуем еще раз. Повторяйте за мной, — и стал тихо и медленно повторять свой счет. Но девушки не только не засыпали, но даже начали смеяться.

Тогда иллюзионист резко встал к самому краю сцены и громко приказал:

— Кто мне мешает, выйдите... Выйдите, кто мешает, — повторил он и с металлической ноткой в голосе продолжал: — Я все равно найду, кто мне мешает, и выгоню его.

Но никто не встал. Воцарилась гробовая тишина. Напряжение в зале росло. Гипнотизер попросил всех смотреть ему в глаза, а сам, начиная с первого ряда, справа налево, начал переводить свой взгляд с одного лица на другое. И так он обводил взглядом все скамейки в зале, приближаясь к братьям. Наконец он дошел до Николая и остановился, облегченно вздохнул и очень ласково попросил:

— Очень прошу вас, не мешайте мне работать. Освободите зал! — и улыбнулся.

В зале возникло замешательство, многие начали поворачиваться, крутить головами, но к кому обращался фокусник, определить не могли: все спокойно сидели на своих местах. А голос продолжал звучать над головами сидящих:

— Я надеюсь на ваше великодушие — что повторять мне не придется.

Шепнув друг другу: «Пора», — они встали и пошли: впереди Николай, а следом его друг. Прошли неторопливо через весь зал, вдоль рядов, до переднего выхода. Все, кто был в зале — зрители и артисты, руководство ПМК и совхоза, — провожали их молчаливыми взглядами.

А наши друзья уехали домой, прославляя Господа за Его силу и власть, способные смирить возвеличивающих себя и ходящих гордо!

Бог — ревнитель! И Его славу человек не должен присваивать себе — об этом нужно помнить всем гордецам, чтобы Он не поступил так, как с гордым Навуходоносором, заставив его проводить время со скотом и питаться травой полевой. (Прочтите четвертую главу Книги пророка Даниила.) Но мы, люди, всегда должны

помнить, что «у дьявола есть тоже свои чудеса, – как сказал Жан Кальвин, – ими он нередко обольщает и верующих даже».

«Но чудеса Божии – это совсем другое: в них нужно верить, прежде чем они свершатся, ибо они бывают только там, где в них верят, и чем больше в них верят, тем чаще они бывают! – пишет Дени Дидро. – Чудо должно быть от веры, а не вера от чуда!»

Глава 3

ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТРЕЧИ С АРТИСТАМИ

На следующий день, приехав на работу, Николай увидел у конторы ПМК большую толпу рабочих. Такого раньше не было. Приходили сюда за полчаса до начала работы на планерку только бригадиры и учетчики. А сегодня?! Что случилось?

На приветствие народ ответил негромко и вразнобой. Николай поднялся на крыльцо, чтобы видеть всех, и обратился с вопросом:

– Что случилось? Почему вы сегодня пришли так рано?

После некоторого замешательства вперед вышел с газетой в руках инспектор по кадрам, подал ее Николаю и спросил:

– Почему вы сорвали вчера концерт?

Николай взял газету и развернул ее. Это была районная газета. На первой странице крупным планом был напечатан портрет Николая, а вверху жирным шрифтом красовался заголовок: «Богомолы сорвали концерт московских артистов в совхозе „Пригородный“». Написано было много, и он, не читая, догадался, что именно. Обратившись к народу, Николай громко спросил:

— Так чем я вчера помешал артистам?

— Ну как же? Ведь он прямо сказал, что вы ему мешаете. И как только вы вышли, он снова продолжал свое выступление.

Из толпы раздались голоса:

— Расскажите, что вы ему сделали, чем вы ему помешали? Как все это понимать?

Поднялся шум и Николай не мог ничего толком сказать. Тогда он предложил:

— Если вы готовы помолчать двадцать минут, я объясню вчерашнее. И только после этого зададите ваши вопросы.

На том и порешили. Николай начал свою речь с того, что в мире есть две противостоящие друг другу личности: Бог и сатана.

— Это признанная аксиома. Есть служащие Богу, есть и служители сатаны: ворожеи, гадатели, чародеи, волшебники и им подобные. Так вот, этот гипнотизер — представитель царства сатаны. Он чародей. Он делал вчера то, что никто из вас делать не сможет. Почему? Потому что вы глупее его? Нет! Потому что он чародей. И сатана своему служителю дал возможность обманывать людей и уводить их от Бога, внушая им, что сатана сильнее и мудрее Бога и что он любит людей и готов их развлекать.

— А я, — добавил Николай, — служитель Божий, нам было больно видеть вас обманутыми, и мы решили его остановить. Как? Мы не кричали, мы не критиковали его, мы не шумели — вы все свидетели тому. Его остановил Сам Бог по нашим молитвам, связав его дух, и он не мог уже выдавать свои фокусы. Так что сила Божия больше силы дьявола. И ничего сильнее любви Божией к людям нет. Он любит человека сильнее, чем родная мать.

И Николай процитировал два места из Писания: из Евангелия от Иоанна (3:16) и Книги пророка Исаии (49:15).

Ответив на вопросы, Николай пообещал еще поговорить на эту тему и, проведя планерку, выехал на дальний объект стройки.

В обеденный перерыв его разыскал посыльный от начальника ПМК, который просил срочно к нему приехать. Когда Николай зашел в кабинет, начальник воскликнул:

— Ну ты прославился на весь район. О тебе напечатали в газете и портрет сделали. Даже моего портрета в газете до сих пор нет, а твой есть!

— А вы хотели бы видеть в газете свой портрет с подобным заголовком и статьей? — в свою очередь спросил Николай.

Начальник, Исаак Абрамович, был евреем, воспитанным в отцовской вере, и не разделял взглядов безбожников.

— Вот богоненавистники! — продолжал он. — Я же был на этом концерте. Я сам видел, что ты ему совершенно не мешал. За подобную клевету нужно привлечь к ответственности автора этой статьи...

— Это не клевета, это правда. Мы ему помешали, и я в этом сознался перед людьми.

— Какими людьми? — удивился начальник.

И Николай рассказал об утреннем собрании перед планеркой и о своих действиях против гипнотизера.

— Это он... он дал им твое фото из личного дела, без моего ведома. Я его сегодня же уволю.

— Кто «он»? Кого вы хотите увольнять?

— Инспектора отдела кадров. Его рекомендовали парторганы. Он был и остается их ушами и глазами. Это стукач. От таких нужно избавляться.

— Ну и пусть слушает и смотрит, мы ведь ничего не делаем противогосударственного или крамольного.

— Нет, я его уволю.

И тут же, вызвав секретаршу, продиктовал ей приказ об увольнении инспектора за превышение служебных

полномочий. Через пару минут, вызвав инспектора к себе в кабинет, прочитал ему приказ и добавил:

— Тебе нельзя перевыполнять план — это будет преступлением. Вот ему, — указал на Николая, — ему можно и нужно перевыполнять, чтобы мы с тобой получали премии, а тебе нельзя.

Вместе с секретаршей и инспектором пошли в его кабинет, где начальник сказал:

— Бери свои шмотки и валяй отсюда, чтобы глаза мои тебя не видели.

Тот пытался что-то объяснить, но начальник перебил его и повторил:

— Бери свои вещи и сейчас же уходи. — И забрал у него ключ от кабинета. — Иначе закрою кабинет вместе с тобой и уеду. Больше я тебе доверять не могу!

Инспектор поспешно взял свою шляпу, плащ и ушел, не сказав даже «до свидания». Начальник вслед ему зло выругался. Николай стал успокаивать его. Вдруг секретарша вбежала и передала, что звонил первый секретарь райкома партии и требовал, чтобы начальник вместе с Николаем приехали срочно к нему.

— Нет! По его требованию я не поеду. К тому же, я работник Министерства строительства СССР и состою членом партии в Москве, а не у него. Нет, я не поеду.

Николай стал уговаривать его поехать в райком, чтобы не было неприятностей с Москвой. Договорились, что начальник поедет туда один.

— Езжайте! А я буду молиться за вас, — сказал сердечно Николай.

Вернулся он только вечером — усталый, но веселый. Он рассказал, что в райкоме на него стали кричать, но он остудил их пыл, сказав:

— Сегодня же я буду докладывать в Москву, какие здесь сидят воспитатели, и тогда посмотрим, где кто будет.

Райкомовские работники сразу же сменили тон и начали обвинять Николая: он опозорил весь район, и артисты остались обиженными.

— А при чем я? Что я должен был делать? Да и Николай все время молчал. В чем он виноват? Вас информировали ваши «наушники» не так, как было на самом деле, — парировал начальник.

— Нет у нас «наушников». У нас есть нормальные советские люди, говорящие только правду, — не сдавался секретарь райкома.

— Это хорошо, что у вас «наушников» нет, а то я ожидал, что вы будете меня корить за увольнение одного такого.

— Кого? — воскликнул секретарь.

— Неважно кого. Он, во всяком случае, правду не говорит. Он не ваш.

В конце разговора начальнику настойчиво рекомендовали уволить Николая с работы, чтобы не было лишних неприятностей. Еще поговорили об инциденте, выслушали сообщение от посыльного, что сегодня вечером концерта не будет, артисты уже собрали вещи и уезжают.

— Ну и хорошо! — в один голос сказали в ответ посыльному. И разошлись. Николай был очень доволен за начальника, что тот не смутился и не потерял бодрости духа, и продолжал молиться за него и дальше.

Стройка шла своим чередом. Работа продолжалась. Бог благословлял стройку. А Бог и на этот раз засвидетельствовал людям о Себе Своим всемогуществом и силой. Через день Николая вызвали в райком.

В кабинете он увидел больше десятка руководителей: начальника милиции, всех трех секретарей райкома, прокурора, депутата райсовета, председателя райисполкома, представителей комсомола и еще тех, кого называют «люди в штатском».

Николай поздоровался и, улыбаясь, сказал:

— Ого, как вас здесь много, а мне сказали, что секретарь райкома хочет со мной говорить!

— А ты, что, испугался? — сказал один из сидящих.

— Нет! Наоборот, обрадовался, — весело отвечал Николай.

— Чему обрадовался? — удивился секретарь.

— Тому, что вас много. А когда много, тогда не кричат, не угрожают, не страшат. А вот когда беседуешь с лицом, облеченное властью, один на один, тогда бывает хуже, — пояснил Николай.

Все переглянулись, и секретарь райкома сказал:

— Мы тебя пригласили, чтобы ты нам лично сам рассказал, что и как произошло на концерте.

Николай обрадовался, что есть возможность засвидетельствовать перед представителями власти о Боге и Его могуществе, о вере в Бога и силе молитвы.

— С артистами все было в порядке, а вот с фокусником произошел курьез: он не смог продолжать свои фокусы, а обвинил меня, — начал он свой рассказ.

Затем он подробно рассказал все, что сделал. Посыпались вопросы, особенно о служителях дьявола: ворожеях, волшебниках, прорицателях, вызывателях духов, чародеях и подобных им.

От них разговор перешел на Бога и Его служителей. Беседа продолжалась долго и протекала в тихой и мирной обстановке.

И вдруг один из партработников сказал:

— Как я понял, ты себя причисляешь к служителям Божьим. Тогда докажи это делом: сотвори с помощью своего Бога чудо перед всеми нами. Что, боишься?

Николай, входя в райком партии, ожидал всякого: криков, запугивания, угроз, уговоров — чего угодно, но только не этого. Он почувствовал себя совершенно беспомощным.

«Господи! — взмолился он в душе. — Они требуют чуда. Не допусти посмеяться над Собою, вразуми меня, что мне делать! Господи, Господи! Помоги!»

В одно мгновение в сознании созрела мысль. Приняв это как от Господа, Николай ответил:

— Нет, я не боюсь, знаю, что Бог может сделать чудо здесь и сейчас. Но вы же слышали, для того чтобы Бог сделал чудо на концерте и связал фокусника, нам с другом нужно было много молиться. Без молитвы Бог не будет помогать и сегодня — я сейчас должен помолиться Господу.

— Ну и молись, — согласился секретарь райкома.

— Хорошо! Я буду молиться на коленях, но вы все должны при моей молитве встать, — попросил Николай.

Все молчали, потом кто-то сказал:

— Ну давайте встанем. Что здесь такого? Сделаем, как он сказал. Уж очень хочется видеть чудо!

Все встали, а Николай, преклонив колени, благодарил Бога за Христа Иисуса как Спасителя, за привилегию молиться Ему и за Его премудрые планы и намерения. Он просил также об обращении и покаянии всех здесь присутствующих. Окончил он свою молитву громким «аминь».

Все снова сели на свои места и замолчали.

— Ну, где же твое чудо? — наконец спросил секретарь.

— Чудо? А вы что, не увидели его, этого чуда?

— Когда? Где? Какое? — со всех сторон послышались голоса.

— Здесь! Сейчас! Разве это не чудо, что во время гонения на верующих я беспрепятственно молился в присутствии всего руководства района? И где? В райкоме партии! Больше того, все вы встали при моей молитве и стояли, пока я не закончил молиться, а некоторые из вас даже сказали на мою молитву «аминь». Разве это не чудо?! Где, в каком райкоме партии такое бывало? Расскажи я своим верующим, они с трудом поверят, а если вы расскажете сво-

им коммунистам, вас засмеют. Сегодня это — великое чудо!
Но это было необходимо для вас!

Несколько минут все пребывали в шоке и молчали.
Потом один из штатских закричал:

— Пошел вон отсюда, негодяй!

— Ну зачем ругаться? Я же не сам сюда пришел — вы меня пригласили, я и пришел!

— Ладно, ладно, — примирительным тоном произнес секретарь, — иди, только своим верующим не рассказывай о том, что здесь произошло.

И Николай с радостью покинул райком партии, благодарая Господа, что Он дал возможность засвидетельствовать перед городскими властями о Боге и Его власти.

Когда он рассказал об этом своему начальнику, они долго еще вместе радовались, что Бог спутал планы безбожников и подверг их позору. Больше в райком партии Николая не приглашали!

А Николай снова испытал обетование Божие, записанное в двенадцатой главе Евангелия от Луки, стих 11.

Через несколько дней Николая вызвали в КГБ. Его долго вели по каким-то коридорам, и наконец он оказался в кабинете, где находился всего один человек в звании капитана. Он пригласил Николая сесть напротив него. Их разделял широкий стол. Капитан начал разговор сразу с высоких нот и, раздражаясь, стал угрожать высылкой на Колыму. Капитан то вставал, то снова садился. Наконец он сел и, выдвинув ящик стола, вытащил оттуда пистолет, положил его на стол и стал им играть, двигая его по столу туда-сюда, то беря его в руку, то снова кладя на стол.

Николай долго наблюдал за этой игрой, а потом сказал:

— Капитан, уберите со стола эту штуку!

— Что, смущает она тебя? Ничего, пусть полежит, может, пригодится, — улыбаясь проговорил капитан.

— Ладно, пусть лежит, может, и пригодится. Только

знайте, если вдруг не выдержат мои нервы, — я стреляю без промаха, ведь я тоже офицер!

Капитан быстро убрал пистолет в стол, встал, подошел к Николаю и ударил его изо всей силы по щеке, прокричав:

— Убирайся вон, щенок! Еще угрожать мне будешь, подонок!

Тотчас же вошел дежуривший за дверью офицер и повел Николая к выходу. На улице Николай вздохнул свободно и, подняв к небу глаза, поблагодарил своего Господа за ту помощь, которую Он оказал и здесь, в КГБ. А перед его глазами вдруг засияли огненными буквами слова: **«Не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой. Будешь ли переходить через воды, Я с тобой, через реки ли — они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь — не обожжешься, и пламя не опалит тебя»** (Ис. 43:1,2).

Хорошо, когда с нами Господь! А злые люди — они не вечны: сегодня они нас тиранят, завтра их уже нет. Вечен лишь наш всемогущий Бог, как об этом хорошо сказала Анна Ахматова: «Палачи, самозванцы, предатели и, увы, прокурорские речи — все уходит... Дай-то Бог!» Да, быть под защитой великого, всемогущего и любвеобильного Бога — это привилегия! И этим правом может воспользоваться каждый человек, приняв Иисуса Христа своим Спасителем и Господом!

Глава 4

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Наша жизнь — путешествие по горам и долинам. Безоблачной жизнь у христиан долго не бывает. Примерно ме-

сяц спустя снова грянул гром — райком партии вторично вызвал начальника ПМК к себе и уже строго потребовал увольнения Николая. Начальник делать этого не хотел и сказал Николаю:

— Потягаемся еще. Посмотрим, кто кого одолеет.

Николай продолжал работать на стройке главным механиком. Но уже к концу строительства начальник вызвал его к себе и откровенно признался, что бороться за него уже он больше не может.

В Москву была отправлена бумага по партлинии, и его дважды вызывали на телефонные разговоры и предлагали подчиниться райкому партии и уволить лишь одного человека. Если не так, то у него будут неприятности, и начнутся они при сдаче построенных совхозов. И так как он медлил, то из района уже приезжала комиссия и указала на ряд недоделок и сократила срок сдачи объектов на целый месяц.

Начальник был в отчаянии: что делать? Он не хотел увольнять Николая и в то же время не хотел иметь лишних хлопот по партлинии и неприятностей по работе.

— Молись своему Богу, Николай, чтобы Он решил эту проблему, — сказал на прощанье в тот день Исаак Абрамович.

— Мой Бог — твой Бог! Это один и тот же Бог! Молись и ты! — посоветовал ему Николай.

С тем и разошлись, каждый думая о своем. Прошла неделя, и снова Москва вызвала начальника и уже строго приказала уволить главного механика или приготовиться сдать стройку другому. Начальник предложил Николаю идею: он увольняет его с должности главного механика и переводит простым мотористом. Но тот по-прежнему будет выполнять работу главного механика.

— Нет, — возразил Николай, — это будет обман. Скоро это выяснится, ведь главный механик должен проводить

планерки, ездить по участкам и осуществлять контроль за работой механиков. Я снова буду на виду у всех, и вам тогда будет еще хуже. Переведите меня в мотористы, где я и буду работать.

На том и договорились. Николай стал мотористом на малом кране, управляемом с земли. Этим краном подавали кирпич и бетон на этажи и крыши строящихся жилых домов.

Наступили холода, и Николай решил уволиться и на-совсем уехать из Кулунды. Но когда об этом узнали верующие, они сказали:

— Почему ты не желаешь работать простым рабочим? Наши сыновья и дочери работают на тяжелых земляных работах и не уезжают. Почему ты думаешь, что ты можешь быть только начальником? Ты христианин и должен ради Христа нести этот крест и оставаться в церкви. Здесь ты нужен. Оставайся и работай.

Один брат вручил ему открытку, где было написано:

«Хотя я и вздыхаю, но, слава Богу, не ропщу. Все-вышний разрешает Своим детям вздыхать, но не роптать!» По его словам, эти слова произнес Филипп Сидней, набожный генерал, когда в одном из сражений он был ранен, а его армия потерпела поражение.

— У тебя же не поражение. У Бога на тебя Свои планы. Исполни Его волю и доверь свою судьбу Ему, — добавил брат.

Николай согласился и продолжал работать мотористом. На кладке стен общежития и их отделке в общей сложности работало не менее пятидесяти человек. Во время обеденного перерыва все сходились в одну, уже отделанную большую комнату, где сколотили временные столы и установили керосиновые горелки, и там обедали. Вместе со всеми шел туда обедать и Николай. Все знали, особенно после приезда артистов, что он баптист.

И вот сначала с большой осторожностью, потом все смелее и смелее рабочие начали задавать вопросы о Боге, о Библии, о баптистах и т. п. Николай с готовностью отвечал. Обеденный час проходил живо и полезно. Стало понятно, почему Бог привел его сюда. С каким неподдельным интересом, с какой жадностью эти рабочие, молодые люди, слушали простые объяснения о Боге, о загробной жизни и вечности. Эти обеденные часы стали для всех желанными.

Тогда районные власти перешли на другую форму борьбы. «Неугомонного баптиста» просто решили убрать из жизни. Однажды зимой, поздно вечером возвращаясь с богослужения, Николай, не доходя метров двести до дома, услышал глухой звук выстрела и увидел, как впереди перед ним пуля пробила слежавшийся снег, а другая ударила в снег совсем рядом. Он понял, что в него стреляют из двора дома. Это было совершенно неожиданно. Глянув в ту сторону, откуда раздалась выстрелы, он увидел во дворе человека, стоящего с ружьем в руках. Яркая луна хорошо освещала его. Николай был совершенно незащитный среди безлюдной сибирской ночи.

Он поднял глаза к небу и прошептал:

«Господи! Спаси меня! Ведь око Твое всегда надо мною! Я так хочу жить, но да будет воля Твоя!»

С собрания в тот вечер Николай возвращался домой вместе с супружеской парой, Андреем и Аней Кулагинами, жившими на другой улице. Услышав выстрелы, Андрей побежал к дому Николая. Он застал его уже дома.

— Что случилось? Мы слышали выстрелы в вашей стороне, и я подумал, что это связано с тобою. В тебя стреляли? — взволнованно спросил Андрей.

— Да, — ответил Николай и рассказал, что видел.

Через несколько дней после этого события он возвращался с работы пешком, а не как всегда, на мотоцикле, по-

тому что выпавший снег занес все дороги к дому, и их еще не успели расчистить и укатать. Возвращался он из совхоза через степь вместе с рабочим строительного двора. Шли и разговаривали о разном. Тот рассказывал о себе, что он недавно отслужил в армии и теперь здесь. Раньше он жил на Украине, сюда приехал к родной тете и живет пока у нее на квартире. Постепенно Николай повел разговор о Боге и баптистах и спросил, слышал ли он о таких.

— Слышал, — отвечал демобилизованный. — Это самые вредные и опасные люди, я еще в армии много о них наслышался, да и здесь они тоже есть. Их убивать надо.

— Почему их надо убивать? — переспросил Николай.
— Что они делают плохого?

— Они воруют детей, убивают их и пьют их кровь.

— Откуда ты знаешь? Ты сам это видел?

— Нам о них в армии рассказывал замполит. Да и здесь недавно, на комсомольском собрании, говорили об этом и призывали нас, комсомольцев, бороться с ними.

— А ты лично смог бы убить баптиста? — продолжал Николай с какой-то тревогой в сердце.

— Запросто. Я на днях в одного стрелял с двустволки, но промахнулся. Но я все равно его убью, — убежденно говорил новый «воин» комсомола.

Так в разговорах незаметно прошли путь от совхоза до Кулунды. Николай жил на краю города. Вместе пришли на свою улицу, и Николай, поравнявшись со своим домом, остановился и сказал:

— Ну вот мы и пришли, я уже дома.

— А где твой дом? — каким-то чужим голосом спросил попутчик.

— Вот мой дом, — указал Николай на свою хату. — И я тот самый баптист, в которого ты стрелял и которого хочешь убить.

Тот остановился, побледнел, постоял, затем быстрым

шагом пошел прочь, не оглядываясь. Через день этот рабочий на работу не вышел. Стало известно, что он рассчитался, потому что ему не нравилась эта работа.

И в этот раз Господь сохранил Своего сына от рук воинствующего безбожника.

В попытках беспрестанных разгадать
Мотив Творца мной так и не усвоен:
Он тем ниспосылает благодать,
Кто менее других ее достоин!

Воистину, это так! Смиранным и зависимым от Него Бог посылает благодать на благодать!

А в это время ПМК впервые не уложилась в указанные сроки сдачи новых совхозов. На двух объектах сгорели одна за другой временные электростанции, потому что мотористы были пьяны (один из них сам сгорел в пожаре). Это случилось на дальней точке, и пока приехали пожарники, сгорел весь стройдвор.

Однажды Николай встретил начальника ПМК и едва узнал его: лицо почернело, весь он осунулся, в глазах — печаль и безысходная тоска. В нем не было ни прежней энергии, ни жизнерадостности. Он разочаровался в лозунгах и призывах.

— Вот закончу эту стройку и уеду в деревню и буду жить спокойной сельской жизнью. Хватит, мне это все надоело! — сказал он.

Ко всем проблемам стройки, его начали вызывать к следователю из-за смерти моториста. Как только мог, Николай утешал его и убеждал не отчаиваться.

«И это пройдет!» — так написано в древней книге Библии. Только нужно время и терпение. А Бог поможет!

— Нет, Бог уже давно отказался от нас. Мы не исполняем Его закон.

— За нас закон выполнил Христос, и нам не нужно стараться его исполнять, — возражал Николай.

— Нет, ты хороший человек, но и ты заблуждаешься. Иисус не мог быть Богом, приходившим на землю. Какой это Бог, если Его люди одолели и даже убили. Бог не умирает! — закричал потомок Авраама.

— Золотые слова: Бог не умирает! Да, Его распяли, Он умер, но Он и воскрес! Эти слова однажды в тяжелую годину испытания ободрили и укрепили реформатора Мартина Лютера. Да укрепят они и тебя, Исаак Абрамович! — закончил Николай. — Я буду молиться за тебя!

Через несколько дней начальник сам нашел его и с радостью сообщил, что в Москве его непосредственное начальство в Министерстве строительства сменилось, и его друг уже звонил ему, предлагая поскорее заканчивать стройку и приезжать в Москву на постоянную работу в министерстве.

— Ну вот, Бог, оказывается, жив! И он помог по нашим просьбам!

— Да, жив! — сказал Исаак Абрамович и тихо добавил: — Я ведь тоже в последнее время молился.

— А я и не сомневался, что ты начнешь молиться. Бог допустил такие трудности, чтобы ты начал нуждаться в Нем и Его помощи! Только, когда приедешь в Москву, устроишься на работу, не забудь поблагодарить Бога, Который жив и помогает нам. Он этого достоин!

— Да, достоин, — повторил начальник.

Больше они не встречались. Но если бы пришлось встретиться, то эта встреча была бы приятной и радостной, потому что они сохранили чистую совесть друг перед другом.

Да, жизнь непредсказуема, а земля круглая, и люди, думая никогда не встретиться, встречаются снова.

Как стыдно и горько при таких встречах, если совесть не чиста, но еще сохранилась. Вспомните Иосифа и его братьев!

Храните чистые отношения друг с другом, перестаньте вредить и делать зло другим, творите добро друг другу, чтобы при встрече смело смотреть в глаза друга. Оставьте чистые следы за собою и чистую совесть перед людьми и перед Богом! «Если прекрасное лицо – это рекомендательное письмо, то прекрасное сердце – верительная грамота!» – писал Б. Литтон.

Слово Божие предупреждает: **«Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источник жизни»** (Притч. 4:23).

«Совесть, что летучая мышь: днем отсыпается, а ночью хлопает крыльями, не дает спать и сосет из тебя кровь», – говорят люди.

А у кого она уже не чиста? Слава Богу, у каждого человека есть возможность очистить ее раскаянием перед своими ближними и кровью Христовой, как написано в Послании к евреям (9:14).

Глава 5

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СУД

Исаак Абрамович уехал в Москву, а Николай остался в ПМК мотористом. Но проработал он там недолго – сократили под давлением райкома партии.

Вместе с другом и братом по вере, Ваней Фрезе, пошли искать работу. Целыми днями они ходили с одного предприятия на другое, но все было напрасно: нигде не нуждались в рабочих. Друзья заметили, что прежде чем им ответить, начальство сначала спрашивало их фамилии, от-

крывало свои столы, что-то читало. Как потом выяснилось, по всем производствам были разосланы списки баптистов и было приказано не принимать их на работу.

Тогда братья устроились на временную работу: ставить щиты для снегозадержания и от снежных заносов вдоль железных дорог. Работа была тяжелая, а платили за нее мало. Но братья работали, пока их не сократили и там.

Снова начались поиски работы, но напрасно. Христиан не принимали на работу, и, кроме того, их выселяли, потому что вышел указ о выселении тунеядцев — так называли тех, кто не работал. Собрания верующих продолжали разгонять. Некоторые верующие уже уехали, другие собирались уезжать.

Атеисты были очень злы на Николая и стали создавать на него дело. Тогда в ходу было слово «общественность». Этим словом коммунисты вершили судьбы людей: штрафовали, выселяли, отбирали детей у родителей, лишали родителей их прав, судили, загоняли в тюрьмы. Так, на дом Николая, где проходили собрания верующих, наложили большой штраф. Брата Николая Хмару, который уверовал в этом доме, посадили в тюрьму, Цыгельника Михаила сняли с работы, других терзали вызовами и штрафами — и все это делалось «по решению общественности».

Однажды на такую «общественность» вызвали и Николая. Прямо на площади собрались комсомольцы, школьники, представители власти и какие-то подозрительные личности. Здесь безбожники припомнили ему все: и собрания в его доме, и руководство собраниями верующих, и срыв концерта в совхозе, и пропаганду баптизма на стройке. Приписали сюда еще клевету на советскую действительность, оскорбление должностных лиц при исполнении ими своих обязанностей, уклонение от труда (тунеядство) и связь с Америкой, которая тогда была врагом номер один.

Он стоял и, слушая, не узнавал себя в том, что ему приписывали. Наконец слово взял представитель райисполкома, который подтвердил антиобщественное поведение Николая и его несовместимость с социалистическим обществом.

— Что будем делать с ним? — спросил в конце своей речи руководитель района.

Раздался свист, вой и крики:

— Судить его! Выслать на край света! Упрятать в тюрьму! Расстрелять!

Когда шум и крики начали стихать, вышел представитель райкома и произнес патриотическую речь, в которой восхвалил партию, ее передовой авангард и гуманизм советского народа. Исходя из гуманных целей, он предлагает проявить снисхождение и выслать «бунтовщика» из города в 24 часа. Выслать его «на край света», что и было поддержано «общественностью».

Часа через два после того, как Николай пришел домой с «суда общественности», к ним подъехала черная «Волга». Сообщили, что его хочет видеть первый секретарь райкома комсомола. Николай не стал сопротивляться, зная, что его жизнью управляет Бог, и поехал в райком.

В райкоме его провели в кабинет первого секретаря. Там уже было немало людей, молодых и уже в годах, — все незнакомые.

Ему предложили стул посреди кабинета, и один из присутствующих сказал, что все ждут первого секретаря, который немного задерживается.

— Ничего, — отвечал Николай, — я могу подождать. А если есть у кого из вас вопросы ко мне, пожалуйста.

— Нет, — отвечал тот же человек. — Мы ждем «первого». Без него разговора не будет, — и добавил:

— А ты пока отдыхай, набирайся сил: предстоит серьезный разговор, но его начнет только «первый».

Ждали долго, около часа. Николай, конечно, волновался и мысленно молился Богу, так как понимал, что встреча планируется серьезная, и разговор будет не из приятных. На лицах присутствующих читалось какое-то замешательство и нервозность.

Вдруг в кабинет поспешно вошла секретарша и сообщила, что первый секретарь уже приехал и скоро зайдет. Глаза всех присутствующих устремились на дверь. Когда он вошел, все встали. Это был молодой красивый человек в темных очках. Его лицо Николаю показалось знакомым. Но где он видел этого человека и когда, никак не мог вспомнить.

А тот, войдя в кабинет, поздоровался со всеми и снял очки.

И вдруг, в одно мгновение, Николай узнал его, узнал по голосу: это был его товарищ по школе. С ним они учились с восьмого по десятый класс. Он сидел в школе впереди в том же ряду, и Николай постоянно проверял его тетради с диктантами и сочинениями и исправлял ошибки, так как тот был не очень силен в русском языке.

Первый секретарь сел за стол. Все тоже сели. И снова тот же человек, указывая на Николая, сказал:

— Вот он — та опасная зараза для нашего общества. Свои идеи и баптистские взгляды он и после армии везде распространяет и агитирует в свою секту. Общественность решила изгнать его из Сибири, как вы уже об этом знаете. Но по вашей просьбе его доставили сюда. Может быть, беседа с вами повлияет на него.

Пока его представляли, Николай в упор смотрел на первого секретаря, и тот, в свою очередь, не сводил глаз с Николая. По лицу стало понятно, что он его тоже узнал. Николай понял, какую тяжелую борьбу переживает секретарь в своей душе: за все школьные годы Николай ни разу не отказал ему в помощи и не сделал ему ни малейшего зла.

Да и одноклассник раньше уважал Николая, хотя отлично знал, что он баптист. Что будет сейчас? Как он поведет себя? Каким будет разговор?

Внимательно выслушав своего подчиненного, первый секретарь встал, вышел из-за стола, подошел вплотную к бывшему однокласснику и стал перед ним лицом к лицу. Так они стояли несколько минут: первый и «последний» в обществе, комсомолец и баптист, обвинитель и обвиняемый...

В кабинете воцарилась мертвая тишина, все были удивлены поведением первого секретаря. Но еще больше они были шокированы, когда он вдруг подал руку, а затем крепко обнял баптиста. Тот, в свою очередь, обнял первого секретаря как товарища. И так они долго стояли, в объятьях друг друга. Никто, кроме этих двоих, не понимал происходящего.

Потом, вдруг опомнившись, первый секретарь попросил всех оставить его наедине с Николаем. С большим удивлением, но в полном молчании, все покинули кабинет.

— Ко мне никого не допускайте, — приказал он своей секретарше.

Когда же они остались в кабинете вдвоем, каждый из них, вначале Николай, затем первый секретарь, рассказали о своей жизни после десятого класса. И вот судьба их снова свела после семи лет разлуки: одного после армии, другого после института.

В конце беседы первый секретарь сказал, что изменить решение общественности он не может, но он очень рад этой встрече и Николай был и остается для него святой личностью. На том и расстались.

На следующий день рано утром подъехал милицейский «бобик», и Николая отвезли на станцию, где посадили на проходящий пассажирский поезд «Новокузнецк — Пишпек» в сопровождении двух милиционеров.

— Куда едем? — спросил Николай.

— Не знаем! — отвечали они.

— Как так не знаете? А куда же вы меня везете?

— Нам сказали, чтобы мы посадили тебя на этот поезд, и когда он прибудет на конечный пункт, там сдать тебя в милицию, — отвечали они.

На остановках милиционеры бегали по очереди на вокзал и покупали себе продукты. У Николая при себе денег не было, перекусить он взял из дому только на один раз, думая, что его в другом городе отпустят. Но, увы! Ему пришлось голодать все трое суток пути.

К вечеру третьего дня поезд прибыл на станцию Пишпек. В местном отделении милиции находился только дежурный, так как рабочий день уже закончился. Сопровождающие передали дежурному осужденного, его паспорт, выписку о решении общественности и ушли.

Дежурный сержант долго читал решение общественности, потом посмотрел и сказал:

— Куда же я тебя закрою до утра, пока придет начальство? Ключи от «кпз» (камеры предварительного заключения) у начальника, да тебя туда и нельзя, там люди сидят.

— А я кто? — удивился верующий. — Я что, бандит?

— Ты больше, чем бандит. О тебе так много написано в этой бумаге. А как ты попал сюда из Америки?

— Почему вы думаете, что я из Америки? — удивился Николай.

— Здесь же написано, что ты с Америкой чем-то связан. Ты что, американский шпион? — допытывался сержант.

Николай рассмеялся и стал объяснять, кто он и почему здесь. Но тот милиционер, будучи киргизом, плохо понимал русский язык, поэтому замахал руками и велел ему молчать. Затем он повел опасного баптиста по узкому коридору в подвал, где и запер его на замок. Так прошла первая ночь в Киргизии.

Утром его привели к начальнику милиции, тоже киргизу. И начальник, слушая объяснения, никак не мог понять, почему Николая везли так далеко. И что ему делать с таким преступником? Он стал куда-то звонить, с кем-то долго по-киргизски разговаривал, раздражался, кричал в трубку и ругался. А Николай в это время молился. Потом снова начались расспросы: что сделал Николай, зачем он здесь и что с ним нужно делать.

Подробно рассказав о себе, Николай сказал, что главная вина его в том, что он верит в Бога и молится Ему, и потому люди, не верующие в Бога, выгнали его, чтобы он не мешал им.

— Ты веришь в Бога? Это хорошо! Тогда ты мой брат! Я тоже верю в Бога! Тогда и живи с нами, зачем они тебе нужны? Они правильно послали тебя сюда. Мы здесь все верим в Бога! — проговорил начальник, майор милиции.

— Если я твой брат, тогда поступи со мной, как с братом. Отпусти меня в город, отдай мой паспорт, а вечером я приду сюда сам. Только пусть не закрывают меня в подвал, там холодно и много разных насекомых. А ты за день решишь, что со мной делать. Хочешь, я напишу расписку, что я обязательно приду сюда вечером, — откровенно сказал верующий.

— Зачем ты придешь сюда на ночь? Ночуй в городе, а сюда приходи завтра утром. Зачем мне твоя расписка? И паспорт возьми свой, а то у нас бывают проверки на улицах.

Николай с удивлением и благодарностью принял это предложение и вышел в город. На улицах он увидел не только киргизов, но и русских. У них он узнал, что Пишпек — это товарная станция города Фрунзе и что здесь живет много русских. Он обрадовался и поблагодарил Господа, что находится во Фрунзе, так как знал, что в этом городе живет его друг Ваня Фрезе и родной старший брат Иван.

Через адресное бюро он узнал адрес брата, нашел его дом и встретился с семьей брата.

Таким образом, ссылка «на край земли» оказалась бесплатным путешествием в дом родного брата; более того, здесь состоялась встреча с его невестой, но об этом будет разговор впереди. Не знал тогда Николай, что в Средней Азии, в городе Фрунзе, Бог определил ему задержаться более тридцати лет.

«Хотя мир наполнен страданиями, но он имеет и средства, чтобы превозмочь эти страдания», – сказал один умный человек. Это средство находится в Боге! Как написано: **«...Любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу»** (Рим. 8:28). Все, даже трудности и страдания. К этому следует добавить: «Легче страдать, когда знаешь, за что и во имя чего страдаешь!» Страдать за Христа и ради выполнения Его воли – это, по словам Христа, блаженство! (Мф. 5:11).

Глава 6

ТРУДОУСТРОЙСТВО В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Итак, Николай совершенно неожиданно для себя попал к своему брату. Будучи верующим человеком, он помнил свое обещание и вечером вернулся в милицию, где его ждал начальник. Он пришел вместе со своим братом. Начальник, узнав, что здесь живет родной брат Николая, записал адрес, где остановился Николай, и сказал:

– Если нужен будешь, мы тебя позовем, иди.

Первое время Николай ждал, что его позовут в милицию, но время шло, а его никто не трогал – вероятно, забыли. Да и за что его наказывать?! Он жил у брата, осмат-

ривался, знакомился с городом и людьми, уже несколько раз посетил собрание верующих, встретился с христианской молодежью. И от всего сердца благодарил Бога за Его чудное водительство и Его неисповедимые пути! Да, Господь любит Свой народ и ведет его порой непонятными и трудными, но благодатными путями, ведет к богатству Своей благодати. Только с нашей стороны должно быть полное к Нему доверие и подчинение Его воле! И тогда, оглядываясь назад, можно будет сказать: **«Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня»** (Пс. 15:6).

Николай оставил армейскую жизнь, но не забыл авиацию. Как в Сибири, так и здесь, в Средней Азии, он долго стоял и смотрел вслед пролетающему высоко в небе самолету. Смотрел, пока тот не скрывался из виду. А сердце неприятно ныло. Ох, как хотелось ему сесть за штурвал самолета и взмыть в небо!

К своей радости, Николай узнал, что во Фрунзе есть большой гражданский аэропорт, и тотчас же отправился в Управление гражданской авиации. Секретарь сказала, что начальника сегодня не будет, и велела прийти завтра.

На следующий день Николай застал начальника на месте и снова обрадовался. Начальником оказался его товарищ по учебе во ВШАМ, который с удовольствием принял его на работу с условием прохождения переподготовки. Николай взял домой анкету для заполнения и сказал об этом своим родным.

В это время во Фрунзе приехала мама вместе с братом по вере Бакуменко. Мама же, пользуясь удобным случаем, приехала вместе с братом по вере проведать сына Николая, выдворенного «на край земли». Мама стала уговаривать сына не устраиваться летчиком на самолеты, говоря:

- Я не хочу, чтобы ты разбился!
- Но я ведь летал и не разбился!

— Вот потому я и не хочу, чтобы ты летал. Если не там, в армии, то здесь разобьешься.

Брат Бакуменко поддержал маму и стал убеждать Николая послушаться ее. Но Николай продолжал заполнять анкету, автобиографию и готовить другие документы: снимать копии с диплома летчика, свидетельства о рождении и медицинской справки о состоянии здоровья. В это время Илья Бакуменко куда-то заторопился и, сказав, что он скоро вернется, вышел.

Через день, приготовив все необходимые документы, Николай направился в управление, где секретарь оформила его прием на работу летчиком на самолет «Ил-18» с предварительной переподготовкой в Ульяновске. Как только он переступил порог своего дома, мама и Илья Семенович в один голос спросили:

— Ну как, устроился?

— О, начальником управления оказался мой друг, и он охотно взял меня на работу, — радостно ответил Николай.

После обеда, в этот же день, Николая срочно вызвали в управление, прислав за ним машину на дом. В управлении друг опечалил его:

— Летчиком тебя взять не могу! Ты прости меня! Но как только ты дома договоришься, приходи снова: нам сейчас нужны кадры.

«Почему? Кто помешал? С кем я должен договариваться? Неужели так быстро достали мои „друзья“ из Сибири?» — вопросы роем кружились в голове.

Начальник управления, поняв, что Николай не знает истинной причины отказа, спросил:

— Разве ты не знаешь, что здесь был твой отец, и он категорически возражает против того, чтобы ты летал, и даже написал об этом письменное заявление, подписанное им и твоей мамой? Я же, по закону, не могу тебя принять, если родные возражают.

Николай все понял и не стал нечего объяснять. Зная, что мама все равно против, вернулся домой, где выяснилось, что этим «отцом» был Илья Семенович. Мама была рада, рад был и ходатай. Николай же, не желая расстраивать свою маму, согласился и не стал настаивать на своем желании.

Но самолеты остались у него любимой стихией.

Николай стал искать другую работу. Пройдя некоторые предприятия и не найдя работы, Николай, помолвившись, избрал иной путь. Он пошел на автостанцию, там стояло несколько пригородных автобусов. Он зашел в один из них и, насобирав в кармане несколько мелких монет, отдал их кондуктору и попросил сказать, где ему нужно выходить. Она посчитала деньги, оторвала билет и пообещала, что скажет, где ему выходить.

Николай уселся на свободное место, закрыл глаза и стал размышлять о трудностях жизни вообще и христианской жизни в частности. И ему на память пришли библейские слова об Аврааме: «...и пошел, не зная, куда идет» (Евр. 11:8).

Почему так происходит? Почему Бог допускает страдания Своим детям? И часто, чем святее живет человек, тем большие страдания он переносит и часто страдает больше человека, живущего беспечно? Почему и в его жизни так бывает? Ведь он стремится жить свято пред Богом и быть честным перед людьми. Но в голове у Николая появились и другие мысли: «А вспомни, сколько милостей, благословений и даже чудес проявил Господь к тебе лично!»

«Господи! Прости меня за слабость. Воистину, Ты, Боже, не оставлял меня одного с моими проблемами. Но когда я доверял свои пути Тебе, Ты выводил меня из всех жизненных тупиков. Помоги, Господи, и сейчас! Я отказываюсь от своих планов и путей. Ты Сам, Господи, возьми мои заботы на Себя и помоги мне с работой...»

Его размышления прервал голос кондуктора:

— Следующая остановка ваша!

— Спасибо! — ответил Николай и направился к двери.

Автобус остановился. Он вышел и осмотрелся. Прямо против остановки стояло небольшое здание с надписью «Гавриловское сельпо». Мысленно возблагодарив Господа, направился к двери сельпо. Оттуда выходил человек кавказской наружности.

— Ты куда идешь? — спросил он.

— В сельпо, — ответил Николай.

— К кому и зачем? — не отставал кавказец.

— К начальству. Мне нужна работа, — был ответ.

— Я председатель сельпо. Какую работу ты ищешь?

— А кто вам нужен? — в свою очередь спросил молодой человек и продолжал: — Я могу быть продавцом, товароведом, счетоводом, бухгалтером, фотографом, часовым мастером, механиком и даже летчиком.

— А председателем сельпо ты сможешь быть? — перебил его председатель.

— Смогу, — смело отвечал Николай. — Ведь я офицер запаса, и мне уже приходилось руководить людьми.

Председатель усмехнулся и произнес:

— Когда в такие молодые годы человек все может, то он ничего не может делать как следует!

— А вы испытайте меня, — не отставал Николай.

— Ну хорошо, приходи завтра, поговорим. Сегодня уже конец рабочего дня. — И направился на улицу.

Николай пошел следом за ним. Вышли на улицу, перешли дорогу, председатель сельпо оглянулся и, увидев идущего следом за ним парня, спросил:

— А ты где живешь и куда сейчас идешь?

— Я живу во Фрунзе, а иду ночевать к вам.

Тот остановился, удивленно посмотрел на Николая и как-то смущенно признался:

— Я не против, но вот моя жена... Она очень боится незнакомых людей даже в дом пускать, а заночевать?! Да она всю ночь спать не будет! Не знаю, что и делать! Может, лучше завтра тебе приехать, тогда поговорим?

— Но у меня нет денег на обратный проезд.

И Николай рассказал, как он здесь оказался. Председатель порылся в карманах, наверное, ища деньги, но не нашел и махнул рукой: пошли, мол. И они пошли к нему домой. Председатель жил недалеко. Подойдя к большому дому и войдя в него, Николай понял, почему жена боится чужих людей. Вся обстановка говорила о том, что хозяева живут богато: ковры, золотые и серебряные наборы, красивейшая посуда, радиотехника и куча драгоценностей и украшений на серванте — вот неполный перечень того, что находилось в доме.

Пришедшая вскоре жена, увидев незнакомого парня, сидящего в зале, удивленно остановилась и с укором посмотрела на мужа. Тот, смутившись, стал объяснять, что это его друг и он только переночует у них, а завтра уедет. Она молча ушла и через несколько минут пригласила их на ужин в столовую, где за столом уже сидели два черноглазых мальчика.

— Как тебя звать? — направляясь в столовую, спросил хозяин.

— Николай! А вас как?

— Имрам.

— Хорошие друзья! — вмешалась в разговор хозяйка. — Не знают имени друг друга. Почему вы оказались вместе?

Желая разрядить обстановку, Николай за ужином рассказал о себе почти все, в том числе, как он ночевал со своим другом коммунистом у баптистов.

— Ну, тогда я спокойна, если это так на самом деле, — решила хозяйка.

Ночь прошла тихо и мирно. Утром пошли в контору сельпо. Пошли не договариваться о работе, а оформлять Николая фотографом, так как еще вечером обговорили вопрос о работе и остановились на фотографии, которой не только в сельпо, но даже в их селе еще не было.

Так Бог привел его на работу, на которой он и проработал более семи лет — до самого избрания его старшим пресвитером. Николай работал и благодарил Господа за Его чудное водительство и устройство на работу и за тех братьев, которые научили его нужным профессиям.

Сначала он работал вместе со своим другом Ваней Фрезе в сельпо. Затем, когда началось по всей стране так называемое укрупнение и в центре района был создан «Дом быта», объединивший все сельские точки сферы обслуживания, его с другом перевели фотографами в район. Пришлось работать Николаю в районе на стационаре, куда он потом устроил своего свояка Гошу и старшего брата Ваню.

Передав им стационар, Николай набрал себе бригаду разъездных фотографов в количестве двадцати одного человека и стал их бригадиром, продолжая одновременно работать разъездным фотографом. Здесь же он начал осваивать другие виды фоторабот: фотографирование в художественных рамках, переснятие и реставрирование старых фотографий, рисование портретов, фото на тарелках, виньетки и даже раскраску фотографий, что было в те годы редкостью.

Русский поэт В. Брюсов писал:

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета,
Все счастье земли — за трудом!

А В. Шекспир утверждает: «Работа, которую мы

делаем охотно, исцеляет боли и осушает слезы». И наоборот: «Лень – мать всех пороков».

Слово Божие призывает к труду, притом к усердному труду. Прочтите Первое послание к фессалоникийцам (4:10,11) и Послание к колоссянам (3:23). Мудрейший из людей, Соломон, писал о лени (Притч. 6:9–11).

Глава 7

РАЗДЕЛЕНИЕ

Еще в Сибири у Николая возникли связи с молодежью Казахстана, Киргизии и Ташкента, и он продолжал поддерживать эти контакты. Прибыв во Фрунзе, он как-то само собой стал лидером молодежи.

Христианской молодежи в то время было трудно: в молитвенном доме братья не разрешали оставаться на молодежные собрания; на частных квартирах не давали собираться власти. Помогали властям и старшие братья. Навсегда в памяти остался один ответственный служитель церкви, который, надев на голову фуфайку и закрыв ею лицо, бегал по улицам за молодежью, чтобы выследить квартиру, где они соберутся вместе, и доложить властям.

Но молодежь была не из робких. Нина Гнедаш, Ваня Фрезе, Нина Лосникова, Тоня Антошина, Надя Петькова, Коля с Любой Тищенко, Тамара Шулико, Люба Дервянко, Катя Хивренко, Николай и другие предоставляли свои дома молодежи для собраний, которые проходили радостно, насыщенно и воодушевленно. Иногда молодежные встречи проводили на поляне, среди камышей. Частенько случались встречи с милицией и представителями власти. Нередко братьев штрафовали, вызывали на

допросы, угрожали. Но никто не боялся этих угроз, все пылало огнем первой любви к Господу и друг к другу. У молодежи тех лет, наверное, до сих пор остались самые светлые воспоминания о нашем общении.

Кто-то сказал: «Блажен тот человек, который может вспомнить свою ушедшую юность без сожалений и угрызений совести, потому что она была посвящена Господу!» Это прямо относится к молодежи Киргизии 60-х годов двадцатого столетия.

В начале тех лет в евангельско-баптистском братстве наметилось разделение. Причиной послужили два секретных документа ВСЕХБ: «Инструктивное письмо старшим пресвитерам» и «Положение для общин». Появилась так называемая «инициативная группа» по созыву съезда ЕХБ, так нужного в то время для обсуждения положения в церквях и выхода из трудностей, которые создали эти документы.

Затем «инициативная группа» переоформилась в «Совет Церквей» (СЦ), и Николай оказался в самой гуще этих событий. Он был ответственным перед СЦ за Казахстан и всю Среднюю Азию. Размножение и перепечатывание «Братских листков» СЦ, информирование верующих о настоящей жизни церквей в СССР, печатание и распространение духовной литературы — сборников песен, Евангелий, стихов, статей, — а также ее доставка в церкви Киргизии и в другие места, — он занимался всем этим.

Молодежь охотно помогала: писали специальными чернилами на особой бумаге статьи и различные документы. Спали по два-три часа в сутки. Но Бог давал силы, и на работу утром приходили ночные труженики бодрыми и радостными. Затем, когда наладилось печатание Библий, молодежь с готовностью стала развозить их по общинам, хотя это грозило тюрьмой. Все церкви в Киргизии спло-

тились воедино, и хотя они оставались зарегистрированными, но поддерживали СЦ.

Между СЦ и ВСЕХБ не было единства. Почти по всем пунктам имелись разногласия. СЦ продолжал свои ходатайства перед правительством в проведении съезда ЕХБ. ВСЕХБ не поддерживал это ходатайство. Власти не разрешали съезд, мотивируя тем, что Совет Церквей не зарегистрирован как руководящий орган ЕХБ. Многие церкви в стране разделились на поддерживающих СЦ и ВСЕХБ. Были такие церкви и в Киргизии. В братстве начался раскол, который с каждым годом углублялся и перерос в разделение. Руководство Совета Церквей списком отлучило почти весь состав ВСЕХБ и многих старших пресвитеров. ВСЕХБ, в свою очередь, стал отлучать от поместных церквей сторонников СЦ, для чего в общинах проводили перерегистрацию членов. Разделение коснулось и рядовых членов: верующие стали сторониться друг друга и даже осуждать один другого.

В середине 60-х годов ВСЕХБ создал примирительную комиссию. Николай вместе с другими братьями был на приеме у Карева А. В. и у Иванова И. Г. — руководителей ВСЕХБ, а также в Кремле, у членов правительства, доказывая, что для объединения верующих нужен съезд ЕХБ, который сможет разрешить конфликтную ситуацию в братстве и привести к евангельским нормам домостроительство церкви.

— Что вы думаете, братья? — говорил генеральный секретарь ВСЕХБ А. В. Карев. — Разве вы не знаете, в какое время мы живем?! Съезд не разрешат! Напрасны все ваши усилия.

Власти тем временем устроили гонения на верующих: разгоняли собрания незарегистрированных церквей, судили ответственных братьев из СЦ, лишали родителей прав и отбирали детей, устраивали погромы...

Примирительная комиссия не смогла объединить расколовшееся братство. Но кое-что было сделано: СЦ и ВСЕХБ сняли отлучения друг с друга, согласившись, что эти отлучения были сделаны не по Евангелию и потому их следует считать недействительными, ошибочными. Начали практиковать встречи представителей СЦ и ВСЕХБ. Это отразилось и на христианах в поместных церквях, наступало потепление во взаимоотношениях.

Но, несмотря на все трудности, непонимание и даже сопротивление, правительство вынуждено было разрешить первый съезд после долгого перерыва — с 20-х годов. Это было в октябре 1963 года.

Но съезд не принес братству единства. Съезд разрешили ВСЕХБ, а представители Совета Церквей даже не были на него приглашены. Не отменил он и двух антиевангельских документов. Все оставалось по-прежнему. Молодежь работала еще больше, так как в стране открылось много точек печатания Библий. Для этого нужна была бумага, и не мало; ее нужно было доставлять в подпольную типографию, брать отпечатанные книги и развозить по общинам. Все это было связано с большим риском, так как подобная деятельность считалась незаконной.

И молодежь Киргизии трудилась с большим усердием и риском для жизни! И делали это во имя Господа и для Господа, как написано: **«И все, что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога Отца»** (Кол. 3:17).

Б. Франклин, один из авторов Декларации независимости США, сказал: «Когда я служу другим людям, я считаю, что плачу свои долги, а не зарабатываю награду». Другой общественный деятель вторит ему: «Служение людям — это плата за место, которое мы занимаем под солнцем».

Какое счастье, что христиане трудятся не только на пользу людям, но и для Господа! Трудятся не ради денег и выгоды, а во имя Христа, для Его славы! Так трудитесь, дети Божьи, день проходит, ночь близка, и, пока не поздно, спасайте души для Христа! Даже с риском для жизни! Даже в ущерб себе!

Глава 8

ЖЕНИТЬБА

Николай женился поздно: в тридцать один год от роду, 16 августа 1964 года, хотя невесту выбрал много лет назад, но об этом никто не знал, даже невеста.

Будучи общительным человеком, Николай любил быть в гуще народа, особенно среди молодежи. И он хорошо знал, что как только человек женится, так и закончится его молодежная жизнь. Потому он так долго и не женился. И вел себя так, что и в Сибири, и во Фрунзе молодежь думала, что он останется, как апостол Павел, один, не женатый. Почему? Потому что никому из девушек никогда не предлагал дружбу и на эту тему не любил говорить.

И вдруг заговорили: Николай «задружил».

— С кем?

— С Катей Хивренко!

Это еще больше всех удивило.

— Ну и дела!

А дела действительно были удивительны. Много Николай молился, чтобы Бог указал ему жену, хорошую христианку. Он очень боялся ошибиться, зная, чем это грозит в будущем. Ведь даже сильного Самсона Далида может обрить в два счета! И Бог ему открыл, более того, Он ему показал ее. И имя ее назвал: Катя.

После долгих молитв образ и лицо своей невесты он увидел во сне. Но такой девушки Николай не встречал нигде: ни в Кулунде, где он жил, ни в Славгороде, куда он специально ездил посмотреть, не там ли живет увиденная во сне девушка. Проходили годы, а ее все не было и не было. И вдруг он ее увидел... Увидел на фотографии в кругу молодежи. Это фото привез из Фрунзе его друг Ваня Фрезе, который приехал в Кулунду в гости к своим родителям.

— А это кто? — с волнением спросил Николай.

— Катя Хивренко, — был ответ.

Видя, как заинтересовался его друг этой девушкой, Ваня стал охлаждать его пыл:

— Да, она красивая, христианка, хористка, и у нее много поклонников, но она очень гордая и неприступная. Для тебя, — добавил друг, — есть во Фрунзе другая; если ты на той женишься, то будешь как барин. Никакой нужды не будешь знать, будешь жить как сыр в масле!

Когда же Николай через несколько лет оказался во Фрунзе, он увидел свою невесту лицом к лицу на первом же молодежном собрании. Он ее сразу узнал. И она понравилась ему даже больше, чем на фотографии. Более того, он в нее влюбился с первого взгляда, влюбился раз и навсегда! Не подавая виду и продолжая молиться, стал наводить о ней справки. Да, многие братья хотели с ней дружить, но она не дружила ни с кем: с «приходящими» женихами проводила беседы у калитки дома ее мама. Катя выходить к ним не хотела.

Так шли годы. Катя, как и другие сестры, была привлечена к размножению «Братских листков».

С Николаем, как с руководителем молодежи, многие делились своими переживаниями и секретами, в том числе и сестры. Однажды с ним поделилась своей проблемой и Катя:

— Ты знаешь Николая из Канта?

— Знаю, но не очень хорошо! А что?

— Что он за человек? Дело в том, что он предлагает мне выйти за него замуж. Я хотела бы знать, что ты мне посоветуешь?

Ее слова повергли Николая в шок. Как?! Ее, ту, которую ему указал Сам Бог как его жену, может увести кто-то другой прямо у него из-под носа?! И заработала мысль: что делать? Как ей сказать о себе? Если она других отсылала ни с чем, на что он может надеяться? Ведь он не лучше других, и ростом не удался и особых талантов не имеет. А что ответить ей насчет ее замужества, ведь она ждет?!

— Скажи ему, — посоветовал ей «старший брат-наставник», — что тебе еще рано об этом думать. Ты еще молодая!

Ей в то время было 24 года! Она так и ответила. Неизвестно, как жених воспринял ее отказ и что подумал, но он продолжал частенько приезжать на молодежные собрания во Фрунзе — за двадцать пять километров.

Николай же не стал медлить и искушать Бога — открылся Кате в своей любви к ней и намерении на ней жениться. После совместных молитв об этом было дано согласие на брак.

Здесь нашелся еще один браток, который «положил глаз» на Катюшу. В то время как Николай со старшим братом работали в фотолаборатории, он просил у Николая его мотоцикл «Ирбит» и подкатывал на нем к фабрике, где работала Катя. Встречая ее, он говорил, что Николай сегодня очень занят, у него много работы и потому он просил его встретить ее, и, конечно, подмазывался к ней, набиваясь в женихи.

Когда Николай начал дружить с Катей, это сразу же заметили другие. И обрушились потоки обвинений на него и на нее. Что только ни говорили, чего только ни выдумывали! Обеих матерей так настроили, что они были против этого брака.

Даже сам Николай дрогнул было под давлением характеристик, данных Кате. Но Бог остался верен Своим словам, и после молитв к Николаю снова вернулось спокойствие и уверенность в правильности выбора невесты.

Однажды, проходя мимо ЗАГСа, зашли туда и в простой, будничной атмосфере, без дружков и свидетелей, в повседневной одежде, спонтанно, без всякой предварительной подготовки, зарегистрировали свой брак.

И опять проволочка. Назначена была дата свадьбы, уже раздали приглашительные, но свадьба не состоялась. Николай попал в больницу — с аппендицитом.

Назначили другую дату свадьбы — и опять проблема! Кто же их будет сочетать браком? Дело в том, что невеста значилась членом в зарегистрированной общине, а жених состоял в Совете Церквей. Руководство зарегистрированной церкви не хотело сочетать, потому что жених из СЦ, или, как тогда называли, «отделенный». Больше того, ее грозились отлучить, если она пойдет замуж за «отделенного».

Братья Совета Церквей не хотели сочетать их, потому что невеста была из зарегистрированной церкви. Проблема казалась неразрешимой. Уже наступила суббота, завтра свадьба, а сочетающего нет. И опять недобрые разговоры и предсказания: «Бог не хочет видеть их вместе!» Но Николай знал другое: невеста Катя послана ему Богом! И свадьба завтра будет!

Николай встретился с пресвитерами той и другой церкви и обоих пригласил еще раз на свадьбу, заявив:

— Завтра состоится сочетание и свадьба, дату мы переносить не будем. Если же нас не сочетают, после свадьбы мы будем жить как муж и жена, тогда сами разбирайтесь с нашим членством, но грех останется на вас! Ходить к вам я больше не буду, решайте и скажите нам свое решение сегодня.

После обеда им сообщили, что их будет сочетать брат Василий из СЦ, пресвитер церкви.

А утром в воскресенье, за полчаса до выхода на сочетание, жених обнаружил, что у него нет белой рубашки для свадьбы. Выручил дружок жениха, Петр Радекоп, приехавший к нему на свадьбу из Алма-Аты и проживающий ныне в Германии. С него сняли рубашку и галстук, надели на жениха и — вперед, на выход!

Сочетание, а также и свадебный обед проходили во дворе у жениха. Много было молодежи. Хотя между братьями было разделение, но молодежь держалась как дружная семья.

Свадьба прошла скромно, но весело, как любая свадьба: много пели, читали стихи, оглашали пожелания, ели...

Это было утром, а вечером молодежь, а вместе с ней и новобрачные, пошли на другую свадьбу, которая была в тот же день у другой пары, тоже на дому.

Столько было трудностей при подготовке к свадьбе, столько препятствий, столько проблем, что можно было бы допустить, что Бог не благоволит к этому браку. Однако, получив однажды откровение от Господа и Его благоволение на этот союз, Николай и Катя не отступили, не расстались, но выдержали все испытания; и сегодня, оглядываясь назад — на свой совместный путь в тридцать девять лет, — Николай уверен, что Катю ему в жены дал Сам Бог!

Много, очень много моральных страданий пережила Катюша за все эти годы, но ни разу не сказала мужу, чтобы он оставил свое служение, которое так не нравилось всем начальствующим. Немало материальных трудностей она встретила на своем пути как жена служителя, но ее муж ни разу не слышал ее ропота. Большая часть физической нагрузки легла на плечи Катюши, которая терпеливо выполняла все, не упрекая мужа, что это его работа, его обя-

занности по хозяйству. Она знала, что Николай занят на служении, что он нужен людям, и терпеливо делала свою женскую и часто, нелегкую для нее, мужскую работу по дому, в огороде, по хозяйству и в большой семье. Другая бы не выдержала тех трудностей и лишений, что выпали на ее долю. Но Катя выстояла, выдержала и не сломилась, зная, что ей в мужья послал Николая Сам Господь!

Николай с каждым годом все более и более убеждается в том же, и от души благодарен жене за терпение, с которым она все переносила, за большую любовь, которую она сохранила к нему, за ее верность, за большой труд и за многое другое...

Однажды, будучи в поездке по делам служения, он прочитал 31-ю главу книги Притчей Соломоновых и узнал в стихах 10—29 свою жену Катюшу. Да, это был ее портрет!

Сегодня они имеют семерых детей: три жемчужины и четыре бриллианта. И еще пока шестерых детей, принятых в семью, которых они любят так же, как и родных. У них двенадцать (пока двенадцать) внуков. В итоге семья Николая сегодня насчитывает двадцать семь человек, которые живут в одном городе и почти все на одном участке.

Николай, его жена и все тринадцать детей — члены церкви, два внука уже покаяться. Николай благодарил и благодарит Бога за большую, дружную и хорошую семью.

Каждую неделю, а то и чаще (именины, праздники христианские и гражданские, просто так) вся большая семья собирается вместе — на общие трапезы, для духовного общения и прославления Господа.

Николай не забывает благодарить Господа за то, что Он нашел для него среди множества девушек, ту единственную, которая стала для него надежной помощницей в крепкой многодетной семье и нелегком пресвитерском служении. У нее сегодня много званий: христианка, жена,

мать, хорошая свекровь, примерная теща и любящая бабушка! И все звания она носит с честью и подтверждает их своей жизнью!

Часто Николай молится такими словами:

«Благодарю Тебя, ГОСПОДИ, за КАТЮШУ, которую Ты мне дал!»

Молодым людям хотелось бы сказать, чтобы не решали брачный вопрос поспешно, но ждали ответ от Господа, Которого нужно просить об этом. При выборе невесты смотрите не только на внешность, но на душу, с которой вам придется проводить годы. Доверяйте Господу и Слову Его, которое говорит: **«Разумная жена – от Господа»** (Притч. 19:14). Молитесь и умеете ожидать, хотя бы пришлось и долго ждать!

Много есть поговорок о женах. Вот только несколько из них:

Не выбирай себе жену в хороводе, а в огороде!

Из всех сильнодействующих лекарств лучшее – хорошая жена!

Перед женитьбой смотрите в оба; после женитьбы закройте на все глаза!

Удачно женившийся человек получает крылья, неудачно – кандалы!

Жена плохая – злое зелье, а добрая жена – веселье!

Слово Божие восхваляет хороших жен! Читайте Книгу притчей Соломоновых (31:10–31).

Молитесь и ждите! Ждите и надейтесь! Надейтесь и не ослабевайте! И вы получите желаемое и воспоете песнь хвалы Богу!

Рукоположение Николая на служение.

Вместе.

Среди любимых книг.

Николай и Виктор Бланк над чертежами Молитвенного дома во Фрунзе.

Богослужение в молитвенном доме во Фрунзе.

Пресвитерский совет Киргизии с гостями из Москвы.

ЧАСТЬ 4

ДУХОВНОЕ СЛУЖЕНИЕ

Глава 1

ПОДГОТОВКА К СЛУЖЕНИЮ

Духовное служение Николая началось практически сразу же после покаяния — сначала среди молодежи, на молодежных вечерах и при посещении небольших групп верующих в селах. Там участвовали в служении все: члены церкви и не члены. Стихи, песни и короткие проповеди принимались верующими как от христианской молодежи — без расспросов, кто уже крещен, кто еще нет.

Затем, после крещения, Николай стал проповедовать в своей церкви, а также выезжал в дальние немецкие районы с другими братьями-немцами. Особенно он любил посещать немецкие общины в Благовещенском и Родинском районах Алтайского края с братом Крекером Корнеем Корнеевичем, светлая память о котором сохранилась у него до сих пор. Корней Корнеевич заезжал за ним, и они вместе уезжали в немецкие села, жители которых говорили по-немецки и по-русски. Такие посещения нередко были связаны с большими трудностями.

Иногда их забирали в милицию и сажали на пять и даже на двенадцать суток. Так как брат Крекер работал, а Николай учился, то такое долгое отсутствие на работе и в школе не сулило ничего хорошего.

Иногда миссионеров застигала в пути снежная сибирская буря, которая грозила не только не отпустить их домой, но и лишить жизни.

Так, однажды зимой после очередного посещения церквей в Благовещенском районе братья направлялись домой. Они вышли на большую дорогу, сели в кузов проходящего попутного грузовика и поехали. Хотя в открытом кузове было холодно, но от ветра их защищали брезентовые плащи, которые дал им шофер.

Через несколько часов начался буран (так в Сибири называли снегопады с сильными ветрами). Дорогу моментально занесло снегом. А так как дул сильный ветер, на дороге образовались так называемые «переметы». Ехать дальше было невозможно — грузовик забуксовал в сугробе.

Тогда водитель вышел из машины, взял в кузове длинный шест, прицепил на него красную тряпку и вставил в специальное гнездо перед кабиной. Так делали все водители, застигнутые в пути снежным бураном, чтобы, когда буран стихнет, расчищающие дорогу водители бульдозеров и скреперов знали, что там находится занесенная выше кабины машина.

Шофер сказал, что буран ожидается долгий, и потому посоветовал нашим друзьям залезть под машину, где скоро будет тепло, а сам захлопнул за собой и своим спутником дверь кабины и завел мотор.

Братья покорно полезли под машину, где и улеглись прямо на снегу. И правда, вначале было очень холодно, но скоро снег засыпал их со всех сторон, и ветра уже не ощущалось. Становилось теплее и от выхлопной трубы, проходящей под автомашиной. А потом наступило такое тепло, какое бывает в доме. Потянуло на сон. Но брат Корней не давал Николаю уснуть, все время его похлопывал и разговаривал, пытаясь растормошить своего друга.

Дело в том, что вначале, когда тело человека еще холодное, ему нельзя засыпать, он может замерзнуть — так объяснял свои действия брат Корней. Потом, когда они хорошо согрелись, оба уснули. Сколько проспали, не знали (часов у них не было). Снова засыпали и снова просыпались. Как потом узнали, они сидели под занесенной снегом машиной более трех суток. Двое суток бушевал буран, еще сутки расчищали дорогу и откапывали автомобили.

В Сибири весной часто находили тела людей (шоферов,

доярок и других), заблудившихся во время подобных буранов и замерзших.

После такой вынужденной остановки двинулись дальше и только на четвертые сутки приехали домой. Промерзшие в кузове холодной машины, голодные и холодные, зашли странники в дом и, поблагодарив Бога за спасение, набросились на поданную пищу.

Да, Господь видит людей (как допотопный мир), видит и одинокого человека (как евнуха, возвращающегося из Иерусалима домой), видит в пустыне (как Агарь) и в поле (как Елисея), видит под можжевелевым кустом (Илию) и под машиной, видит летом и зимой и потому готов подать Свою защиту всем просящим ее у Него. Наши друзья просили Его и получили просимое.

Слава Тебе, Господи, за Твое всевидящее око и любящее сердце, за Твою заботу и помощь, поданную вовремя! Воистину, Ты никогда не оставлял тех, кто надеялся на Тебя и доверял Тебе свои пути!

Глава 2

ИЗБРАНИЕ НА ПРЕСВИТЕРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Ответственное служение помощника пресвитера Николай принял только в 1967 году, да и то после долгих и тяжелых раздумий. Дело в том, что он в то время был бригадиром разъездных фотографов и зарабатывал большие деньги. Как-то еще до женитьбы Николай с другом Иваном Фрезе за месяц совместной работы смогли заработать на два новых мотоцикла «Ирбит» с люльками — по 1860 рублей каждый. Тогда самая большая пенсия и зарплата

среднего специалиста составляли 120 рублей в месяц. Николай хотел быть деловым человеком при больших деньгах.

Еще в 1966 году братья стали предлагать служение помощника пресвитера в общине ЕХБ г. Фрунзе, но он и слушать об этом не хотел. Затем это служение предложил братский совет, и Николай снова отказался. Однажды его пригласили на членское собрание, чтобы там поговорить о его служении, но он на собрание не пришел, только передал записку, что он согласие на избрание не дает и никогда не даст, но готов помогать братьям в служении и служить им при всякой возможности.

В разговорах с братьями и руководством церкви он предлагал свои услуги, обещал один день в неделю предоставлять себя и свой мотоцикл для посещения членов церкви. Тогда на всю большую общину только у одного пожилого брата был старенький автомобиль «Москвич—401». Николай думал, что его предложение братьев устроит. Но не тут-то было. Братья хотели не мотоцикл Николая, а его самого!

Испробовав уговоры, просьбы, предложения и серьезные беседы, братья решили молиться, притом с постом. И тогда один брат, Илья Петрович Сафонов, любимый проповедник Николая, сказал ему:

— Я начал поститься и молиться о тебе, и буду это делать, пока ты не дашь согласие на избрание или же пока не умру. Но тебя, Коля, Бог прижмет!

Это было в среду вечером. Через три дня, в субботу вечером, Николай дал согласие на свое избрание.

А было это так. В четверг Николай с другом поехали в большой магазин за фотобумагой. Вдруг из магазина выбегает сестра, Люба Зайнчева, и просит:

— Братья! Подбросьте меня до работы, я опаздываю.

— Хорошо, садись в коляску, — скомандовал Ваня, он был за рулем, Николай сидел сзади на сиденье пассажира.

И мотоцикл полетел. Ехали по главной улице, и Ваня выжимал сколько можно из своего сильного мотоцикла «Ирбит». Вот уже показалась швейная фабрика, где работала сестра. Последний светофор перед ними переключился на красный свет. Николай наклонился к уху Вани и крикнул:

— Видишь, красный!

— Да, вижу, — кивнул головой Ваня.

И прибавил газу. Выскочили на перекресток и ударились в бок автомобиля «УАЗ», который двигался на зеленый свет и, стремясь увернуться от несущегося на него мотоцикла, подставил ему бок. Мотоцикл ударился в бок «уазика», развернулся, отлетел вперед и снова ударился, лоб в лоб, с остановившимся уже автомобилем.

Николай увидел, как Любу при развороте выбросило на асфальт, а Ваня по инерции полетел вперед, через руль мотоцикла, под автомашину. Николай, уцепившись за ручку сиденья, перелетел вместе с сиденьем через дорогу. Он видел, как под ним прошла грузовая автомашина, затем легковая. Приземлился «летчик» на другой стороне улицы и сел вместе с сиденьем на бордюр, пролетев во воздухе шестнадцать с половиной метров. Начал сбегаться народ, в том числе с фабрики.

Пострадавшая машина была скорой помощью, в которой ехала по срочному вызову бригада врачей. Из машины выскочили врачи с носилками и, увидев разбитый вконец мотоцикл, спросили, где же потерпевшие. Им указали на одного под машиной и на другого, который сидел на сиденье и смеялся, смеялся и кричал Любе, бегущей и собирающей запчасти, выброшенные при ударе из багажника:

— Люба, поршня, поршня собери (их только что купили в магазине).

— Вот он! Он «чокнулся», смеется, — причитали люди.

С трудом разжав руки, вцепившиеся в ручку сиденья, Николай вытер стекавшую по лицу кровь, протер глаз, залитый кровью из рассеченной брови, закрыл ладонью другой глаз и стал смотреть по сторонам. И очень обрадовался, что глаз видит, что с ним все в порядке. Как тут не смеяться?! И он смеялся, смеялся от всей души. Врачи быстро подбежали к Николаю и хотели уложить на носилки, но тот сопротивлялся:

— Со мной все в порядке. Я здоров. В больницу я не хочу.

Но Николая успокоили, сказав, что они видят, что с ним полный порядок, вот только сделают один укол, и все будет хорошо! Его быстро уложили на носилки, привязали крепко ремнями и остановили кровь. Кроме пореза брови, никаких других травм не было.

— Кто еще был с вами? — спросили врачи.

— Вот эта девушка! — и указал на бегающую почему-то босиком по асфальту Любу.

Врачи бросились к ней, но она бегом припустила к своей фабрике, чтобы не опоздать на работу, проскочила через проходную и затерялась среди сотен таких же молодых девушек. Так ее врачи в тот день и не нашли.

Друзей повезли в больницу. Из больницы Ваню возили на экспертизу: не пьяный ли он, и снова привезли в больницу. После обеда наших братьев выписали. Правда, еще больше месяца всех троих вызывали в милицию и спрашивали, имеют ли жалобы на водителя, и друзья давали расписки, что они здоровы, никаких повреждений не имеют, не имеют и жалоб. Дело закрыли.

С разбитой машиной скорой помощи тоже все обошлось. Водитель сказал, что он завтра, согласно графика, погонит машину в другой город на капремонт, которого она давно требовала, так что он никаких претензий не имеет и бумаг составлять не будет.

Так вот, когда Николай летел, сидя верхом на сиденье, через улицу, он все видел, но слышал только одно:

— А тебя, Коля, Бог прижмет! Бог тебя прижмет! Бог прижмет тебя! — звучал голос брата Сафонова.

Через день, в субботу, Николай пришел на собрание, зашел, как всегда, в пресвитерскую, сел рядом с любимым им И. П. Сафоновым. Тот повернулся к нему и спросил:

— Ну как, Коля, Бог тебя еще не прижал?

— Прижал, — ответил Николай и заплакал.

Заплакал и Илья Петрович.

— Это хорошо, это очень хорошо, а то ведь мне поститься трудно (он был уже в годах и болел туберкулезом).

В ту же субботу Николай дал согласие на избрание, и его единогласно избрали помощником пресвитера церкви, которая в то время насчитывала 1863 члена.

Так, начиная с 1967 года, на Николая было возложено пресвитерское служение, которое он нес более тридцати лет.

На служение старшего пресвитера Киргизии Николая избрали в 1968 году. Это избрание было еще более необычным. Заместитель Председателя ВСЕХБ, брат Тимченко С. Т., приехавший на это избрание из Москвы, потом говорил: «За свое долголетнее служение я еще ни разу не видел такого избрания».

Приближался 1969 год — год очередного съезда ЕХБ, в котором должны участвовать все старшие пресвитера республик и областей. В Киргизии же старшего пресвитера не было с 1966 года, республиканское совещание признало работу бывшего старшего пресвитера республики, Ващука М. С., неудовлетворительной и освободило его.

Для избрания старшего пресвитера Киргизии во Фрунзе прибыла большая делегация ВСЕХБ во главе с братом С. Т. Тимченко. В молитвенном доме города Фрунзе собрались служители всех церквей республики. По предло-

жению прибывших гостей, договорились: избирать старшего будут пресвитера и помощники, а утверждать избранного — республиканское совещание.

В пресвитерской собрались пресвитера всех общин Киргизии и их помощники. Ващук М. С. сразу предложил конкретную кандидатуру. Брата на время обсуждения его кандидатуры попросили выйти из пресвитерской. Проходит полчаса, час, а братья-пресвитера не могут прийти к единству мнений. Несмотря на уговоры и нажим, предложенная кандидатура не проходила. Наконец прозвучало признание Ващука, что данная кандидатура уже согласована на всех уровнях, и он уже привез удостоверение старшего пресвитера, выписанное на имя этого брата. И в это время в пресвитерскую зашли два брата и сказали:

— Разрешения на вход к вам мы не спрашиваем, потому что выступаем от имени всего республиканского совещания и уполномочены вам заявить, что если вы выберете того, который вышел и чью кандидатуру вы обсуждаете, — республиканское совещание это избрание не утвердит. Это мнение всего совещания.

И они вышли. Это заявление послужило к полному единению братьев.

Всем стало ясно, что выдвинутая кандидатура не проходит. Тогда братья-гости заявляют:

— У вас уже два года старшего нет и не будет.

— Будет! — отвечают братья-пресвитера.

— Ну, мы об этом поговорим в другой раз, когда снова к вам приедем.

— Нет, разговаривать будем сегодня и избирать будем сегодня.

— Но у вас нет кандидатуры...

— Найдем! — дружно ответили братья.

— Тогда давайте соберемся завтра утром, — предложил Ващук.

— Нет, сегодня. Завтра вас здесь уже не будет — знаем мы это ваше «завтра».

— Тогда после обеда обговорим этот вопрос.

— Не после обеда, а прямо сейчас, и будем не говорить, а избирать.

— Но у вас же нет кандидатуры!

— Есть! — ответил один пожилой брат-пресвитер, Григорий Максимович Слисенко, — и, указывая на Николая, добавил: — Вот наша кандидатура.

Это предложение было неожиданным для всех: для приехавших гостей, для некоторых пресвитеров и, особенно, для самого кандидата, так как его кандидатура не выдвигалась и с ним никто об этом не говорил. Наступила минута молчания: каждый думал о своем.

Николай только начал овладевать перспективной профессией и надеялся стать деловым человеком, становиться служителем церкви он не собирался. Да, он дал свое согласие на избрание помощником пресвитера без освобождения от основной гражданской работы, но быть старшим, с полным освобождением от работы и переходом на содержание церкви, — он даже мысли подобной не допускал. Кроме того, он еще молод, нет опыта служения, очень натянуты отношения с властями. Все это он высказал для отвода своей кандидатуры.

Братья, немного посоветовавшись, поддержали предложение и начали высказываться, чтобы сейчас же избрать старшего. Все пресвитера республики Николая знали по его посещениям и служению в СЦ и среди молодежи, и потому его кандидатура пришлась всем по сердцу. И хотя гости из Москвы такого исхода не ожидали, однако препятствовать не стали, особенно после слова С. Т. Тимченко:

— Я, как глава делегации, не против избрания сейчас же.

Братья стали упрашивать Николая не терять времени, не упускать момент и дать согласие. Но он по-прежнему стоял на своем: ему достаточно служение помощника пресвитера во Фрунзе, а старшим надо избрать другого. Никакие доводы братьев не действовали. Тогда тот же брат-пресвитер Григорий Максимович Слисенко предложил:

— Давайте покажем ему своим вставанием наше единодушное мнение о нем, — и добавил: — Если мы желаем видеть этого брата на служении старшего пресвитера, тогда станем на колени и начнем молиться Богу, чтобы Он Сам разбил его каменное сердце, дабы он согласился с мнением братьев. А ты, Николай, сиди. Если даешь согласие, тогда вместе с нами становись на колени и молись, если же нет, продолжай сидеть.

Все дружно встали, затем опустились на колени, а Николай остался сидеть. Все молились по очереди: двадцать три пресвитерских молитвы вознеслось тогда к Богу. Николай плакал, но продолжал сидеть. Ему было тяжело и стыдно сидеть, видя перед собою склонившихся на колени пресвитеров республики; но он сидел, зная, что если он встанет на колени, значит, тем самым он даст согласие. И он упорно сидел.

Молились по кругу. Когда очередь повторно дошла до того пожилого брата, он поднял глаза, заплакал и... закричал. Да, да! Закричал по-настоящему:

— Господи! Господи! До каких пор я, старик, буду стоять на коленях, а он, молодой, будет сидеть?! Но я, Господи, буду стоять на коленях и дальше, пока не разобьешь его непокорное сердце.

И стал молиться и плакать.

Николая словно ветер взметнул со скамейки и бросил на пол. Он упал на колени и громко зарыдал. Произошло небольшое замешательство, но тот же старик продолжал молиться, только теперь он громко, и тоже со слезами, бла-

годарил Бога. После него еще многие пресвитера выражали в своих молитвах благодарение Господу за согласие Николая.

Когда встали с колен, все начали поздравлять с избранием. Николай что-то невнятно говорил, а потом нашел один довод в свою пользу и сказал:

— Братья! Я благодарю вас за доверие, которое вы мне оказываете, но перед избранием брата на служение нужно с ним побеседовать, а также с его женой. Этого не было.

И, довольный, замолчал.

Светлой памяти брат Тимченко С. Т., немного помолчав, в свою очередь спросил Николая:

— Когда тебя избирали на служение помощника пресвитера, твоя жена тогда дала свое согласие?

— Да, но это было тогда, — был ответ.

— Избрание помощником пресвитера, пресвитером, старшим пресвитером — это избрание на пресвитерское служение, так что все нормально и дополнительной беседы не требуется. Это не причина для отказа.

— Ой, — воскликнул кто-то, — ведь на улице ждет брат, кандидатуру которого мы обсуждали вначале.

И правда! О нем забыли. Срочно позвали его. Извинились. Сообщили ему об изменениях, помолились и направились к братьям в зал.

Так, не осмыслив до конца все происшедшее, Николай вместе с другими вышел к республиканскому совещанию служителей.

Братья встретили пришедших настороженно и молчаливо. Тимченко С. Т., как глава делегации, обратился к совещанию и предложил:

— Сначала споем один гимн, а затем мы объявим вам кандидатуру для вашего обсуждения и утверждения. Начинайте, Иван Михайлович, — обратился он к брату Скирде.

Скирда молчал. Тогда Тимченко попросил брата Алперова:

— Василий Иосифович, начинайте.

Тот тоже молчал.

— В чем дело? Что за настроение? — удивился он.

— Сначала скажите, кого вы избрали старшим пресвитером, а потом посмотрим: петь или не петь, — сказал Скирда.

Его поддержали и другие братья. И здесь всем вышедшим из пресвитерской стала понятна та тревога, которая была в сердцах братьев. Ведь они видели, как из пресвитерской вышел брат. От совещания были посланы к пресвитерам послы, чтобы предупредить: совещание кандидатуру не утвердит. Никто больше из пресвитерской, на время обсуждения, не выходил. Только что позвали к пресвитерам высланного брата, и теперь все здесь. Кто же кандидат, если не тот, которого высылали и чью кандидатуру так долго обсуждали?!

Понял это Тимченко, не стал настаивать на своем и согласился объявить кандидатуру. Все затихли и с большим вниманием ожидали, что он скажет. Он же, осмотрев всех, остановил свой взгляд на Николае и сказал:

— Вот наша кандидатура. Пресвитера единодушно рекомендуют сего мужа на служение старшего пресвитера.

— Теперь и петь можно, — проговорил Скирда, — мы тоже хотели предложить вам эту кандидатуру.

— Нет уж, доведем дело до конца, тогда и споем, — подвел черту брат Тимченко. — Обсудите брата и утвердите его.

Утвердили единодушно. Так Николай принял служение старшего пресвитера Киргизии, которое он и нес двадцать три года под руководством Господа и с Его помощью и благословением!

Днем, когда братья обедали, Тимченко с делегацией,

пресвитер церкви Фрунзе и Николай пошли к уполномоченному.

Их там уже ждали. Приветливо приняли. Затем уполномоченный, улыбаясь, спросил:

— Ну что, избрали? Кого же?

Все молчали. Затем брат Тимченко ответил:

— Вот сего пресвитера, — и указал на Николая.

Уполномоченный даже встал от удивления и стал водить глазами то на брата Тимченко, то на Николая, то снова на Тимченко. Наконец сказал:

— Как же так? А как же наша договоренность?

Наступило неловкое молчание. Тишину нарушил Николай:

— Может, мне выйти?

Брат Тимченко обрадовался и сказал:

— Спасибо, Николай, что ты сам догадался. Выйди в приемную, а мы здесь поговорим.

Николай вышел в приемную и стал ждать. Вскоре он услышал, как разговор за дверью перешел на повышенные тона. Николай решил совсем уйти и сказал секретарю:

— Я пойду в молитвенный дом, а они пусть поговорят. Думаю, что я здесь не нужен.

— Идите! — поддержала секретарь. — Сегодня уполномоченному не до вас.

Николай вернулся в молитвенный дом к братьям, а другие представители пришли только через два часа. Пришли усталые и расстроенные.

После республиканского совещания жена узнала ошеломляющую для себя новость: ее мужа избрали старшим пресвитером Киргизии. Вначале она никак не могла согласиться с этим и не одобряла его согласия, но потом успокоилась и приняла это как от Самого Господа.

В помощь старшему пресвитеру были избраны пять членов Пресвитерского Совета, пресвитеры: Мартенс И.

И., Лосников В. Т., Дик П. Я., Лунев С. Е. и Дик В. П. Потом были и другие братья в Пресвитерском Совете при старшем пресвитере, но они не испытали тех трудностей в служении, с которыми столкнулись первые, когда шло становление братства Киргизии.

Кроме членов Пресвитерского Совета, Николай пользовался советами и деловой помощью братьев из общины села Рот-Фронт Я. Ремпеля и Г. Велька, которых верующие называли ласково «наши генералы». Воистину, эти братья, прошедшие нелегкий путь служения, имели богатый опыт и помогали решать насущные вопросы.

С благодарностью к Богу вспоминает Николай всех этих братьев и многих других, их помощь и совместное дружное служение в Киргизии и за ее пределами. Да воздаст Сам Бог за ваше участие в служении, мои братья!

Старшим пресвитером Николая выбрали, но служение он не мог исполнять. Прошел месяц, два, три... Он не мог посещать общины, так как из Москвы, одна за другой, приходили телеграммы: «От поездок воздержитесь», «Пока в общины не выезжайте», «Не совершайте посещение общин» и т. п.

Братьям было непонятно такое отношение руководства ВСЕХБ, и они направили двух человек в Москву для выяснения. Их там успокоили, сказали, что кандидатура Николая не проходит в Совете по делам религий, но согласовывается, и они надеются, что скоро все встанет на свои места.

Подождали еще три месяца. В целом прошло уже полгода, а запрет все еще не был снят, и тогда братья направили в Москву телеграмму, что они, как члены пресвитерского совета, начинают свое служение вместе с Николаем. Если же ВСЕХБ будет препятствовать служению, тогда все общины Киргизии уйдут в Совет Церквей.

Николая вызвали в Москву, в Совет по делам религий

при Совете Министров СССР, где сделали первый выговор за непослушание старшим братьям из ВСЕХБ. Николай отвечал, что он избран народом и должен слушать народ и служить ему, иначе вся Киргизия уйдет в СЦ. Долго говорили, но запретить ему нести служение не решились, учитывая обстановку в Союзе и боясь, что все церкви уйдут в СЦ. Это и остановило их в противлении Божьему народу и его избраннику, хотя мнения своего не изменили.

Таким образом, с помощью Господа, братья отстаивали своего старшего пресвитера, и Господь благословлял их совместное служение в течение многих лет!

Один муж Божий сказал: «Когда Господь призывает на служение, нужно в полном послушании подчиниться. Иначе Бог поведет тебя длинными и трудными путями, и тебе опять придется начинать сначала». Вспомните Иону, Илию, Петра, Моисея и многих других. Если Бог тебя избрал на какое-то служение – спеши выполнить его; если же ты избираешь себе служение сам – будь готов встретить на своем пути „ослицу“, которая прижмет тебя, как прижала однажды пророка Валаама. Возможно, на это уйдет много времени, но суд Божий свершится.

Послушание Богу и выполнение Его воли – вот что ожидает Господь от каждого Своего последователя и, особенно, от служителя церкви, потому что как сможет служитель выполнять служение в церкви, если он не выполняет воли Божией?!

Да будет исполнение воли Божией в служении всех вас, братья, находящихся на ответственном служении в церкви – это должно быть вашим кредо! Ибо непослушных и своевольных слуг Его ждет незавидная участь! (Мф. 25:30).

Глава 3

ТРУДНОСТИ В СЛУЖЕНИИ

Все познается в сравнении. Иными словами, чтобы познать сладкое, нужно вкусить горькое; чтобы узнать о благословениях в служении, полезно столкнуться с трудностями. Трудностей и препятствий у Николая было немало, потому что враг Божий и враг души человеческой не знает покоя и у него нет выходных, нет отпусков, нет отдыха. Обо всех трудностях, с которыми Николай встретился в своем долголетнем служении, рассказать невозможно, коснусь только некоторых, и то кратко.

Николаю досталось тяжелое наследие от бывшего старшего пресвитера. Забытые общины, оставленные в городах — на самовыживание и в деревнях — на умирание. Запущенные церковные вопросы, не решаемые годами. Строгое запрещение школьникам и детям посещать богослужения. Практика покаяния только по запискам, но не открыто на собраниях, ограниченное число проповедников в церкви, отсутствие молодых проповедников и диаконов, молодежных хоров, музыкальных оркестров и какой бы то ни было возможности для желающих послужить в собраниях. Запрещение молодежи собираться для общения в молитвенных домах и на частных квартирах, а проповедникам и хорам — участвовать в служениях других церквей. И еще много других проблем встретил он, приняв служение старшего пресвитера Киргизии, потому что еще в силе были антиевангельские документы ВСЕХБ: «Инструктивное письмо» и «Положение о ЕХБ», по которым заставляли жить поместные церкви.

Николай, наставленный в евангельском учении, сразу же начал преобразования в общинах. В одних церквях его понимали, старались ему помочь и пытались что-то сделать

в сторону очищения и становления на путь Евангелия. В других церквях вначале не понимали или не хотели понимать, и положение оставалось прежним, но ненадолго, потому что, глядя на другие более смелые церкви и новое веяние Духа Святого в них, поместные церкви сами стали просить помочь им начать угодное Богу служение.

На собраниях стали появляться дети и молодежь; начали действовать воскресные школы для детей; молодые братья с усердием проповедовали в церквях; молодежь более активно и смело проводила свои общения на частных квартирах и даже в молитвенных домах, в полях и в горах; наладилась посещенная молодежью и хорами других групп и церквей; молитвенные дома наполнялись музыкой; на собраниях участились выступления со стихами и песни. Чувствовалась новая жизнь в общинах!

Но это не осталось незамеченным врагом душ человеческих, дьяволом, и он поднял своих демонов на борьбу.

На Николая посыпались жалобы со стороны сельсоветов и райисполкомов. Начались вызовы к уполномоченному по делам религий при Совете Министров СССР по Киргизской ССР, в КГБ, милицию и даже в Москву. Устные предупреждения, письменные предписания, доставка в «черном вороне» в милицию, угрозы в адрес семьи и ему лично, беседы в КГБ, попытки снятия Николая и некоторых других пресвитеров общин со служения, посягательства на жизнь — вот далеко не полный перечень того, что встало на его пути сразу же в самом начале служения.

Николая вызывали в сельсоветы, райисполкомы и к уполномоченному, также пресвитеров и председателей исполнительных органов тех общин, которые становились на путь евангельского служения Богу. Но, как правило, никто из вызываемых братьев не шел по вызову один: приезжали к Николаю и вместе шли, и вместе их ругали,

и вместе они защищались. И даже когда Николаю приходилось идти одному, он знал, что он не один, с ним всегда его Защитник и Господь!

Николай был на приеме у заместителя уполномоченного Совета по делам религий, Вишнякова С. И. по делу пресвитера общины г. Канга Дирксена Г. Г. Атеист в душе, бывший лектор антирелигиозной пропаганды, ненавидящий верующих, к тому же нервнобольной человек, Вишняков просто не мог дружелюбно и мирно беседовать со слушателями церкви.

В тот день Вишняков был в плохом настроении. Николай стал говорить о его несправедливом намерении лишить регистрации пресвитера Дирксена Г. Г., об опасности такого решения и тех негативных для властей последствиях, которые могут в результате возникнуть. Вишняков не внял его доводам и напустился на Николая:

— Ты кого защищаешь? Немцев? Они только едят наш советский хлеб! А тебя я тоже посажу, загоню туда, где Макар телят не пас! Там и сгниешь. Отберем детей у тебя как у не соответствующего моральному кодексу строителя коммунизма. Фанатик ты и изувер.

И далее в таком же духе. И тогда Николай не выдержал. Он схватил с его стола счеты и с силой швырнул их на стол, покрытый стеклом. Стекло рассыпалось вдребезги, а Вишняков от испуга юркнул под стол.

— Ах ты, Берия, за что ты меня хочешь сгноить в тюрьме? Мой отец, старший брат и зять сложили головы на фронтах Отечественной войны, чтобы я мог жить свободно, думать независимо от других и верить в Бога! А ты?!

Из-под стола протянулась рука к телефону и стала набирать какой-то номер. Через несколько минут в кабинет вошли два милиционера и спросили:

— Что здесь случилось? Нас вызывал Вишняков. Где он?

Николай молча указал под стол. Оттуда, услышав голоса, вылез представитель власти и указал на Николая, заикаясь то ли от страха, то ли от злости:

— Вот он хотел меня убить, — и указал на осколки стекла на столе и вокруг него. — Возьмите его и посадите.

Милиционеры подошли и сказали:

— Поехали, голубчик. Доигрался.

— А как же будете разбираться со мной в милиции без него? Ведь я в свою защиту могу много наговорить и обвинить его.

Милиционеры переглянулись, и один из них куда-то позвонил. Затем сказал:

— Начальник милиции приказал привезти вас обоих к нему.

Вишняков сначала упирался, но они убеждали его не шутить с ними, а ехать к начальнику. Во двор вышли все вместе. На улице стояли черный «воронка» и милицейская машина. Милиционеры открыли заднюю дверцу «воронка» и помогли Вишнякову забраться в машину. Повели Николая, а он спрашивает их:

— А вы не боитесь, что я там могу убить его? Думаю, что вместе нас везти нельзя.

Милиционеры остановились. В кабине, кроме водителя, никого больше не было. Но сопровождающий милиционер не хотел ехать в кузове «воронка», другой же должен был вести милицейскую машину. Произошла заминка. Николай подсказал:

— Я поеду в милицейской машине.

— Ну ладно, садись. Нужно ехать.

Николай сел в милицейскую машину рядом с шофером, в «воронке» закрыли дверцу на замок и поехали. Когда Вишняков опомнился, было уже поздно. Он бросился к дверце и попытался что-то прокричать, но, боясь, что его, сидящего за решеткой, кто-то узнает с улицы, отпрянул

назад и сел подальше от дверцы. Так и доехали до городской милиции.

Когда вышли из машин, Вишняков, задыхаясь от унижения и злобы, выпалил в адрес милиционеров целую серию ругательств и угроз, на что те тоже не смолчали:

— Иди и помалкивай, если не хочешь, чтобы мы тебе устроили «взбучку». Мы выполняем приказ начальника.

Вишняков, не умолкая, продолжал распекать их, а затем, увидев начальника милиции, понес и в его адрес — обвинил, что тот не научил своих подчиненных обращаться с людьми. И это послужило на пользу Николаю. Начальник недовольно посмотрел в его сторону и сказал:

— У нас не институт благородных девиц, а милиция!

Затем попросил потерпевшего, то есть Вишнякова рассказать, что случилось и как. Тот, путаясь, начал обвинять Николая, который якобы хотел его убить. Все слова его были внесены в протокол, под которым он и подписался. Очередь дошла до «зачинщика и бунтаря». Николай откровенно рассказал, как было. Затем его выслали в коридор, и беседа продолжалась с заместителем уполномоченного. Наконец вышел Вишняков, а в кабинет пригласили Николая.

Начальник пожурил его, поинтересовался, что он будет делать дальше, и посоветовал:

— Мы знаем, что Вишняков псих, но ведь ты еще молодой, тебе еще жить надо. Тебе нужно помириться с ним. И лучше всего к нему на прием больше не ходить.

Николай поблагодарил начальника за совет, сказал, что он пойдет к Вишнякову и объяснит, что просто не выдержал его незаслуженных угроз, и, как христианин, попросит у него прощения. С тем их обоих и отпустили. У «потерпевшего» Николай попросил прощения и не ходил к нему на прием, наверное, с полгода. Если его вызывали к уполномоченному или приезжали братья и просили помощи, то

шли вместе, но шли не к Вишнякову, а к самому уполномоченному.

Всякое было, взять хотя бы жестокое решение снести молитвенный дом в городе Фрунзе, когда бульдозером разрушили угол здания и сделали его аварийным, так что в ту среду Николаю пришлось проводить служение прямо на улице. Разве это было не открытое гонение на христиан?

Затем начались поиски земельного участка для строительства нового молитвенного дома. А пока суть да дело, в огороде брата Дика А. И., на Абаканской, сделали временный навес — вопреки решению горисполкома, — и так проводили собрания вплоть до открытия нового молитвенного дома.

Во время собраний налетала милиция, вызывали в горисполком и к уполномоченному. Сколько бумаги было израсходовано на ходатайства и к местным властям и в Москву! А бесчисленные препятствия, которые чинили строительству на новом участке: то ОБХСС, то комиссия из РОНО, то из райисполкома, то от общественности, то из Госстроя, то из школ, то из Госплана, то из горисполкома, то от соседа! Всех их не перечислить: каждый день приезжала на стройку молитвенного дома какая-нибудь комиссия, чтобы найти причину закрыть стройку. Даже шоферам препятствовали возить баптистам песок, цемент, гравий, не говоря уже о стройматериалах, которые в 1975 году считались дефицитом, особенно арматура и бетонные плиты.

Были организованы неоднократные покушения на жизнь Виктора Бланка и Николая, возглавлявших стройку — только бы сорвать строительство молитвенного дома.

Однажды на стройку пришла молодая девица и захотела встретиться с Виктором и Николаем. Ее попросили подождать, сказав, что к обеду они обещали быть. Братья отправились в город, чтобы оформить и подвезти необхо-

димые стройматериалы. Вскоре они подъехали, и к ним подвели ожидавшую их девицу.

Это была молодая красивая девушка, но одетая в порванное и дешевое ситцевое платье. Она рассказала, что ехала во Фрунзе с Украины, в поезде познакомилась с одним молодым киргизом и вышла за него замуж. Он привез ее к себе домой и теперь издевается — бьет, не дает денег на одежду. Живет она в очень тяжелых условиях. Домой уехать ей не на что. Кто-то ей сказал, что здесь строят дом верующие люди, они очень отзывчивые и сознательные, и они ей помогут. Но ей стыдно просить помощи и неудобно, чтобы не подумали чего-то нехорошего. И потому она просит их, то есть Виктора и Николая, прийти к ней на квартиру, это совсем недалеко — за углом — и посмотреть на ее жилищные условия.

Подшло время ежедневного общего обеда. Братья пригласили ее за стол. Она долго отказывалась, но потом согласилась. Обедали и наблюдали за ней. Николай заметил, что она ест не как голодный человек, да и в разговоре, и в ее ответах на вопросы заметны были некоторые противоречия. Николай с Виктором вышли из-за стола раньше и, обсудив ситуацию, решили послать с ней председателя церкви — Авдеева Петра Николаевича, человека очень пожилого, но еще бодрого и подвижного.

Когда после обеда братья предложили этой девице пойти вместе с нашим братом Авдеевым, она стала усиленно приглашать Виктора и Николая. Подозрение братьев, что здесь замышляется нечистое дело, окрепло.

Братья отказались пойти с нею, так как им нужно было срочно ехать в город по делам стройки, и оставили ее с Авдеевым. Вернувшись из города, они услышали от Авдеева, что девушка не хотела идти с ним, но он настоял, и они пошли. Но едва они вышли за ворота молитвенного дома, как она «вспомнила», что ей срочно нужно идти на предприя-

тие, куда она хотела устроиться на работу. Договорились, что она придет завтра.

В тот день братья задержались на стройке долго. Хотя летний день и длинный, но и он подошел к концу. Стемнело. Вторая смена заканчивала работу. Братья на машине Виктора Бланка поехали домой. Проехав метров триста-четыреста, они заметили идущую навстречу подгулявшую компанию: двоих девиц и троих парней-киргизов. Подъехав ближе, Николай узнал в одной из этих разнаряженных, разукрашенных и богато одетых девиц ту самую «несчастную». Да, это была она. Николай сказал об этом Виктору.

Виктор направил на эту группу, сшедшую с дороги на обочину, фары автомобиля и тоже узнал ее. Он открыл стекло автомашины и закричал:

— Привет, Марина, приходи к нам завтра!

Компания поспешно удалилась, и ни завтра, ни в последующие дни эту девицу уже не видели. В том же доме, в который приглашали братьев для демонстрации жилищных условий, как выяснилось, поселилась банда парней с девицами, которые за деньги могли выполнить любое задание, вплоть до убийства.

В другой раз братья, сильно уставшие от беготни по кабинетам в поисках дефицитных материалов, обеспечили работой и стройматериалами вторую смену и решили поехать домой на пару часиков, чтобы передохнуть и к вечеру снова приехать на стройку. Они подошли к машине. Здесь стоял двоюродный брат Виктора, Роберт. В руке он держал большой разводной ключ — что-то делал внутри помещения и вышел подышать воздухом.

Увидев братьев и узнав, что они едут домой, он тоже попросился с ними — съездить домой. Все трое уселись в «Жигули» и поехали. Роберт от усталости сразу же улегся на заднее сиденье и задремал, зажав в руке ключ.

Проехали три автобусных остановки, как вдруг сбоку из-за поворота, выскочила черная «Волга» и резко встала поперек пути «Жигулей». Виктор, который был за рулем, едва успел затормозить. Из «Волги» же, с обеих сторон, выскочили два молодых здоровых мужика и в мгновение ока оказались возле Виктора и Николая и уже открыли обе дверцы. От резкого торможения Роберт проснулся и, подымаясь с заднего сиденья с большим ключом в руке, басом сказал:

— В чем дело?

И машинально помахал своей здоровенной ручищей с ключом у лица того, кто открыл дверь со стороны Николая. Тот быстро закрыл дверь, а другой проговорил:

— Извините, мы ошиблись.

И, сев в свою «Волгу», они рванули с места и скрылись из виду. Роберт так и не понял, что он своим ключом и своей внушительной фигурой спас своих братьев от ареста, а может, и от смерти.

И на этот раз похищение братьев с целью обезглавить строительство молитвенного дома провалилось. Были и еще попытки оставить стройку без Виктора и Николая и тем самым прикрыть ее.

Но Бог был со Своим народом и с братьями, возглавлявшими строительство, и защищал, и помогал, и охранял, как это было при восстановлении стен Иерусалима и храма. (Читайте книги Неемии и Ездры.)

Братья могли повторить вслед за Ездрой: **«Господи, Боже Израилев! Праведен Ты. Ибо мы остались уцелевшими до сего дня»** (Езд. 9:15). Благодарение Тебе, Господи, от нас, твоих рабов, Виктора и Николая, и от наших семей, с женами и детьми нашими! Это будет для нас и для них памятным в роды родов!

Не забудется и тот день, когда власти подогнали к молитвенному дому кран, чтобы забрать привезенные нака-

нуне железобетонные плиты для потолочных перекрытий.

Как же были разочарованы «слуги народа», когда увидели, что эти плиты уже уложены и крепко-накрепко приварены к арматуре. Срывать плиты, значит — ломать и портить их, а в этом не было смысла, ибо никто из про-рабов не принял их на свою стройку.

— Когда вы успели это сделать, ведь у вас вчера и сегодня великий праздник?! (Это были действительно пас-хальные дни 1975 года!) И где вы взяли сварочный аппарат и электроды, ведь они в магазинах не продаются?! И кто это вам укладывал плиты? Где взяли кран?

— У нас имеются на все документы, и мы отчитаемся там, где положено, а что сделано, то сделано, — отвечали братья.

Но довольно о строительстве молитвенного дома — пер-вого в СССР нового молитвенного дома на новом месте. Об этом можно написать целую книгу, притом интересную. И она будет полна многочисленных фактов ущемления и нарушения прав верующих, с одной стороны, а с другой — помощи и благословений Божиих, разрушающих замыслы лукавого и его слуг.

И опять хочется вспомнить еще один момент. Когда начали готовить проект молитвенного дома, без которого стройка не разрешалась, братья запланировали в зале бал-коны для увеличения мест. Но этот проект забраковали и поставили условие, что верх крыши молитвенного дома не должен ни на сантиметр подниматься выше конька рядом стоящих частных жилых домов.

Господь умудрил братьев, и, руководствуясь этим ука-занием, они все же запланировали со всех четырех сторон балконы: один — для хора, второй — для кафедры и про-поведников и два по бокам — для народа. Для этого вход в молитвенный дом опустили на 80 сантиметров. А крышу сделали плоской, накрыв ее плитами и несколькими слоями

рубероида с песком и смолою. Таким образом, и указание не было нарушено, и балконы построены. Потом, конечно, при сдаче молитвенного дома были некоторые придирки, но все было сделано по проекту, утвержденному более нежели пятнадцатью госучреждениями. А некоторые члены госкомиссии высказывали свое восхищение и даже одобрение.

В день освящения нового молитвенного дома, кроме верующих, присутствовало руководство города всех рангов, в том числе и Вишняков, который на следующий день вызвал руководителей церкви к себе и придрался к песне, исполненной хором под руководством И. М. Скирды:

Над Родиной нашей восходит заря.
О, братья и сестры, вставать нам пора!
Великое дело пред нами стоит,
Спасать наших братьев обязаны мы:
Свобода, свобода и свет им нужны...

— Над какой «родиной» восходит заря? Какая «заря»? От чего спасать хотите своих братьев? Какая свобода им нужна? — и многое другое, что больно задело блюстителя закона.

И тут же прочел заготовленное решение: Скирда И. М. к регентскому служению не допускается. Долгий был разговор, и закончился он тем, что Николай заявил:

— Тогда лишайте и меня, как старшего пресвитера, регистрации. Вот мое удостоверение. Но я избран народом, и мы будем проводить служение, уйдя в подполье.

— Вы потеряете свой новый молитвенный дом!

— А он уже оправдан: вчера здесь покаялись новые души! И ради этого стоило его строить! Потому что одна душа в глазах Божиих дороже всех богатств мира!

Есть люди, которые творят много зла другим. Они не

только способны на зло, но, как говорит Писание, «изобретательны на зло». Таким человеком был Вишняков. Сколько он испортил нервов Николаю и другим братьям-служителям! Но памятника ему все равно не поставили! А за все соделанное ему придется ответить перед Богом!

Если кто похож на него – остановитесь и не «делайте зла помазанникам Божиим!» Страшно идти против Господа! Вспомните Савла, до времени терзавшего Христову церковь, но остановленного Самим Христом.

А сколько притеснений пережили верующие немцы на работе, в школе и даже в общинах! Их называли фашистами и всячески их притесняли. Им запрещали даже приводить на собрания детей под угрозой закрытия молитвенных домов. Но в чем они были виновны? Что они немцы? Что они верующие люди? А где же то громкое слово «свобода», которое так любили повторять те же атеисты? Или это всего лишь слова?!

И не только немцы много пережили несправедливостей со стороны властей разных мастей. Другие верующие и их дети тоже подвергались гонениям — и на работе, и в школе, и в обществе. Их унижали, их притесняли, над ними насмехались, их считали людьми низшего сорта.

Дети Николая тоже пережили подобное. В первых классах их имена и портреты висели на доске почета, затем их убрали — как фото детей баптистов, и хотя дети учились хорошо, занижали им оценки, принуждали вступить в комсомол и, не добившись в этом успеха, третировали их и насмехались.

Им не давали возможности учиться в институтах и даже в техникумах и училищах.

Так, одна из дочерей Николая очень хотела быть медиком и посвятить свою жизнь лечению больных. Не решаясь

на большее, она подала документы в медицинское училище. После первого вступительного экзамена по предмету, который она знала хорошо и одна из первых сдала свою письменную работу, ей сказали, чтобы она больше на экзамены не приходила, так как ей учиться не придется. Так и осталось ее желание только мечтою! И лишь потому, что она была не комсомолка, а баптистка. Но Господь как ее, так и многих других несправедливо обиженных, не оставил сиротами: Он остался с ними, и они, под Его защитой, сегодня поклоняются своему Пастырю, Который долиною смертной тени пронес их на груди Своей.

А разве забудется празднование столетия поместной церкви в селе Ленинполь? Руководству общины и лично Николаю запретили проводить празднование. Целая армада демонов во главе с рыкающим львом окружили село в день праздника и перекрыли доступ на праздник верующим из соседних общин, обманывая людей, будто в селе свирепствует ящур. Приехавшего Николая забрали в милицию. Около молитвенного дома установили прослушивающую аппаратуру. Подняли на ноги не только село, но и район, больше того, столичный город Фрунзе, откуда за 300 км прибыли наблюдатели и консультанты.

Но праздник состоялся. Да и гостей на нем было немало. Правда, почти все они были в грязи, потому что шли полями и по каналу. Были не только молодые, но и старики, даже восьмидесятилетние. Долго еще власти терзали Николая и братьев за тот праздник. Кому же и чем грозил этот невинный церковный праздник? Государству? Тогда зачем же было устраивать такой «концерт»?

Две христианки учились в медицинском училище. При сдаче экзаменов их завалили. Завалили по научному атеизму. Разве это не прямое посягательство на свободу личности и гонение на верующих? Николай пошел в училище, и после долгих препятствий студенткам разрешили пере-

сдать экзамен в его присутствии. Сдали они на «отлично». Слава Богу, добро победило зло! Бог восторжествовал над сатаной!

Нина Семченко училась в медицинском институте. Ей не хотели выдавать диплом только потому, что она была христианкой. Нина стала работать врачом. Но сколько же нужно было для этого возбудить ходатайств, провести встреч и крупных разговоров с «вершителями судеб человеческих», сколько раз написать во все инстанции города и республики, и даже в Москву. Слава Богу! Слава за Его всемогущую руку помощи и Его державную власть!

В крупное судебное дело превратили мирный выезд молодежи церкви города Канта на отдых в горы. Хотели посадить в тюрьму и руководителя молодежи, и пресвитера общины, и старшего пресвитера. Сколько переживаний, сколько сил, времени и сколько ходатайств это повлекло! А заявлений было написано в различные органы власти, чтобы братья остались на свободе, дома, а не в тюрьме!

Пресвитеров общин города Канта — Мартенса И. И. и Дирксена Г. Г.; села Красная Речка — Нейфельда А.; города Таласа — Дика В. П.; города Джалал-Абада — Небогина Н. Г.; города Токмака — Красновского А. И. и других намеревались лишить регистрации и заменить другими только потому, что они вели служения не так, как хотелось бы представителям власти, а согласно Евангельскому учению.

Но опять заступился за Свой народ Сам Бог, и, слава Богу, ни один из пресвитеров Киргизии за все время служения Николая не был снят властями. Но сколько нужно было нервов, бумажной волокиты и встреч с представителями райисполкомов, горисполкомов и уполномоченными по делам религий?!

Немало огорчений верующим, особенно молодежи, приносили воинствующие безбожники, особенно Б. И.

Гальперин. Он постоянно устраивал обязательные анти-религиозные лекции по воскресеньям после утреннего собрания, чтобы не позволить молодежи посещать больных и престарелых; печатал грязные статьи в газетах; размещал карикатуры; распространял всякие порочащие слухи и небывилицы; проводил диспуты и беседы с верующими на производствах и тому подобное. Николая он заманил к себе в кабинет хитростью: пришла повестка из военкомата, а на самом деле вызывал он, Гальперин. Он также изобретал всяческие наказания для Николая: то офицерский суд чести (как над офицером запаса), то суд общественности, то что-либо еще. Он многих обидел, не только Николая. Саша Лосников, Хивренко Владимир, Хивренко Екатерина и многие другие претерпели на себе его издевательства. А Тищенко Рае он причинил много вреда не только морально, но и физически, искалечив ее молодую жизнь!

Атеисты, помимо всего прочего, создавали в обществе определенное отрицательное мнение о верующих, особенно о баптистах. Они это делали через печать, кино, телевидение, лекции и беседы и т. п. Люди, даже образованные верили им.

В 1969 году в Москве должен был состояться очередной всесоюзный съезд ЕХБ. На этот съезд были избраны делегаты от всех церквей, в том числе и от церкви города Фрунзе. В Москву летели самолетом, но одному старику-пресвитеру это было противопоказано и он чуть живым долетел до Москвы. Так как все остальные делегаты были людьми работающими, то попросили Николая после съезда возвращаться домой поездом вместе с этим пресвитером. Пятого декабря они выехали из Москвы во Фрунзе. Билеты были куплены в купированный вагон, и когда братья зашли в свое купе, там уже сидели две молодые женщины и оживленно разговаривали.

Разговор, вероятно, был интересный, потому что они

не обратили внимания на вошедших в купе мужчин, одна из них, постарше, продолжала:

— Они приносят в жертву людей, особенно детей, и пьют их кровь.

— Почему же их не привлекают к ответственности? Куда смотрит милиция? — с волнением спросила другая.

— Потому что они собираются на свои сборища тайно. Они ушли в подполье, — пояснила первая.

— Страшно даже думать о том, что где-то в вашем городе ходят такие люди и высматривают себе жертву! Ведь этой жертвой можешь стать ты сама или твой ребенок, — опять заговорила первая.

— Как хорошо, что мы живем не во Фрунзе. Там, говорят, проживает самый главный баптист Киргизии. Когда я была на антирелигиозном семинаре, нам о нем рассказывали такие страшные вещи, его даже власти боятся, — сказала старшая.

— О ком вы рассказываете такие леденящие душу истории? — спросил Николай, устроившись напротив женщин.

— Да о баптистах. Когда только им придет конец?! Такие дела творят! Их всех нужно расстрелять или повесить на столбах — в назидание другим, чтобы неповадно было творить свои грязные дела!

— А вы сами видели этих баптистов вживую? Или, может быть, видели жертвы, которые они приносили своему Богу? — снова спросил Николай.

— Нет, не видели и видеть не желаем! — в один голос заявили подруги.

— А что бы вы сделали, если бы к вам в купе сейчас зашли двое баптистов, чтобы ехать вместе с вами трое суток? — не отставал от них Николай.

— Я бы первая выпрыгнула в окно на ходу поезда! — смело отвечала та, что помоложе.

Николай встал, подошел к окну и начал его открывать. Но окна на зимний период были наглухо закрыты и не открывались.

— Что вы там делаете? — полюбопытствовала женщина.

— Хочу открыть окно!

— Окно? Но ведь на улице мороз, да и в вагоне не жарко. Зачем открывать окно?

— Чтобы помочь вам выпрыгнуть в него, — спокойно отвечал Николай. — Ведь с вами в одном купе целых трое суток будут ехать баптисты. Да еще какие баптисты! Первый баптист города Фрунзе и главный баптист всей Киргизии, по вашим словам, — самый страшный человек.

Глаза женщин округлились. Они испуганно посмотрели на попутчиков, затем — друг на друга, лица их побледнели, их как бы парализовало, и только дрожащие руки, поднесенные к губам, выдавали, что они живы.

А Николай продолжал:

— Ну как, открывать окно или же будем ехать вместе и никто не станет на ходу выпрыгивать?

Женщины не отвечали, они молча смотрели то друг на друга, то на баптистов. И только через несколько минут они пришли в себя... и разговорились.

К вечеру эти женщины уже не боялись баптистов и смело задавали им вопросы. До полуночи продолжалась беседа. И сердца двух педагогов, а женщины были педагогами, оттаяли. Они поняли свое заблуждение и признались, что поверили атеистам, рассказывающим небылицы про баптистов.

Долго еще говорили о вере баптистов, об их взглядах на жизнь и об отношении к ближним. И в конце беседы Николай сказал:

— Если бы ваши разговоры услышали чекисты, они бы вас привлекли к ответственности.

— Почему?

— Потому что вы своими разговорами подрываете их авторитет. Выходит, что они на протяжении более полувека не могут найти этих кровопийц, которые пьют кровь детей. Другими словами, они плохо работают. А ведь это не так. Вспомните, что еще и сегодня они находят тех людей, которые во время минувшей войны сотрудничали с немцами и предавали своих. Те, чтобы скрыться, меняют свои фамилии, переезжают с одного места на другое, маскируются, но их чекисты находят и передают суду, — пояснил брат, — здесь же не один, а сплошь и рядом, целые секты творят такие незаконные дела, и никак их не могут найти. Только говорят о них, но ни одного факта! Разве это не странно?!

— Ой, Маша, так мы, и правда, можем загреметь в тюрьму, — сказала старшая. — Спасибо вам, что вы нам открыли глаза.

Через три дня баптисты расставались с педагогами как хорошие друзья. Учительницам братья подарили по Евангелию, написали им адрес молитвенного дома баптистов в городе Ташкенте, где жили и работали эти «атеистически подкованные» педагоги.

Третирование семьи Николая началось с невинных записок, ночью оставляемых в почтовом ящике, где было написано «доброжелателями»: «Оставляй свое служение, ради твоего же здоровья». Затем записки стали более конкретными: «Бросай свое служение ревнителя, если тебе дорога твоя жизнь и жизнь твоих детей, которых мы спрячем под канализационный люк, где и сгниют они, и никто никогда их не найдет».

Сначала рано утром эти записки находил Николай, но жене не показывал, затем жена стала выходить раньше него и брать их, не показывая мужу. Но вскоре все выяснилось, и начались серьезные переживания за детей, кото-

рые уже ходили в школу и добирались туда и обратно автобусом: придут домой или не придут? Их не всегда могла встречать мама, так как у нее на руках были малыши, а Николай находился в разъездах.

В Пржевальск и в Южную Киргизию он уезжал из дому на три-четыре дня. И тогда ночью приходили чужие люди, одетые во все черное, перелезали через забор, шумно ходили вокруг домика, переставляли лестницу и все делали так, чтобы было видно, что здесь ночью были люди. В доме находилась одна молодая мать с детьми. Это были долгие и мучительные ночи.

Угрозы явные и тайные в адрес самого служителя стали регулярными и доставляли немалое переживание его семье. Начиналось с «благожелательных просьб», но едва не закончилось смертью.

Но за две недели Господь предупредил Николая о надвигающемся испытании. Николай сидел за письменным столом и готовился к проповеди. Вдруг перед его глазами появились белые, как-бы светящиеся круги. Он закрыл глаза, а когда открыл их, перед ним стоял высокий светловолосый человек в белых одеждах. В руках он держал свиток. «Я послан к тебе с вестью, — услышал Николай и взял протянутый ему свиток. Развернув его, он понял, что письма ему не прочитать — оно было написано непонятными иероглифами. «Я не понимаю, что здесь написано», — смущенно сказал Николай.

«Это письмо предупреждает тебя: что бы ни случилось — не бойся. И скажи об этом Кате». В эти минуты Николай, забыв об всем на свете, спросил:

— Кто это — Катя?

— Твоя жена.

Ослепительно-белый свет стал меркнуть, пока не исчез совсем. Очнувшись, Николай понял, что он один в комнате и никакого свитка на столе не оказалось. Посидев еще не-

много в раздумье, он пошел к жене, чтобы рассказать о необычном посетителе.

Это было в предмайский субботний вечер 1972 года. Николай сошел с автобуса и направился к молитвенному дому на собрание. Зашел на несколько минут в телефонную будку позвонить. К будке подошли несколько молодых парней, как бы ожидая своей очереди звонить. Но едва Николай набрал номер, как почувствовал сильный удар по голове.

Николай потерял сознание, и пришел в себя, когда его бросили на железнодорожные рельсы. Сильный удар в грудь привел его в сознание, но лишил способности двигаться. Лежа лицом к земле, он краем глаза видел туфли ходивших вокруг людей. Он прислушался: где-то недалеко заглушили мотор автомобиля, рядом с Николаем раздался голос:

— Тащите быстрее канистру с бензином и спички!

Николай услышал шум и глухой стук канистры о камни. Поняв, что его хотят сжечь, он стал усиленно молиться, ибо любил жизнь и не желал гореть в огне, как грешник... Вдруг где-то совсем рядом, громыхая, покатила вниз какая-то жестяная банка. Стоявший рядом грязно выругался, а другой побежал и, тяжело дыша, стал подниматься по насыпи, по временам останавливаясь и сильно ругаясь.

«Еще несколько минут, и меня сожгут», — подумал Николай. И еще сердечнее стал просить в молитве Господа сохранить ему жизнь ради малых детей (их у Николая с Катей уже было четверо).

Еще не окончил он своей молитвы, как услышал страшные, подобно звериным, крики рядом и где-то дальше. Затем снова крики и топот убегающих людей. Николай открыл глаза и обомлел: вся земля вокруг него была бела, как при вспышке молнии. Он подумал, что это свет от прожектора идущего к нему по рельсам паровоза.

— Значит, я буду перерезан поездом и мне, конечно, уже не жить. А я жить, жить хочу! — кричал он беззвучно сердцем.

Попробовал сползти с рельсов, но не смог даже пошевелиться, не говоря о том, чтобы встать на ноги. Николай прислушался: рельсы молчали и не подавали никаких знаков, что по ним идет поезд. Где же поезд?! Неужели он остановился?! Прошло еще несколько мгновений, и снова все погрузилось в темноту.

Полежав некоторое время, он опять воззвал к Богу, чтобы Он дал силы встать и идти домой. Так и было: с большим трудом, но он поднялся. Моросил мелкий дождик; плащ, костюм и руки были в грязи. Осмотрелся: никого нигде не было видно. Рядом с ним проходило несколько железнодорожных путей, а внизу — дорога, по которой шли машины. Николай постоял, отдышался и медленно пошел к краю насыпи. Спуск был крутой. Не надеясь благополучно спуститься на ногах, он лег на бок и боком покатился по насыпи вниз, к дороге.

Оказавшись у края дороги, он сел, затем встал. Здесь же валялась двадцатилитровая канистра. Где он, куда идти? — Николай не знал.

— Господи! Я как Агарь в пустыне, не знаю, куда мне идти. Укажи мне дорогу!

Прохожие, услышав просьбу о помощи и взглянув на пострадавшего, не просто ушли, но убежали. Николай понял, что его грязный вид и заплетающаяся речь испугали людей, но один человек остановился, вежливо рассказал, где они находятся, и внятно объяснил ему, как дойти домой.

Оказалось, что он был недалеко от своего дома, и Николай благополучно пришел домой, где его встретила жена, дети уже спали. Дома он снова потерял сознание, потом уснул. Утром он проснулся и вспомнил вчерашние события.

Они были как сон. Только боль и раны говорили, что случившееся — не сон.

Как потом выяснилось, в левом внутреннем кармане пиджака находилась карманная Библия, как раз напротив сердца. Она была пробита узким лезвием ножа до последней корочки! Убийцы после удара ножом в сердце подумали, что жертва уже мертва, и повезли ее за город, чтобы сжечь.

Но Библия спасла Николаю жизнь, точнее, Бог через нее спас ему жизнь! Это была та самая Библия, которую он выменял на новый велосипед. Она и сейчас находится в семье Николая как памятник всемогущества и заступничества Божия.

Через день пришли из милиции и еще откуда-то и спросили, будет ли Николай жаловаться или нет, нужно заводить уголовное дело и искать тех людей или нет?!

— Если вы хотите их искать, я готов дать показания, какие знаю, — отвечал он, — если нет, то я нигде никогда жаловаться не буду! Решайте сами!

Жена Николая добавила:

— Вон в углу висят плащ и костюм, и вот пробитая Библия, если нужно, возьмите вещи на экспертизу.

Они посмотрели, ничего не сказали, ничего не взяли и ушли. И только через два месяца Николая вызвали в милицию и попросили на экспертизу плащ и Библию. А потом начали обвинять самого пострадавшего, будто это было подстроено им самим.

— Почему же вы не брали на экспертизу вещи тогда, когда можно было по свежим следам узнать многое? Почему тогда не были зафиксированы свежие раны и поврежденная нога?

Эти вопросы повисли в воздухе без ответа.

— Нет, это имитация, — твердили в милиции.

Следом за ними стали повторять эти слова и некоторые

«братья». Спрашивается: зачем нужна была имитация? Зачем служителю нужно было перебить себе большой палец на ноге, зачем нужно было травмировать ногу, перебив на ней вены — нога осталась черной и больной на всю жизнь? Зачем нужно было принимать от головной боли по 500 таблеток в месяц? Зачем ему сознательно повреждать грудную клетку?

Ответ напрашивается простой: не хотели расследовать это дело, хотели смерти «служителя» церкви. На следующий день после происшедшего подозрительные люди наводили справки у соседей, не умер ли еще Николай...

После горячих молитв семьи и многих церквей, по милости Божией, Николай отбросил костыли, выбросил таблетки, встал на ноги и снова начал посещать церкви.

Многое можно было бы еще вспомнить о пакостях со стороны властей, но достаточно сказанного, чтобы представить, какие препятствия чинились на пути служения.

Удивляет другое: как могло случиться, что некоторые братья, сознательно или несознательно, сотрудничали с властями и причиняли детям Божиим физические и моральные страдания?

Так, в селе Ленинполь, где имелась большая немецкая община, руководство не разрешало посещать собрания детям и подросткам. Николай, приняв служение, стал выяснять причину такого запрета. Братья ему разъяснили, что при регистрации общины в 1967 году они подписали бумагу, что детей, особенно школьников, на собрании не будет. И они не могут нарушить свои обещания.

— Пусть подростку семнадцать лет, но если он ходит в школу, он не имеет права бывать на собраниях, — говорили они.

Разъяснения о том, что такого закона нет, не помогали. Братья боялись, что их за это посадят. Тогда Николай посоветовал им добровольно уйти от служения, чтобы не нести

никакой ответственности за действия других братьев. Руководство церкви и этого не хотело.

После долгих уговоров Николай с членами пресвитерского совета приехали в эту общину и освободили от служения все руководство общины: пресвитера, трех членов исполнительного органа и трех членов ревизионной комиссии. Освобожденные братья пожаловались властям, и Николаю еще долго доводилось чувствовать на себе их горячую «братскую любовь». А один из них мстил Николаю даже спустя многие годы. Освобожденный же пресвитер не захотел даже открыть ночью дверь своего дома старшему пресвитеру и членам пресвитерского совета, чтобы они у него переночевали.

В городе Джалал-Абаде нес служение пресвитера благословенный Богом муж веры, Сурмий Степан Васильевич, прошедший тюрьмы и лагеря. Был он уже в преклонных летах и хотя уже не мог призвать к дисциплине и порядку отдельных братьев, замены в поместной церкви ему пока не было.

Горисполкому он не нравился за свою слабохарактерность, и его все время пытались снять со служения пресвитера. «Помогли» ему уйти со служения свои братья, члены той же церкви, оклеветав его в страшном грехе. Они нанесли ему смертельную сердечную травму, от которой он вскоре и умер, освободив свое место другим. Заговор был составлен заранее и приведен в исполнение лукавством и хитростью.

На его похоронах Николай сказал, что в его смерти повинны «братья во Христе», с которых Бог строго спросит за страдания, причиненные помазаннику Божию, и за ту черную клевету, которую они распространили против Степана Васильевича.

А во Фрунзе «братья во Христе» даже перестарались. Как вы уже знаете, в 1972 году Николая избили и хотели

сжечь, чтобы о нем и на кладбище не осталось памяти. Так вот, вместе с другими в этом принимали участие и двое «братьев», которые указали убийцам маршрут Николая от автобусной остановки до собрания и которые подвозили бензин и спички, когда Николай лежал на рельсах.

Один из них покаялся и исповедался Николаю в своем преступлении. Он и рассказал обо всем подробно: как ударили Николая по голове, как его везли, как наставили на его сердце нож с пружиной, как хотели сжечь и как светлый ангел своим явлением испугал их и все разбежались.

— Как же вы могли решиться на такое дело? — спросил Николай «брата».

— Ради Божьего народа.

— Как же так? Разве я был врагом Божьего народа? Какой вред я приносил ему? Зачем ради его блага нужно было меня убивать? — допытывался Николай у «благотелья» Божьего народа.

— Нет! Ты не был врагом христиан, от тебя не было вреда им, наоборот, слишком ты был большой ревнитель в защите их, и твое служение было неприятно для некоторых, почему и решили тебя убрать силой, так как по добру ты не хотел этого делать, — разъяснял «брат».

— Ну а вы почему оказались среди этих «некоторых»?

— Потому что нам сказали, что если ты останешься на своем служении, то власти вынуждены будут закрыть на замки все молитвенные дома в Киргизии, и тогда будет страдать весь Божий народ в республике. И чтобы спасти всех верующих от скитания по частным домам и сохранить молитвенные дома открытыми для собраний, пусть лучше пострадает только одна семья, но не сотни. И мы пошли на это дело с болью в сердце, — признавался этот «добродетель» и «спаситель» Божьего народа.

Спустя почти двадцать лет группа братьев из общины городе Фрунзе, руководимая тремя братьями, один из

которых (а может и все) хотел занять место Николая, снова причинила ему страдания. Под давлением этих братьев Николай в 1990 году пожелал сложить с себя полномочия, но республиканское совещание не освободило Николая от служения. В следующем году (старший пресвитер в Киргизии отчитывался перед республиканскими совещаниями ежегодно) эти три «брата» пришли к Николаю и требовали, чтобы он на предстоящем совещании отказался от своего служения. Долго они уговаривали его, затем перешли к угрозам: если он не оставит служение старшего пресвитера, то община города Фрунзе выйдет из состава ВСЕХБ. Николай знал, что вся община не пойдет у них на поводу, но часть людей, обольщенных ими, выйдет из состава ВСЕХБ, другие, кто поддерживает его, останутся в союзе, а следовательно, останутся с Николаем в молитвенном доме, т. е. произойдет разделение общины, чего он не хотел, потому что никогда не был причиной разделений в церкви. И он дал «агитаторам» согласие уйти со своего служения добровольно-принудительно — по их требованию.

В начале 1992 года, в день республиканского совещания, Николай после своего отчета настоятельно попросился отпустить его со служения старшего пресвитера. Некоторые братья-пресвитера знали настоящую причину отказа, но, зная также о трудностях с «братьями» и о твердом решении старшего пресвитера уступить им, не стали удерживать Николая и согласились удовлетворить его просьбу о добровольном уходе со служения.

Руководивший совещанием Бычков А. М. все хорошо понимал, но не стал идти против намерений убраться Николая, хотя до пенсии последнему оставалось меньше двух лет, и другие братья, приехавшие с ним из Москвы, тоже боялись заступиться за Николая. Бывшему старшему пресвитеру с женой вручили от имени совещания цветы и

памятный подарок на прощание, поблагодарили за долготное служение и помолились, пожелав еще много потрудиться для Господа.

После освобождения старшего пресвитера, Бычков А. М. зачитал следующий пункт повестки дня: заявление руководства общины города Фрунзе Союзу ЕХБ. Но пресвитер общины сказал:

— Да, мы написали заявление о выходе нашей общины из состава Союза. Но читать его мы не будем, потому что Николай добровольно оставил служение старшего пресвитера. И мы остаемся в Союзе.

В тот же день один из трех агитаторов, приходивших к Николаю, стал старшим пресвитером, или, как стали тогда называть эту должность, «председателем объединения церквей Киргизстана». Спустя некоторое время он уехал на жительство в Америку, его место занял второй из троих приходящих тогда братьев, до третьего очередь пока не дошла.

Через некоторое время те же братья, что вручали подарок и желали Николаю благословенного труда в будущем, вынесли решение, запрещающее Николаю проповедовать во всех общинах Киргизии, в том числе и в общине города Фрунзе, о чем было объявлено членскому собранию. На предложение сестры Любы Авдеевой, члена поместной церкви, чтобы церкви сами решали — проповедовать Николаю или нет, новый председатель объединения церквей заявил, что не церковь, а они, руководство, решает, кому проповедовать, а кому нет: «Мы церковь не спрашиваем, а только доводим до сведения!»

Николай и это «братское» новшество смиренно принял на том членском собрании, только бы не разделить народ Божий, и, посещая регулярно собрания, сидел молча, ни в чем не принимая никакого участия. Это решение Николай исполнял и при посещении других церквей Киргизии,

несмотря на просьбы братьев из поместных церквей, предлагавших ему у себя служение Словом и говоривших, что нет такого основания в Слове Божием, что это противоречит словам Христа — «идти по всему миру и проповедовать всей твари», и не согласуется с евангельскими принципами, как пишет апостол Павел: **«Благовестие — это необходимая обязанность моя»** (1 Кор. 9:16), и **«как бы ни проповедовали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь...»** (Флп. 1:18). Смирение Николая даже отметил новый старший пресвитер, сказав на членском собрании, что Николай один из самых смиренных братьев, которых он знает!

Много печали приносили и те братья, которые клеветали на Николая, говоря о его сотрудничестве с КГБ. Но попробуй докажи обратное!

— Да, — говорил Николай, — я бываю в КГБ, когда меня вызывают, бываю в милиции, бываю у уполномоченного по делам религий, бываю в Совете Министров, но я не работаю на КГБ, и никто не может в чем-то меня уличить. Никому и никогда я не сделал зла. И никто не может привести ни одного убедительного факта в подтверждение этих грязных слухов.

— Если я и бываю в органах власти, то в целях защиты Божьего народа и братьев-служителей, — пробовал было объяснять Николай, но это было бесполезно.

Черная молва находила место в сердцах отдельных неутвержденных братьев, не видевших или не желавших видеть самоотверженное служение старшего пресвитера, направленное на благо церквей, и за это переносящего много гонений со стороны властей.

И только после того как Николай оставил служение, некоторые братья приходили к нему и просили прощения за доверие к поношениям и клевете на него. И вот тогда Николай смог пояснить им:

— Смотрите, если я нес служение старшего пресвитера двадцать три года и в то же время работал на КГБ, как утверждают, и был их агентом — потому так долго они меня и держали. Но вот на двадцать четвертом году служения нашлись три брата, захотевшие руководить Божиим народом и заставившие уйти в отставку работника КГБ. И ни КГБ, ни уполномоченный по делам религий во Фрунзе и в Москве, ни милиция не пошевелили даже пальцем и не сказали ни одного слова в защиту своего работника! Может ли такое быть? Разве не расплачиваются дорого те, кто убирает работников КГБ или становится им поперек дороги? «Органы» все делают быстро и умело — отправляют своих противников на тот свет. За меня же никто из властей не заступился, а новое руководство, заняв мое место, не потерпело никакого ущерба.

И здравые головы и рассудительные умы перестали верить этим слухам, и даже в США некоторые братья, обманутые худой молвой, звонили Николаю, другие — приезжали к нему домой и просили прощения за боль, которую причинили, понося брата-служителя, притом несправедливо.

А сколько еще «братьев» было заражено? Немало! Ведь армия на службе у сатаны большая. И некоторые идут, того не сознавая, в то страшное место, где будут все клеветники и их глава (2 Тим. 3:3 и Откр. 12:10), не желая сегодня склонить голову и попросить прощения за зло, причиненное братьям во Христе, а значит, и нашему Спасителю Христу, как об этом Он Сам сказал в 25-й главе Евангелия от Матфея. За такие грехи прощения нет.

Подобным «братьям» хочется посоветовать, чтобы они прочитали, а если смогут, то и спели псалом:

Когда, мой друг, ты брата огорчил,
Сразив его бессмысленным укором,

Взамен любви печаль и горечь влил
В тайник души его неправым словом —

Спеши сказать сердечное «прости»,
Пока в нем жизнь не скрыла ночь немая,
И свет горит на жизненном пути,
И жарких чувств полна душа живая!

В связи с тем, что Николай с семьей жил в пригородном селе Ново-Павловка, где имелась братская община, Николай решил посещать эту поместную церковь: не нужно ездить, сюда можно было ходить пешком, молитвенный дом был совсем рядом. Поэтому он и его жена на собрании в городе Фрунзе попросили отпустить их, чтобы быть в церкви по месту жительства. Пресвитера Барг А. Я. и Скробко И. Д., бывшие на этом собрании, подняли церковь в знак того, что ни они, ни церковь ничего на них не имеют, и отпустили их с миром, совершив молитву о дальнейшем благословении Господнем для них. Николая вскоре пригласили работать в Санкт-Петербург, а жена попросилась в церковь села Ново-Павловка, чтобы бывать на собрании вместе с детьми и ходить в молитвенный дом пешком. Но два «брата», руководившие тогда этой церковью, не приняли ее, сославшись на то, что она «жена Николая». И это при том, что из церкви города Фрунзе Николай с Катей были отпущены с миром и молитвой о благословении их в дальнейшем труде. Но члены церкви не приняли ее в свои ряды. И это братья во Христе?!

Когда узнал Николай об этом, уже в Петербурге, ему было очень больно. Какие жестокие люди, какие неблагодарные, какие лицеприятные и лицемерные! Живут, служат кому-то, только не Господу Христу.

Слава Богу, что в вечности, на новом небе и новой земле, таких не будет!

Распашите новину, сейте правду вы на ней.
И загладите вину, что грехов растет горой!
Время Господа взыскать,
Правды дождь Господь прольет.
Хватит вам употреблять горькой лжи, нечестья плод!
(А. Власов)

Очень мешали служению и так называемые «стукачи», которые были во всех общинах и, непременно, в братских советах церквей. Особенно было трудно с ними в первые годы служения. Вначале Николай еще не знал этих «братьев». Но потом, с годами, они все открылись, и он всех их знал по именам. И, конечно, трудностей стало меньше, если известно, кто твой брат, кто — враг, кого нужно остерегаться и с кем — делиться. Эти «стукачи» ко многому потеряли доступ и часто своим «попечителям» давали ложную информацию. За что некоторых разжаловали и они сами признавались в этом. Но, к сожалению, многие из них еще продолжают идти путем Иуды, совершая грех против братьев Христовых, а значит, и против Самого Христа!

* * *

Много трудностей в начале служения возникало из-за отсутствия транспорта. В те годы мало у кого были машины, да и мотоциклов не было. В общине города Фрунзе была всего одна старенькая машина «Москвич—401» у одного пожилого брата. Услугами этого брата пользовался только диакон, чтобы привезти из совхоза вино для вечера. Свой же новый мотоцикл Николай продал (было трудное материальное положение в семье) одному брату за небольшую сумму денег и за поросенка, которого хозяин добровольно предложил «в довесок», пообещав, что он будет кормить его до осени, а потом привезет Николаю домой.

Этот поросенок растет у хозяина до сих пор, вот уже более тридцати лет. Наверное, свинья выросла большая-пребольшая!

Не имея транспорта, приходилось посещать общины на рейсовых автобусах, которые ходили нерегулярно, и возвращаться приходилось на попутных машинах, чаще всего на открытых. Летом еще ничего: только пыль да неудобства. А вот осенью и зимой было труднее: холодно, мокро, резкий пронизывающий ветер, нередко снег.

Однажды Николай вместе с членом пресвитерского совета Лосниковым В. Т. возвращались из Рот-Фронта. Собрание закончилось около полуночи, так как в колхозах собрания начинались поздно — после вечерней дойки коров. Добираться приходилось на попутных грузовых автомашинах в кузове. Лосников промерз — стояла уже поздняя осень, и по приезде домой он заболел и больше ездить в деревни не мог.

Немало приходилось ходить пешком. На рейсовом автобусе доезжали до села Ивановка. А затем пешком в горы, километров восемь, в общину верующих. Потом поздно ночью — после собрания, после беседы с братьями — опять восемь километров пешком до трассы. Не все братья выдерживали такой марафон, особенно осенью и зимой.

При поездке в село Ленинполь нужно было ехать весь день автобусом, и Николай выбирал ночной маршрут, когда можно было немного вздремнуть в автобусе и рано утром быть в церкви. Однажды с ним поехал член пресвитерского совета И. И. Мартенс.

Поехали ночным рейсом, автобус шел быстро, и где-то часа в четыре ночи братья сошли с автобуса на развилке, откуда до села было около семи километров. Они не прошли еще и половины пути, как услышали вой, который доносился с гор.

— Что это? — с тревогой спросил Иван Иванович.

— Это волки, — отвечал Николай, который волчий вой знал хорошо.

— Я дальше не пойду, — сказал Иван Иванович.

— Ну стой на месте до утра или возвращайся назад на трассу, может быть, какой-нибудь транспорт и найдешь в эту пору. Хотя ни транспорта, ни утра ты не дождешься.

— Почему? — быстро отреагировал напарник.

— Потому что тебя волки съедят. Ведь вой слышится оттуда. Это они спускаются с гор вниз, к селам, чем-нибудь поживиться, потому что сейчас зима, все маленькие зверьки попрятались в норки и спят. А волки есть хотят. Вот они и полакомятся Иваном Ивановичем. А я пошел, — сказал Николай и направился к селу.

Это было в 1969 году. Тогда в Киргизии стояла самая суровая зима. Волки заходили в села, и от них прятали даже собак.

Ивана Ивановича долго упрашивать не пришлось, он бегом догнал и перегнал Николая, торопясь поскорее в село. А вой волков слышался все ближе и ближе

— Ну, — говорил по дороге Иван Иванович, — ты меня больше на ночной рейс не бери. Не поеду. Съедят меня волки, и косточки мои никто не похоронит! Нет! Этого не будет.

И больше он никогда ночным рейсом не ездил.

С посещением общин в селах возникали и другие проблемы: мало было желающих ездить в небольшие сельские церкви.

Однажды молодежь во Фрунзе рассуждала о том, что хорошо, мол, братьям, которые ездят в гости в общины. Молодежный хор только что вернулся после посещения одной церкви, где их после утреннего собрания хорошо накормили и посадили на автобус. Вот они и позавидовали, что братья ездят по общинам и их славно угощают. Хорошо и старшему пресвитеру, он чаще других ездит по церквям.

Николай услышал этот разговор и, намереваясь посетить церковь на станции Ивановка, пригласил группу молодежи и тех сестер, которые мечтали о сытных угощениях, чтобы они могли порадовать народ Божий пением. В той немецкой церкви, как и везде в Киргизии, хорошо понимали по-русски.

Итак, Николай с братом И. А. Мазуром и группой молодежи отправились на посещение. Добрались до автовокзала, но билеты были только на пять вечера. Доехали до села Ивановка, затем пошли пешком в горы — до молитвенного дома. Пока дошли, сестры заметно утомились, но бодро выдержали собрание и много пели. Собрание затянулось и, желая попасть на проходящий по трассе последний автобус, гости заторопились обратно домой, сэкономив время на нетронutom ими ужине. Дошли до трассы благополучно. Была осень, вечера и ночи были холодные.

Долго пришлось стоять в ожидании автобуса, и все очень замерзли. Часы показывали уже 12 часов ночи. Отошли две сестры в сторону и плачут.

— В чем дело? Что такое? Кто вас обидел? — допытывался Николай.

— Есть хотим, замерзли и устали. А мы думали, будет курочка со сметаной.

— А гуся жареного с яблоками не хотите? А то мы с вами в следующую субботу поедем в другую деревню, — сказал Николай и добавил: — А нам часто выпадают такие постные дни.

Со временем стало легче: появились машины, мотоциклы, и пешком уже не ходили, не стояли в ожидании проходящего транспорта, но в первые пять лет служения в этом отношении были большие трудности! Бедные ноги исходили много дорог! Когда что-то делаешь для Господа и от души, тогда и трудности порождают радость, а не ропот.

Посещения общин порой были связаны с риском для жизни. Однажды в село Ленинполь Николай выехал на маленьком автобусе «рафик» вместе с двумя сыновьями: старшим и подростком двенадцати лет. После окончания богослужения, когда они направлялись в семью одного брата для ночлега, по дороге их встретила группа киргизов, которые потребовали остановиться. Они были пьяны. И потому наши друзья не решались останавливаться, чтобы не начались неприятности. За рулем автобуса сидел старший сын, который, по совету отца, развернулся и поехал в обратную сторону.

Пьяная группа добежала до первого киргизского дома, где стояли автомашины, сели в одну из них, к ним присоединились еще другие киргизы, и с криками погнались вслед за «рафиком». Выехав на главную улицу, сын направил автомобиль по шоссе на трассу.

Легковая машина шла быстрее, и вскоре киргизы настигли наших друзей. Они, объехав автобус, встали впереди них. Оттуда с криками выбежали пьяные мужчины, с палками и монтировками в руках, и побежали к автобусу.

Без всякой команды наш шофер развернул свой автобус и погнал снова в село, откуда выехали в город Талас проселочной дорогой через поля. Автобус выжимал сколько мог. Саша только успевал крутить баранку по ухабистой дороге. Двенадцатилетний сын, сидя рядом с шофером, уцепился рукою за держатель и сидел бледный и испуганный. Николай молился Богу.

Преследователи отстали, и расстояние в тридцать пять километров было покрыто в короткое время. Въехали в Талас, нашли дом пресвитера, брата Валентина Дика, загнали автобус во двор и зашли в дом для ночлега. Но долго не могли уснуть после такого «путешествия».

Поблагодарили Господа в молитве, что Он сохранил им жизнь и послал Свою охрану в пути. Младшего сына при-

шло силой отрывать от держателя: его руку свело и он сам не мог разжать пальцы.

Если бы тогда эти пьяные Николая с сыновьями настигли, они бы их убили, очень уж они агрессивны были настроены. Если бы мотор отказал или же спустило колесо — не миновать смерти.

Сыновья Николая и он сам, вспоминая этот эпизод, отдают должное Господу. Это Он дал мудрости Саше действовать самостоятельно. Это Он поддержал работу мотора и сохранил микроавтобус от поломок. Это Он сохранил им жизнь. Еще и сегодня, вспоминая Божии милости в ту ночь, они славословят и благодарят Господа, повторяя слова девяностого псалма. Обетования Божии и сегодня сильны и действенны, как и написано: **«И вот, Я с тобою и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь»** (Быт. 28:15).

К трудностям служения следует отнести и отсутствие необходимой духовной литературы. Когда Николай стал старшим пресвитером, он, общаясь с верующими, особенно молодыми, воочию увидел эту величайшую нужду. И начал усиленные поиски источников духовной литературы.

Часто бывая в Москве по долгу служения (плenumы, совещания, конференции, съезды и т. п.), он заводил знакомства с братьями из Прибалтики, а также с гостями-иностранцами, давал им свой адрес и просил посылать ему Библии и Евангелия.

В Прибалтику Николай обычно ездил на день-два и «рыбачил» ранним утром на Балтийском море. Там в определенное время была «рыбалка» на Новые Заветы из Финляндии, которые посылали в запаянных целлофановых пакетах тамошние братья, зная нужды в СССР. Из-за границы Николай стал получать маленькие бандероли с Новыми Заветами и даже Библиями. Но получить бандероль было нелегким делом. Почта проверялась. Каждое письмо или бандероль из другой страны сопровождалось

вызовом в КГБ или к уполномоченному по делам религий, где Николая обвиняли в недопустимых связях с иностранцами и чуть ли не в шпионаже. Много терпения и нервов нужно было, чтобы отстоять каждую бандероль.

Иногда поимка «рыбок» от братьев-финнов была удачной, иногда нет. Но, опять же, — проблема с провозом. Багаж и ручная кладь очень тщательно проверялись на наличие духовной литературы, которую конфисковывали, а дальше — допросы и объяснения: от кого, как, где и кому?

Совет Церквей начал подпольное издание Библий, и частично нужда восполнялась из этого источника. Но СССР большой, и литературы не хватало, а издание сопровождалось риском и большими трудностями.

Прослышав про миссию «Свет на Востоке», Николай стал искать контакты с ней. Хорошему знакомству с миссией помог друг Виктор Бланк, который, к счастью, в 1976 году уехал с семьей в ФРГ на постоянное жительство. Перед выездом в Германию друзья заключили договор, что Виктор будет оттуда высылать духовную литературу, притом в большом количестве. Для выполнения своего обязательства Виктор пошел на служение в миссию «Свет на Востоке» и сразу же начал высылать бандероли от себя и от других лиц.

Но опять возникли трудности. На границе эти бандероли отправлялись назад в Германию, и на отправителя налагали штраф за каждую отправленную им бандероль. Горячие молитвы понеслись к Богу о насущной нужде народа Божьего.

И Бог вразумил брата Виктора попробовать другой путь. Он узнавал, кто собирается ехать туристом в Москву, Ленинград или Одессу, и просил их взять несколько Библий. Много Библий через границу не проходило, но по одному экземпляру иностранцы имели право провозить через любую границу как свою собственность.

Также ехали туристы с литературой из социалистических стран. Но нужны были надежные адреса в тех городах, куда они приезжали.

Найти в то время надежных, притом смелых людей, было не так просто. И часто Николаю приходилось ехать на встречу самому. Это было связано с большим риском. Ведь вместо иностранца мог оказаться и чекист. И тогда — беда, вплоть до суда и тюрьмы. Но Николай во имя Господа и ради Божьего народа шел на такие опасные встречи.

Николай брал с собой старшую дочь, которая издала наблюдала за такой встречей, чтобы хоть знать, арестовали отца или нет, и на чем и в какую сторону его повезут. И снова проблемы с доставкой литературы домой.

Одним словом, чтобы поступила Библия во Фрунзе, ей нужно было пройти долгий и тернистый путь. Братья же, получая Библию в подарок, даже не подозревали, какой ценой она досталась.

Николай с первого дня своего служения дарил Библию всем братьям, избравшимся на служения в общинах, а также диаконам и пресвитерам при их рукоположении. Молодые люди, которых он сочетал браком, также получали в подарок Библию как основной закон своей семейной жизни.

В дни рождения и юбилеи многие братья и сестры получали такой же драгоценный подарок, так что Библий требовалось все больше и больше.

Виктор Бланк тоже не был удовлетворен теми крохами, которые мог отправлять через отдельных туристов. И он решил экспериментировать. С разрешения директора миссии, он покупал старенькие микроавтобусы, делал в них тайники и заполнял их до отказа духовной литературой. Затем сам, а иногда находил брата-христианина, ехал, как автотурист, в СССР.

Это уже была хорошая партия Библий и Евангелий. Через границу, несмотря на тщательный досмотр, как правило благополучно проходили почти все автобусы — литературу как ни искали, не находили. Но проблема была в другом: как разгрузить эту партию литературы, чтобы ее не конфисковали. Ведь все туристические машины обязательно ставились в гаражи при гостиницах, а выезд на них туристов контролировался чекистами. В те годы опасались всех иностранцев, подозревая их в шпионаже и считая врагами социализма, а равно и тех, кто общался с ними.

Николай до сих пор помнит, как за ним и Виктором гонялись по Одессе чекисты, желая взять их с поличным. Целый день и на автомобиле, и пешком, и на общественном транспорте чекисты города Одессы бегали и ездили за ними. Но Бог чудесным образом хранил Своих слуг и скрывал их от зорких глаз КГБ. И еще более чудесно сохранил литературу при ее выгрузке и транспортировке. Господи! Слава Тебе, слава! Твоя премудрость превыше всей мудрости человеческой!

Началось «потепление» в отношениях с капиталистическими странами, и Николай выехал в Германию в гости к своему другу Виктору Бланку. Друзья посетили с десяток общин «русских немцев» с просьбой помочь духовной литературой. Убеждать в дефиците литературы не приходилось: все недавно выехавшие из СССР сами хорошо знали это и по просьбе Николая перечисляли средства на счет миссии «Свет на Востоке». Миссия, добавив свое пожертвование, направила в Киргизию официальный груз — большой двадцатитонный контейнер духовной литературы: Евангелия, Библии и очень много литературы для детей. Во всех общинах Киргизии была большая радость и славословие Богу! Это была большая помощь народу Божьему.

Потом Виктор Бланк в шутку говорил: «Горбачев лишил меня работы, сделав легальным провоз духовной литературы через границу».

Большую помощь литературой оказали работники миссии, выехавшие в ФРГ из Киргизии. Неоднократно Николай пользовался их поддержкой в получении духовной литературы. К концу его служения старшим пресвитером нужды в духовной литературе уже не было: все общины Киргизии были обеспечены до избытка. Много благодарственных молитв к Богу вознеслось за братьев Цорн и Бланк, оказавших братское внимание и действенную любовь. Господь да благословит их и сейчас, что могут делать во имя Господа, пусть делают: у Него не останется незамеченной даже чаша холодной воды, поданная во имя Христа! А разве это не высшее духовное удовлетворение знать, что кто-то еще в тебе нуждается и что сделанное во имя Господа дело приятно для Христа!

Нехватка времени — тоже проблема. Николай в начале своего служения поставил себе целью посещать общины регулярно, что он и делал на протяжении двадцати трех лет, посещая за год каждую общину не менее четырех раз, то есть один раз в квартал, а некоторые малые общины и до десяти раз в год.

Участие в собраниях, беседы с руководством церкви, беседы с членами церкви, членские собрания, подготовка к избранию и избрание служителей в церквях, помощь в решении проблем и другие вопросы — все это входило в его служение.

Кроме посещений, он еженедельно, по четвергам, принимал членов церкви и пресвитеров в своей канцелярии.

Пресвитера, помимо встреч и бесед с Николаем у себя в общинах и у него в канцелярии, смело посещали дом старшего пресвитера, зная, что двери этого дома для них открыты в любое время дня и ночи. Домашние уже знали:

если раздастся звонок в два часа ночи, значит, приехали братья из Ленинполя; если звонили в шесть утра — это, должно быть, братья из Рот-Фронта, если стучали в дверь в одиннадцать вечера — это братья из села Романовка, в восемь тридцать утра приезжали братья — значит, их вызывает уполномоченный совета по делам религий, и нужно идти вместе с братьями, так как подавляющее большинство пресвитеров и других служителей не ходили одни к уполномоченному.

К тому же Николай, избранный сначала в ревизионную комиссию, а затем — членом ВСЕХБ, немало ездил в Москву и по всему Союзу для ревизии старших пресвитеров, для участия в рукоположениях и избрании пресвитеров, для урегулирования конфликтов и т. д. Для этого тоже требовалось время, и приходилось нелегко, что вскоре отразилось на его здоровье.

Кроме того, в 1968 году Николай поступил на ЗБК (Заочные библейские курсы) в Москве. Для них тоже нужно было время: требовалось делать письменные контрольные работы и готовиться к экзаменам...

Николай попал в больницу с инфарктом, где его едва выносили. Целый месяц провел он в больнице. Выписавшись, он взялся за свое служение с удвоенной энергией — наверстывать упущенное время. Когда у него заболело сердце после освобождения от пресвитерства и он, спускаясь по ступенькам с кафедры, чуть не упал, «братья» со смехом говорили, что Николай притворяется.

По приезде в Америку врачи обследовали, как и всех прибывших в США, и сразу же положили в больницу, удивляясь при этом, как он жил с таким больным сердцем. Ему дважды делали операции на сердце, и Николай до сих пор носит в своем теле прибор — стимулятор, который помогает работать больному сердцу. Ежеквартально его вызывают на регулировку этого аппарата.

Отсутствие телефонов в домах тоже не облегчало служение — братьям по каждому поводу приходилось ездить друг к другу, что отнимало немало времени. Семья же Николая по четыре дня не имела никаких известий от него, когда он уезжал в дальние районы республики или за пределы Киргизии. Позвонить из другого города он не мог — дома телефона не было, а идти через весь город на почтамт у жены не было ни времени, ни возможности.

Трудности создавало и материальное положение. Пока Николай работал на гражданской работе, он получал большие деньги. Будучи холостяком, он много жертвовал для бедных и нуждающихся и не сделал для себя никаких накоплений.

Когда же его избрали старшим пресвитером с обязательным освобождением от гражданской работы и назначили ему жалование в 180 рублей ежемесячно, его семья стала нуждаться. Своего дома они не имели и снимали квартиры. Жена ушла с работы, потому что появились дети, а они не хотели отдавать детей в ясли и детсад из-за атеистического воспитания в этих детских учреждениях. Николай тогда сказал жене:

— Увольняйся с работы, и хотя будем жить беднее, но дети наши будут под твоим контролем и получают библейское воспитание.

Хотя жене жаль было оставлять работу на фабрике, где она проработала более десяти лет и где ее уважали как хорошего работника, она была согласна с таким решением. Таким образом, все их дети воспитывались матерью-христианкой, выросли, любя собрания, Библию и молитвы, и стали христианами. Сегодня они все члены церкви, и Николай благодарит Бога за Его благословения детям и осознает, что основное бремя воспитания детей легло на плечи жены Катюши, так как сам он часто бывал в разъездах и редко — дома.

За 23 года служения старшим пресвитером он только два раза был в отпуске. И за всю свою жизнь ни разу не был ни в санатории, ни в доме отдыха, ни на курорте. Для этого не было ни времени, ни возможности. Господь Сам подкреплял и посылал ему силы для выполнения его обязанностей.

Голода дети Николая не испытывали, но питались скромно: деликатесов в доме не бывало, мясное появлялось на столе один раз в неделю. Что такое черная или красная икра — дети не знали, шоколадных конфет почти не видели. Одежонку старшие дети берегли и передавали меньшим. Старшая дочь с самого малого возраста начала кроить и шить вместе с мамой одежду для себя и для своих братьев и сестер. Экономили на всем.

Но жена научилась готовить вкусные блюда из обычной картошки и макарон, овощей и всякой зелени. А Николай часто готовил «солдатский суп», в котором, кроме картофеля, соли и воды, ничего не было. Но такой суп дети ели с большим удовольствием.

Нередко семья ела только «тюрю»: в холодную воду сыпали сахар, клали нарезанный кусочками хлеб и перемешивали — это была вкуснейшая еда, особенно летом в жару.

Однажды к Николаю заехал Виктор Бланк и попал на такую «тюрю». Приехав домой, он сказал жене, что сегодня обед будет готовить он сам, притом для всех (у него была большая семья).

Жена очень обрадовалась и с охотой уступила ему место на кухне. Виктор взял большое ведро холодной воды, высыпал туда три пачки сахара, покрошил две буханки хлеба и пригласил всех к столу. И его семья тоже ела «тюрю» с большим аппетитом. Потом иногда они говорили:

— Давайте сегодня сделаем семейное блюдо Николая — «тюрю».

Вспоминается другой случай. В гости к Николаю заехал брат из села Ленинполя, Эдуард Валл, который сейчас живет в Германии. Дело было в обед, и потому вместе с семьей сел за стол и Эдуард. Хозяйка поставила на стол суп, нарезала хлеб, кто-то из детей помолился о благословении пищи и приступили к еде. Эдуард молча наблюдал за тем, как ели дети. Потом отведал этого супа. А вернувшись домой, рассказывал братьям:

— Я впервые попал к Николаю в дом. Они пригласили меня к столу. На обед был суп. Какой суп? Вода и несколько картошек в ней, и все. И это на обед?! Я, грешным делом, подумал: ну это, наверное, ради меня. Не может быть, чтобы так питался старший пресвитер и его семья. Я стал наблюдать, — продолжал он, — будут ли его дети и он сам есть эту похлебку. Но когда я увидел, как все они набросились на этот «суп» и еще попросили добавки, я понял, что у них такая еда постоянно. А я не мог есть эту бурду. Мои свиньи едят лучше, чем дети старшего пресвитера.

Буквально через день братья из Ленинполя, Роберт Экк, Эдуард Валл и Валерий Фризен привезли Николаю и его семье целую свиную тушу и сказали:

— Корми, Катя, своих детей. Пусть они поедят так, как едят в наше время все люди.

Катя пояснила, что и у них тоже бывает мясной суп или борщ, но только один раз в неделю.

В тот памятный вечер дети, благодарные Богу и братьям, наелись вволю мяса. А как тяжело было в суровую долгую зиму 1969 года!

В тот год семья Николая временно жила в доме родственников, выехавших в Сибирь. Печка в доме топилась плохо, к тому же уголь был как пыль и горел очень плохо. Печку топили день и ночь, с малым перерывом только для того, чтобы выгрести золу. Нужно было все время ее «кочегарить». С вечера печку «кочегарил» Николай, часов

до двух-трех ночи. Затем у печки дежурила его жена. Спали не раздеваясь. Дети же, по их словам, «перебирались в теплые края» — на маленькие деревянные скамеечки, поставленные прямо на плиту топящейся печки, там они и спали, сидя. Рядом с печкой стоял обеденный стол, на нем всегда стояло ведро питьевой воды, так как водопровода в доме не было. К утру вода в ведре замерзала и покрывалась коркой льда. И так жили всю зиму. На хороший уголь не было денег, а жаловаться братьям на материальные трудности Николай не привык. Но Бог и здесь не оставил их. Несмотря на такие условия, никто из детей не болел, им даже интересно было жить так, «как живут люди на севере», ибо Бог остается Богом везде и уповающим на Него воздает сторицею Своими благословениями. Слава Богу, благословляющему жить радостно и в скудости, и в холоде!

В трудные годы материальных лишений в памяти всплывали слова, сказанные бывшим старшим пресвитером Донецкой области Татарченко Иваном Яковлевичем. Дело было в 1969 году. В городе Загорске проходила международная конференция в защиту мира, куда из разных стран съехались делегаты различных конфессий. Конференция была созвана в Загорском монастыре.

На эту конференцию были приглашены братья и от ЕХБ: все старшие пресвитера республик и многие служители Союза церквей. Присутствовал также и Николай. Ночевали тут же, в монастыре, в кельях монахов. После конференции происходили беседы между делегатами. Православные священники очень интересовались зарплатами наших пресвитеров, особенно старших.

Братья сказали, что пресвитер церкви получает 100—120 рублей в месяц, а старший пресвитер республики — 180 рублей.

— Так мало? — удивились православные священники

и, не дожидаясь встречного вопроса, сами гордо заявили: — Мы получаем в пятнадцать раз больше.

— Да, — отвечали братья, — мы получаем столько, сколько получают люди на гражданской работе.

— Почему? Разве у вас малые приходы?

— Нет, приходы у нас есть и маленькие, и большие: по семь — десять тысяч и более членов в республике или области.

— Нет! Так жить нельзя, — протестовали они. — Писание говорит, чтобы у вола молотящего была пища. Вам нужно требовать большую зарплату, — учили они.

Тогда Татарченко сказал:

— Да, Писание разрешает кушать пищу волу молотящему, но не объедаться, иначе он не будет молотить. А что мы получаем мало, так это потому, что мы здесь, на земле, получаем за свой труд только аванс, а полный расчет будет произведен на небесах. А вы получаете все сполна здесь, на земле.

Священники переглянулись и замолчали, затем перевели разговор на другие темы.

Эти слова: «Мы получаем на земле только аванс, а полный расчет будет на небесах», Николай помнил всегда, и это тоже утешало в трудные дни.

Да, горе тем служителям, которые служат только ради mzды и стараются получить на земле как можно больше, для чего даже иногда хитрят, лицемерят и лгут. А что будет им в вечности? На что они рассчитывают? Чего ожидают? Что они услышат от Господа? А каково их бедной пастве? Ведь и они заблуждаются вместе со своими руководителями!

Христос учил: **«Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму»** (Мф. 15:14).

Как приятно будет услышать ласковые и нежные

слова Спасителя: «Хорошо, добрый и верный раб! Войди в радость господина Своего».

Эти слова услышат те, кто совершал служение ради Господа, кто довольствовался малым, кто не ставил целью сладко есть и мягко спать, кто не был сребролюбив, кто не гнался за генеральскими погонами и мягким креслом! Ведь это все временное, оно скоро пройдет и, кроме горького разочарования и сожаления, ничего не принесет здесь, на земле, а в вечности и тем более.

Трудитесь же, дети Божии! Старайтесь печься не о себе, а о народе Божиим! Стремитесь приобретать богатства вечные, непреходящие, богоугодные Богу для своего вечного блаженства и для блаженства тех, кто рядом с вами, кто идет за вами, кого вы наставляете, кого однажды искупил Христос!

Глава 4

БЛАГОСЛОВЕНИЯ И РАДОСТИ В СЛУЖЕНИИ

Эту главу хочется начать словами патриарха Иакова: **«Недостойн я всех милостей и всех благодеяний, которые Ты сотворил рабу Твоему...»** (Быт. 32:10).

Кто-то сказал: «Если на небе появляются тучи и закрывают солнце, то только для того, чтобы пролиться на землю благодатным дождем». Так бывает и в нашей христианской жизни: «Чем глубже скорбь, тем ближе Бог!» Эти скорби создает Сам Бог, или же позволяет это делать злым людям!

Все трудности в служении Николая старшим пресвитером, допущенные Богом, были превращены Богом же в потоки благословений!

Начну в том порядке, в каком писал о трудностях.

Первая трудность в служении — было тяжелое наследие в общинах, оставленное его предшественником. Николай, наученный еще в Сибири не идти на компромиссы с совестью, но служить Богу по-евангельски, пришел в уныние от духовного и организационного состояния общин.

Его горячие молитвы к Богу и молитвы его друзей укрепили Николая в его планах и действиях по возрождению духовной жизни церквей. Ныне покойный Я. И. Жидков сказал ему: «Ну ты, брат, начал свое служение с духовной революции».

На что Николай ответил:

— Но ведь революция принесла свободу народу и лучшую жизнь! Не так ли, Яков Иванович?

— Оно-то так, но времена другие, — по-отечески пожалел он. — Да и в революцию многие погибли и погибают сегодня...

— Но ведь с нами Бог! И революция чисто духовная!

В тот памятный для него день в Москве, после беседы в Совете по делам религий при Совете Министров СССР, а также в канцелярии с Я. Жидковым и А. Каревым Николай еще более убедился в правильности выбранного им пути. После долгой и открытой беседы с руководящими братьями Совета Союза ЕХБ был достигнут негласный договор: если братья, руководство Союза ЕХБ, не могут помочь в «его революции», то они, во всяком случае, не будут мешать. Что они, к их чести, и сделали.

А потом, на встречах в Москве, они называли Николая «евангельским революционером». Он принимал свое новое имя с готовностью, потому что оно ему соответствовало.

Года через два общины ЕХБ в Киргизии преобразились. Началось пробуждение церквей под действием Духа Святого и духовное возрождение Божьего народа — мо-

литвенные дома, наполненные детьми и подростками; молодежные хоры и оркестры; молодые служители; молодежные общины в молитвенных домах и на лоне природы; посещение проповедниками и певцами соседних общин; ежегодные республиканские совещания служителей всех общин с отчетом старшего пресвитера без присутствия представителей власти, (что было нормой в других республиках); деловые членские собрания в общинах без согласования с уполномоченным; открытые массовые водные крещения, в том числе молодежи, а не только достигших 18-летнего возраста, крещения в горах.

Со временем эти тайные крещения становились явными, и за это приходилось держать ответ. Но радость новых членов церкви, их первая любовь и ревностный труд во славу Господа снова и снова побуждали идти на такие тайные крещения, вопреки законодательству о религиозных культурах. Но главное было сделано: люди без помех принимали водное крещение по вере.

С этим связано много воспоминаний. Вот одно из них. В церкви города Фрунзе покаялся один военнослужащий, занимавший видное положение в воинской части. Его крещение состоялось в горах, и он стал членом церкви, потом нес служение не только проповедника, но и пресвитера одной из церквей в Киргизии, в городе Оше.

Но были и такие видные люди, которые не побоялись принимать крещение вместе со всеми, при многих свидетелях. Так, одна сестра, будучи членом партии и депутатом городского совета, на свое крещение пригласила своих сотрудников и друзей, и засвидетельствовала перед ними свою веру в Иисуса Христа.

На следующий день Николая вызвали в кабинет уполномоченного по делам религий, где пришлось выдержать натиск противников Божиих.

— Как ты смел коммуниста, депутата горсовета крес-

тить вместе с прочими отсталыми и темными людьми, уравняв ее с другими?! Это унижение и посягательство на свободу личности...

— Я крестил ее по ее желанию, исполняя ее волю, так что посягательства на ее свободу не было. И хотя она депутат горсовета и коммунист, — у нас все равны, независимо от должности и места работы. Но я все же сделал ей исключение: ее я крестил первую, таким образом предоставил ей привилегию перед другими. Вы меня должны хвалить, а не ругать за это крещение, — добавил Николай.

По этому вопросу вызывали как служителя, так и нового члена церкви и в другие инстанции: в горсовет и даже в Совет Министров Киргизской ССР.

Таким образом, ее крещение превратилось в свидетельство веры в Бога и в Голгофскую жертву Иисуса Христа высокопоставленным людям, и этому способствовали власти, сами того не желая.

А сколько славы Богу принесли эти люди через свое обращение и последующую жизнь!

Много радости и духовного удовлетворения приносило сознание того, что за период двадцатитрехлетнего служения Николая власти не лишили регистрации ни одного пресвитера, ни одного служителя, несмотря на большие старания некоторых деятелей.

Избрание братьев на пресвитерское служение происходило уже не по указанию властей, а по доброму и единодушному решению поместных церквей!

Случались трудности: уполномоченный не хотел признавать таких братьев пресвитерами общин и отказывался выдавать им справки о регистрации. Но, опять-таки, — это было не в его пользу, так как братья не являлись к нему по вызову (ведь он не признавал их за пресвитеров), но служение в церквях они продолжали выполнять как избранные народом и для народа. По прошествии некоторого

времени братьям выдавали свидетельство о регистрации, тем самым признавая их как пресвитеров.

Слава Тебе, Господи, за Твою властную руку и здесь!
Мы ее видели и за это преклоняемся пред Тобою!

А какая радость наполняла сердце, когда студенты медучилища и медицинского института благодаря ходатайству снова сдавали экзамены — в присутствии служителя — и получали хорошие оценки и дипломы об окончании училища и института! Воистину, Николай ощущал тогда верность евангельских слов: **«страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены»** (1 Кор. 12:26). А это значит, что их радость передавалась ему, и это была радость для души!

Бывшие члены общины в Ленинполе, ныне проживающие в Германии, наверное, не забыли празднование столетия своей церкви, когда все силы ада старались не допустить этого праздника. Но праздник состоялся и стал ярким свидетельством для властей села, области, столицы республики и даже Москвы.

Николай и сегодня во всех подробностях помнит этот день и очень благодарен брату из Рот-Фронта, который нашел в себе мужество зачитать на празднике, в присутствии властей, историю этой церкви!

А строительство молитвенного дома в городе Фрунзе в 1975 году? Это было первое в СССР строительство нового молитвенного дома. До этого общинам разрешали покупать частные дома, выбрасывать внутренние стены, чуть-чуть поднимать потолок — и все. Но чтобы на новом месте строить новый молитвенный дом?! Этого в практике советской власти в послевоенное время не было. Но сплоченное братство выдержало тяжелое испытание и добилось разрешения на строительство нового дома. Уговаривать

братьев купить частный дом и перестроить его приезжали из Москвы как представители Совета по делам религий, так и братья из ВСЕХБ, в частности С. П. Фадюхин, а сколько раз по этому вопросу вызывали Николая в Москву в Совет по делам религий!

Но поместная церковь продолжала молиться, а братья обращались снова и снова во все инстанции. И вот, наконец, в 1975 году, весной, власти официально разрешили общине купить и оформить на церковь два частных дома. Объявили субботник, на который пришли почти все верующие. За один день разбили эти два шлакоблочных дома и вывезли на свалку, подготовив участок для строительства нового молитвенного дома.

Как радостно и дружно, в две смены, работали все, от малого до самого старого. На стройку приходили мужчины и женщины, дети, подростки, молодежь и совсем старые люди. Всем находилась работа, и все работали от души, как для Господа!

Стройку возглавили братья Виктор Бланк, как прораб, и Николай, как инженер. Эту стройку никогда не забыть всем ее участникам! К осени этого же года новый молитвенный дом был построен и принят государственной комиссией на «хорошо», хотя вся комиссия была единодушна в мнении принять построенный молитвенный дом на «отлично». Но, чтобы не унижать строительство других важных государственных объектов (ибо во Фрунзе лишь два объекта были приняты на «отлично», комиссия предложила остановиться на оценке «хорошо», с чем согласились и братья).

Особый интерес вызвали у представителей Госстроя круглые железобетонные колонны в зале молитвенного дома, несущие на себе всю тяжесть балконов. Бетонные с арматурой колонны были обрамлены воронеными нарезанными стальными полосами из труб и сварены изнутри. Как,

каким образом, где секрет их красоты и надежности? Как можно было варить внутри этого корпуса, уже залитого бетоном?!

Все, кто бывал в молитвенном доме города Фрунзе, знают, что под домом находится просторное и благоустроенное подвальное помещение. Но мало кто знает его историю. Такой подвал братьям не разрешали. И в проекте его не было. Но братья знали, как он будет необходим для собраний молодежи, для общих обедов, для занятий с детьми и других церковных потребностей.

И поэтому при рытье котлована под фундамент была выбрана вся земля по размерам будущего молитвенного дома. Некоторые, не понимая задуманного, говорили о лишней работе для экскаваторщика и для водителей, увозящих землю из котлована за город. Но братья делали. Тем более, что за дополнительное рытье котлована платить не приходилось.

Дело в том, что в одной ПМК братья взяли в аренду на одну субботу экскаватор вместе с экскаваторщиком, который оказался молодым человеком, близким к поместной церкви. Больше того, он присмотрел в общине одну девушку, на которой хотел жениться. Братья ему сказали:

— Если за арендованное время ты выкопаешь котлован, невеста будет твоя, не сумеешь выкопать — не отдадим ее тебе.

И он начал работать. Нет! Словами это не опишешь. Нужно было видеть, как он работал! Машины не успевали вывозить землю, хотя их было много. Он не вышел из кабины обедать — ему подали перекусить туда. Он все работал. И за один световой день он выкопал большой котлован.

Как только залили бетоном стены, сразу же перекрыли этот котлован железобетонными плитами, и стройка здания продолжалась уже на ровном месте.

Прошло какое-то время, и молитвенный дом был принят государственной комиссией; сменилось руководство города; и тогда Виктор и Николай пошли с заявлением к главному архитектору города за разрешением на строительство подвального помещения под молитвенным домом.

В первый раз из-за отсутствия главного архитектора их принял его заместитель, который прочитал заявление и, рассмеявшись, сказал:

— Вы что, с ума сошли? Вы хотите сами сесть в тюрьму и нас посадить? Кто же вам разрешит под действующим залом, всегда полным народа, делать подвальное помещение? Нет и нет! Этого не будет!

— Будет! — ответили братья.

Снова написали заявление и постарались выбрать время так, чтобы их принял сам главный архитектор. В ту пору архитектором был разумный и деловой человек, Кутателадзе Геннадий Платонович. Он хорошо относился к братьям и знал о существующем подвальном помещении, но просил подождать, чтобы его узаконить.

Братья рассказали архитектору о своем первом посещении и о разговоре с его замом и попросили Геннадия Платоновича подписать их заявление. Тот вызвал своего зама и дал прочитать заявление братьев. Еще не дочитав до конца, тот снова рассмеялся и сказал, что просители уже были у него и он отказал им в прошении, и опять начал говорить о том, что у баптистов желания большие, но головы не работают.

Надо же, до чего додумались! Для них никаких правил не существует. Много и другого нехорошего он говорил в адрес братьев.

После его большой и осуждающей речи главный архитектор взял заявление, наложил резолюцию: «Разрешаем строительство подвального помещения» и подписался, а также попросил подписать и зама. Тот вскочил и закричал,

что он этого никогда не сделает, а Геннадий Платонович пожалеет об этом не раз. А главный спокойно сказал:

— Думают они. У них тоже есть мозги. И они знают все правила строительства.

Затем, обращаясь к братьям, спросил:

— У вас есть здесь машина?

— Есть! — был ответ.

— Тогда берите его и везите, чтобы он посмотрел сам, а мне у вас делать нечего! (Он уже это помещение видел.)

Братья повезли заместителя к молитвенному дому и там, при входе в зал открыли в стене крышку люка и включили свет. Тот просунул голову в отверстие и увидел уже готовое чистое подвальное помещение, ярко залитое электрическим светом.

— Как? Оно у вас готово уже? Когда вы его сумели сделать?

— Уже давно. Еще перед началом строительства молитвенного дома, притом с соблюдением всех строительных правил.

Удивленный и обескураженный, заместитель рассказал главному архитектору о том, что он увидел, и после разъяснения Кутателадзе тоже подписал разрешение на «строительство» подвала. А главный архитектор сказал:

— Молодцы баптисты! Если бы строители планировали под каждым жилым домом такие подвальные помещения, не шлялась бы наша молодежь по улицам в поисках приключений. Сколько детских и молодежных клубов появилось бы без лишних затрат на строительство!

Братья же, разобрав в стене заранее запланированную дверь в подвал и организовав штукатурку стен в подвале и побелку, подарили общине еще одно большое и прекрасное помещение. Только тогда поняли их замысел те братья, которые возражали против рытья котлована под всем молитвенным домом.

Господь был со Своим народом, и Его водительство и охрана сопровождали стройку! Слава Ему за Его попечение!

В первый день работы, в субботник, когда разбивали и увозили на свалку два дома, подъехала машина с бочкой, бочку отцепили, и женщина в белом халате попросила подойти к ней руководителей стройки. Братья спросили:

— Что вы хотите?

— Я хочу поить квасом ваших людей в течение всего дня, сколько вы будете работать, — ответила она.

— Сколько стоит весь ваш квас, вся бочка?

— Это вас не касается. Я хочу поить вас бесплатно. И делаю это от всего сердца.

— А квас ваш хорош? Не заболеют ли рабочие после него?

— Что вы?! Квас совершенно свежий, притом я сама вымыла перед этим цистерну, будьте спокойны. Все будет хорошо!

— Ну тогда для начала разрешите нам отведать вашего кваса! — попросили братья.

Квас действительно был холодным, свежим и вкусным. В течение всего рабочего дня люди пили этот квас, благодаря эту женщину и Бога, что Он побудил ее сердце сделать доброе и такое нужное тогда дело!

А горячие пирожки, которые приносили соседи на стройку молитвенного дома! А общие обеды и ужины на стройке! Воистину, единая Божия семья! Какая сила и какое свидетельство окружающему миру!

«Баптисты строят новый молитвенный дом» — разнеслась весть по всему городу, и эта весть находила отклик в отдельных сердцах, которые много помогли тогда в приобретении дефицитных материалов, таких, как цемент, арматура, железобетонные перекрытия для подвала и потолков. Да воздаст Сам Бог за все доброе, что сделал

кто-либо во имя Господа для Его наследия! И Он это непременно сделает!

А разве не Господь и не Его благословение в короткие сроки до избытка удовлетворили нужду христиан в духовной литературе?!

Вспоминается большое водное крещение по вере в церкви города Кант, когда вместе с пожилыми людьми десятки молодых засвидетельствовали о своей готовности идти за Христом. Пресвитер церкви, брат Мартенс Иван Иванович, пригласил Николая на это крещение для участия в возложении рук. Как приятно было поздравить всех вновь принявших крещение и в знак этого подарить им всем по новому сборнику духовных песен, тогда еще бывших в большом дефиците. Не забыть Николаю их лиц, светившихся неземной радостью, когда они бережно держали в руках дорогие сердцу сборники духовных песен!

Не забыть и тех посещений лечебно-трудовых профилакториев по лечению алкоголиков и наркоманов (ЛТП), а также тюрем. Николай с большим трудом добился этого права — через министра внутренних дел республики. История первого посещения ЛТП была очень интересной. В беседе с министром внутренних дел республики Николай, доказывая полезность посещения профилакториев, сказал, что их пациенты, будучи изолированы от общества, к тому же сами будучи недалекими людьми, совсем одичают. А верующие их будут воспитывать, разъяснять о вреде алкоголя и наркотиков, приобщать к светской и духовной жизни.

На это министр ответил, что все находящиеся в ЛТП люди грамотные и воспитанные, потому что к ним приходят с лекциями и даже с концертами, к тому же они и сами выступают в художественной самодеятельности.

Николай попросил пригласить его на одно из выступлений пациентов ЛТП. Тот охотно согласился, и через не-

делю Николай был приглашен на такой концерт. В назначенное время он был в ЛТП, где его встретили и провели в клуб. Первым номером шла песня: «Партия — наш рулевой!», о чем громко и торжественно объявил ведущий. Нестройно, но достаточно громко, хор исполнил эту песню.

Николай сидел, слушал и не знал, что ему делать: смеяться или плакать, оставаться на этом концерте или бежать! Он попросил сидящего рядом с ним начальника проводить его — он больше не может быть здесь.

— Почему? — удивился тот. — Не понравился концерт? Но это только начало.

— Слава Богу, что только начало! — отвечал Николай и встал. Начальник проводил его из зоны.

На следующий день Николай был у начальника ЛТП, а затем, вместе с ним, — у министра внутренних дел, где состоялась откровенная беседа об услышанной песне.

— Подумайте, — объяснял Николай, — алкоголики и наркоманы поют, что рулевой у них — партия. Безразлично, когда у них партия была рулевым: до прибытия в ЛТП, куда привела их партия, или сейчас, когда они продолжают идти путем наркомании и алкоголизма под водительством партии?! А что скажет партия, когда услышит эту песню?!

Когда до министра дошло, он не на шутку испугался и сказал:

— Как хорошо, что на этом концерте не было никого из руководства республики.

Он искренне поблагодарил Николая за подсказку. И тогда же охотно разрешил Николаю с верующими посещать не только ЛТП, но и тюрьмы. А начальнику пожелал быть более внимательными к репертуару концертов и чаще встречаться для обсуждения программы с Николаем.

ЛТП и тюрьмы вначале разрешали посещать с большей осторожностью и опаской: начальство не было уверено в безопасности этих посещений, а равно и в их пользе. Пер-

вым посетителям разрешали заходить по несколько человек, притом обязательно в сопровождении вооруженной охраны, но вскоре успокоились. Когда после первого же посещения тюрьмы заключенные выходили из клуба, где состоялась встреча с верующими, утирая слезы и взявшись за руки с нашими братьями и сестрами, удивлению администрации тюрьмы не было предела.

— Как? Эти «ээки», чьи руки в крови, могут плакать? Разве есть у них сердце? Разве не опасно идти рядом с ними вашим людям? Как вы можете им доверять?!

Но верующие доверяли. Шли с общений, взявшись за руки, обнимались при расставании. Начальство ЛТП и тюрем вскоре убедилось в пользе таких встреч.

Однажды начальник тюрьмы по телефону разыскал Николая и попросил срочно, прямо сейчас же, приехать к нему по очень важному делу.

Николай тотчас же отправился к нему. Тот его уже ждал на проходной. Быстро оформив пропуск, повел его в тюрьму.

Зашли в одну из камер, где сидел в наручниках рослый сердитый человек.

— Вот полюбуйся! Он хотел меня убить!

— Почему вы так решили? — в свою очередь спросил Николай.

— Он сам в этом сознался, даже написал в письме.

И, вынув из кармана письмо, подал Николаю. Действительно, писавший сознавался, что хотел убить начальника тюрьмы. Убить за его произвол и издевательства над заключенными. Но дальше этот человек писал, что под влиянием верующих, их проповедей и песен он решил не марать свои руки в его нечистой крови.

— Это вы написали письмо? — спросил Николай сидящего на нарах заключенного.

— Да, я, — ответил арестант, не поднимая головы.

— Так это хорошо! Очень хорошо. Он хотел вас убить, но решил этого не делать, ведь тут ясно написано.

— Но я ему не верю, — прокричал начальник. — И поэтому приказал посадить его в одиночную камеру и надеть наручники.

— Не делайте этого! Снимите с него наручники и отправьте его в общий барак, — попросил Николай.

— Я этого не сделаю! Я его сгною в карцере! — кричал майор.

Николай попросил его выйти с ним на улицу, где и состоялся долгий и обстоятельный разговор о необходимости снятия наручников с заключенного и отправке его в барак. Наконец начальник согласился, и они снова вошли в карцер. Там этот человек стоял на коленях и не заметил, как они вошли. Но как только он почувствовал их присутствие, он вскочил и сел, отвернувшись к стене. Майор вместе с Николаем подошли к нему ближе и увидели, что по его щекам катятся слезы. Страшно было видеть этого мрачного человека-убийцу плачущим. Майор подошел и снял с него наручники. И тут этот человек снова упал на колени и громко зарыдал! Николай подал знак рукой оставить его с ним наедине. Начальник вышел.

Николай обнял рыдающего и сам заплакал вместе с ним. Так они, плачущие, простояли на коленях несколько минут, затем этот страшный человек крепко обнял Николая и опять зарыдал. Служитель начал вслух молиться Богу и просить Его утешить плачущего, простить ему все грехи и успокоить его, а если Бог хочет, то и освободить его из тюрьмы. Постепенно арестант успокоился, поднял голову, посмотрел на Николая и крепко его поцеловал. Оба встали с колен. Сели на нары, и заключенный начал рассказывать историю своей несчастной жизни.

Несколько раз дверь камеры открывалась. Но пресвитер снова и снова давал знак не мешать.

История этого человека была потрясающей: на его счету было пять убийств, шесть судимостей и в итоге — пожизненное заключение.

Озлобленный на всех и вся, не имеющий никакой надежды, никем и никогда не приласканный, он уже дважды пытался наложить на себя руки и уйти из этой жизни, но ему не дали совершить это страшное дело.

Пресвитер, как мог, утешил его, пообещал за него молиться и написать ходатайство в Москву.

При следующем посещении Николай подарил ему Новый Завет и узнал лично от него, что он продолжает молиться Богу. Начальник тюрьмы тоже отзывался о нем хорошо и вскоре послал его на строительные работы, назначив бригадиром. Николай, в свою очередь, рассказал ему о своем ходатайстве за Алешу и попросил начальника содействовать его освобождению.

Начальник не перестал опасаться за свою жизнь и настоятельно просил в ближайшую субботу снова посетить их с группой верующих.

— Почему такая спешка? — радуясь его просьбе, спросил Николай. — Ведь опасность от этого человека миновала. Алеша больше ни на кого не поднимет руку!

— Да, он не поднимет на меня руку, но, может быть, в нашей тюрьме есть другие желающие со мной рассчитаться. А я хочу жить!

— Вы боитесь за свою временную жизнь, почему же вы не спешите позаботиться о вечной жизни? Хорошо, мы будем у вас в эту субботу, но вы тоже сделайте надлежащий вывод и не будьте такими строгими с заключенными, будьте к ним более милосердны, им и без того здесь трудно, да еще ваши несправедливые придирки и наказания...

Майор пообещал изменить свое отношение, но просил провести беседы с заключенными, боясь за свою жизнь.

Как радостно видеть тех, кого Христос меняет и наружно, и внутренне, возрождая к новой жизни! Кто-то сказал: «Если дьявол делает из скромных овечек кровавых волков, то Христос превращает даже свирепых волков в скромных овечек». И это большее чудо! СЛАВА БОГУ за чудеса Божии, которых и сегодня немало!

Порой благословенные уроки получаешь там, где не ожидаешь! Так у Николая было с посещением «Дома престарелых». Недалеко от Фрунзе есть такой дом. Туда однажды и направился он с группой сестер, чтобы ободрить пожилых людей и порадовать гостинцами.

По причине приезда гостей обитатели этого дома собрались в зале. Раздали всем подарки, спели песни, рассказали несколько стихотворений, и Николай стал говорить им слово утешения из Библии, прочитав Псалом 91 (ст. 13—16). Как только он назвал их старцами и старицами, «дожившими до старости», один из присутствующих встал и, перебивая его проповедь, бодро сказал:

— Ты нас не называй стариками! Мы еще не дожили до старости!

Николай даже растерялся от неожиданности и удивленно обвел глазами зал. Да, перед ним сидели старики и старушки. Не понимая, он спросил:

— А как же вас надо называть? Сколько вам лет? И какого возраста все остальные?

— Мне только семьдесят два, а самому старшему — только восемьдесят четыре!

Николай молчал, не зная, что и сказать в оправдание своих слов и как дальше называть сидящих перед ним людей. Выручил тот же самый «еще не старый» обитатель этого заведения:

— Выйди наружу, молодой человек, и прочитай вывеску над нашим домом.

Николай вышел и прочел «Дом престарелых». Он обрадовался и, войдя в зал, сказал:

— Там написано «Дом престарелых». Я так вас и называл: «достигшие старости». — И, глядя на перебившего его старичка, продолжал, что он ничем не обидел присутствующих и называл их правильно.

— Ты правильно прочитал, — продолжал недовольный, — но ты неправильно говорил. Мы престарелые. Мы только престарелые, но еще не старые. Мы люди, живущие перед старостью, мы — престарелые, — радостно и с видом победителя закончил он, — наша старость еще впереди. И мы еще кое-что можем!

— А когда же начинается старость?

— Она начинается тогда, когда сам человек считает себя стариком. Он может быть стариком и в тридцать лет.

Николай закончил свое выступление перед престарелыми, не называя их больше стариками, пожелал им благословений Божиих и, помолвившись с ними и о них, ушел. Он уносил в памяти только что происшедший разговор и некоторые уроки из этого посещения.

Один полезный урок Николай помнит и сегодня, когда ему вот-вот исполнится семьдесят лет: не бояться приближающейся старости, не плакать, не унывать и не роптать, не считать себя уже совсем негодным человеком, но радостно встречать эту старость, памятуя о том, что «детство и юность суждены почти всем, а старость — только избранным». Ведь что мы стареем, в этом нет нашей вины — так определил людям Сам Бог! А нам, христианам, тем более не следует пугаться старости, ибо мы имеем «благословенную старость — детство вечного бессмертия».

Блажен, кто в старческие годы

Всю свежесть чувства сохранил,

В ком испытанья и невзгоды
Не умертвили духа сил!

А вам, молодые, хочется сказать, чтобы вы не становились стариками в тридцать лет! Но, считая себя молодыми, не забывайте стариков.

На стене одного из домов престарелых была надпись: «Мы еще не совсем забыты!»

Дети! Помогите старым людям почувствовать, что их еще любят и что их не забыли!

Облегчи старому путь,
Помоги хоть малость,
И ты поймешь когда-нибудь,
Что такое старость!

«Старость – это когда ты все знаешь, можешь ответить на любые вопросы, но тебя уже никто об этом не спрашивает!»

Здесь уместно вспомнить одно знаменательное событие, оставившее глубокий след в жизни Николая. И хотя событие это непосредственно не относится к его служению, однако потом оно не раз помогало ему в служении, при беседах с неверующими людьми.

Это было после окончания средней школы, когда он, семнадцатилетний юноша, с другими учениками оказался в Ленинграде. Рядом с городом находится село Пулково, где на холме еще до революции была основана большая астрономическая обсерватория. Там и побывал Николай дважды: днем и ночью. И не только побывал, но имел счастье посмотреть через большие телескопы ночью — на звездное небо, а днем — на солнце. Это невозможно передать словами!

Величественное зрелище открылось глазам Николая. Большие звезды, словно светящиеся тарелки, мерцали таинственным светом на темном небе; небосклон прорезали молнии падающих звезд; само небо, казалось, приблизилось к земле. Это было ночью.

Служащие обсерватории объяснили, что самое точное время сверяется с проходящей через черту телескопа определенной звездой, которая, пройдя за сутки свой путь, ровно в двенадцать часов ночи возвращается в это же самое место и проходит эту же черту, нанесенную на стекло телескопа. И так — тысячелетия.

А днем на солнце смотреть через телескоп было страшно. Раскаленный большой шар повис в воздухе. Из этого огненного шара вырывались мощные протуберанцы, словно длинные языки пламени, и опять втягивались в него. Видно было, что солнце глубоко и тяжело дышит, потому что вся его огромная масса вздувалась, бурлила и ни минуты не оставалась в покое. Казалось, еще мгновение — и вся эта клокочущая огнем масса упадет на землю. Стоявший рядом с телескопом астроном пояснил, что солнце сегодня ведет себя как обычно, мирно. Но так бывает не всегда, в отдельные дни солнце бывает очень беспокойно, и тогда картина представляется еще более впечатляющей!

Николай был потрясен увиденным, и вместе с благоговейным страхом в его сердце вошел восторг от величия, всемогущества и премудрости Творца прекрасной вселенной!

Объяснения давал астроном, человек уже в годах, с седой бородкой и большой лысиной. Когда Николай с товарищами стояли на площадке, Николай спросил у него:

— Как все это понимать? Одни говорят, что это Бог сотворил, другие — что это создала природа. Кто же прав?

— Думать надо, молодой человек, — был ответ.

Николай подумал: «Молодец, этот ученый. Я за такой

ответ готов был расцеловать его в лысину». Но это были страшные сталинские годы, когда о Боге вообще не говорили вслух, и чтобы не подвести астронома, Николай промолчал.

Присмирившие и затихшие ученики почти на цыпочках, с большим благоговением, спустились вниз и тихонько вышли из обсерватории.

Прошли годы, а Николай помнит увиденное и услышанное, как будто это было вчера, и вместе с Давидом повторяет: **«Господи, Боже наш! Как величественно имя Твое по всей земле! Слава Твоя простирается превыше небес!.. Когда взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его...»** (Пс. 8:2,4,5).

Трудности в служении Николая и козни врагов меркли рядом с любовью и доверием, которые проявляли к нему истинные дети Божии. Тому можно было бы привести немало примеров. Вот один из них.

Старший пресвитер Украины, Духонченко Яков Кузьмич, предложил Николаю переехать в Украину и принять служение старшего пресвитера в двух южных областях республики. Они начали всей семьей молиться Господу, чтобы узнать Его волю. Об этом узнали некоторые верующие. И вот однажды приезжают братья из церкви села Рот-Фронт и говорят, что община молится, чтобы Николай не оставлял служение в Киргизии. Следом за ними приехали другие братья, из другой церкви, с такой же вестью, и в тот же день еще были братья из других церквей и убедительно говорили о том, чтобы Николай оставался в Киргизии и нес дальнейшее служение.

Этого было достаточно, чтобы понять, что Господь оставляет его на служении в Киргизии. Заодно Николай убедился снова в доверии и братской любви со стороны истинных христиан и без колебаний продолжал свое служение

там, где его поставил Господь, несмотря на трудности и угрозы в его адрес.

Еще и сегодня Николай помнит те семьи, которые в любое время дня и ночи держали двери своих домов открытыми для него. И таких было много. Они были во всех общинах братства Киргизии. А сколько хороших слов хочется сказать в адрес пресвитеров общин Киргизии и членов пресвитерского совета, которые вместе с Николаем, дружно, в единстве духа и в союзе мира, несли служение.

Невозможно перечислить по именам и фамилиям всех искренних детей Божиих, ибо их очень и очень много. Все они оставили добрый след в жизни Николая, и Сам Господь даст им награду.

А крепкие братские рукопожатия после богослужений, а поздравления с днем рождения отдельных верующих и целых групп — с хоровым пением и струнным оркестром, а записки со словами ободрения, которые получал Николай в години тяжелых переживаний! Это вливало в душу бодрость и утешение.

Нужно отдать должное и Всесоюзному Совету Евангельских Христиан-Баптистов (ВСЕХБ). Многие христиане его критиковали и осуждали — как в своей стране, так и за рубежом.

Помню, как на одном из съездов ЕХБ в Москве генеральный секретарь союза баптистов одной из западных стран, говоря о ВСЕХБ, сказал, что ВСЕХБ — это «сухая кожа, стягивающая скелет умирающего человеческого тела и держащая все сухие кости вместе». Да, у братьев ВСЕХБ тоже были недостатки, и даже большие, но найдется ли даже сегодня, в годы религиозной свободы, пресвитер без ошибок и никем не осуждаемый?!

ВСЕХБ же нес служение в трудные годы воинствующего атеизма и все же сумел сохранять братское единение с общинами.

А что в те годы многие общины утратили должную духовную высоту, то в этом повинны пресвитеры поместных церквей. Где пресвитеры старались ходить в свете евангельского учения и угождать Господу, а не лукавому, там и церкви не принимали никаких антиевангельских предложений, от кого бы они ни исходили: от ВСЕХБ, от местных органов власти или от Совета по делам религий. В таких церквях и дети посещали собрания, и служение проходило богодухновенно и богоугодно. И таких церквей было много. Да, такие пресвитеры были неуютны властям, они много претерпели гонений и тюрем, но они выстояли. Другие же сознательно шли на преступления перед Богом и Его народом, перекадывая свою вину на ВСЕХБ.

Как уже было сказано выше, Николай в начале своего служения заключил негласный договор с руководящими братьями ВСЕХБ: Жидковым Я. И. и Каревым А. В., что если они не смогут ему помочь в служении, то не будут и мешать. Они свое слово сдержали.

Теплое воспоминание сохранилось о новом составе ВСЕХБ, и не потому, что он тоже значился там, но потому, что братья, видя наступление безбожия на церкви, не препятствовали служению на местах.

Когда генеральный секретарь ВСЕХБ, Бычков Алексей Михайлович, узнал, что все братство Киргизии, во главе со старшим пресвитером, первыми среди церквей в СССР выходит из экумении (Всемирного Совета Церквей, ВСЦ), его удивлению не было предела. И потом при встрече всегда беззлбно говорил:

— Независимая Киргизия прибыла!

Николаю даже нравилось это новое звание и тот ласковый тон, с которым Алексей Михайлович произносил его, обращаясь к нему.

А разве мешал кому-то в служении откровенный и простой в обращении с братьями Михаил Яковлевич Жид-

ков?! А Председатель ВСЕХБ Клименко Андрей Евтихьевич, который всегда по-отцовски относился к братьям? А сменивший его новый Председатель Клименко Василий Ефимович, живший жизнью большого многонационального братства? А Духонченко Я. К., Чернопяттов М. П., Мицкевич А. И., Гнида И. С. и многие другие братья? Кто может их сегодня осуждать?

Конечно, не все братья во ВСЕХБ относились к Николаю по-христиански и не все содействовали созиданию церкви, но таких было очень мало. Большинство же оставили в памяти Николая доброе воспоминание.

Однажды Николая вызвали в Москву в Совет по делам религий при Совете Министров СССР, потребовали от него добровольной отставки и приготовили документы об аннулировании его регистрации как старшего пресвитера. Николай до сих пор помнит боль на лице Логвиненко Василия Ефимовича и его срывающийся от волнения голос:

— Тогда и меня снимайте с регистрации, я больше не председатель ВСЕХБ, если я не имею права заступиться за своего пресвитера!

И он тогда отстоял Николая, отстоял ценой серьезного разговора в Совете по делам религий и конфликта с его представителями.

А как откровенно и благословенно проходили расширенные президиумы ВСЕХБ при братьях Логвиненко В. Е. и Бычкове А. М., когда на заседания президиума стали приглашать всех старших пресвитеров республик! Совещания проходили с откровенными разговорами и замечаниями в адрес друг друга, в том числе и руководителей союза. И никто не обижался.

К Божьим благословениям, что радовало сердце, следует отнести единство Божьего народа в Киргизии. В общинах Киргизии были люди разных национальностей, но основную группу составляли русские и немцы, которых

было примерно поровну. Были общины чисто русские и чисто немецкие, были и смешанные. Но несмотря на такой состав, национальных конфликтов среди верующих не возникало: все с уважением относились друг к другу. Конечно, были отдельные «очень русские» и «очень немецкие», но их было мало, и они погоды в общинах не делали. Есть в этом немалая доля труда пресвитерского совета при старшем пресвитере и пресвитеров поместных церквей, особенно смешанных. Служители Киргизии, воспитанные в духе евангельского братства, старались не допускать национализма.

К чести братства Киргизии нужно сказать и то, что за все долготейшее служение Николая, руководство Союзом ЕХБ ни разу не выезжало в Киргизию, чтобы улаживать какие-то разборки между братьями или в церквях, и ни разу для подобных целей не посылало представителей. А ведь у семи с лишним тысяч членом церквей тоже были разные характеры и, как у всех живых людей, возникали проблемы. Но служители Киргизии вместе с пресвитерским советом умели разрешать эти проблемы сами. Конечно, слава принадлежит только Богу и Его мудрому водительству!

Бог ниспосылал Свои благословения и через посещение церквей Киргизии братьями-проповедниками с других мест Союза. Так, однажды в Киргизию приехали два брата с Украины: Владимир и Рувим. Они проехали все общины в Чуйской долине и проповедовали везде, кроме тех общин, которые не захотели их принять. Их служение сопровождалось массовыми покаяниями и пробуждением грешников, что испугало противников христианства. Милиция буквально по пятам преследовала их. Чтобы не было возмущения в народе, решили арестовать их не на собрании, а на улице, после собрания. Но ни в одной церкви их не сумели задержать и арестовать.

Как охотились за ними в общинах Кара-Балта, Романовки, Канта, Красной Речке, Токмаке и в других местах! Братья же проходили мимо них вместе с другими верующими, и их не узнавали. Так они и уехали из Киргизии, сопровождаемые молитвами верующих и под покровом Всевышнего.

Как потом бесновались эти безбожники, не сумевшие найти братьев и схватить их!

Весь свой гнев и негодование они излили на старшего пресвитера и некоторых пресвитеров общин, где проповедовали братья. Но служители Божии с радостью претерпели, зная, что это принесло духовную пользу церквям и душам грешников.

Сколько благодарственных молитв от Николая и его семьи возносилось, и до сих пор возносится, к Господу за Его помощь в материальных затруднениях! Старшая дочь, еще будучи совсем маленькой шила платья своим куклам. И тогда Николай купил ей детскую швейную машинку, мешок уцененных лоскутов и обрезков ткани, и она начала кроить и шить платья, кофточки своим куклам, а потом — одежду младшим сестренкам и братишкам. Почти во все годы материальных лишений дочь всем детям и себе шила одежду из уцененных обрезков ткани. И она шила так хорошо, что люди думали, глядя на сшитую ею одежду, что эта одежда импортная. Это умение еще совсем маленькой девочки явилось большим благословением для всей семьи и послужило помощью в трудной жизни. Потом, повзрослев, она пошла работать, без всякой подготовки, в столичное ателье, где значилась лучшей закройщицей и швеей. Работая в ателье, дочь не забывала свою семью, и продолжала радовать своих родных обновками, сшитыми ее руками.

Особо значимую помощь в те тяжелые годы Господь послал через брата Виктора Бланка.

Как-то Виктор заехал домой к Николаю и был удивлен, в какой бедности жила его семья. Было действительно трудно: Николай получал малую плату за служение, его жена из-за детей не работала, к тому же у них был долг за купленную глиняную избу в районе города, называемом «нахаловка». Здесь люди сами, то есть «нахально» занимали участки земли, быстренько строили на них какие-нибудь хаты и жили. Семья пресвитера Николая купила такую хату, потому что они здесь были намного дешевле, поскольку не были официально оформлены и продавались по частным распискам.

Виктор проникся сочувствием к семье и предложил надомную работу. Его бригада тогда производила трости и шкатулки для безопасных бритв. Он привез тонкие фанерные наклейки на шкатулки с инкрустациями. Семья очень обрадовалась такой работе, и вечерами жена вместе с четырьмя детьми дружно трудились, и работа спорилась под звуки христианских песен.

Выточенные на станках тросточки Виктор привозил домой для шлифовки и лакировки. Эта работа была труднее, потому что нужно было работать с лаком, разбавленным ацетоном, который издавал неприятный запах, и становилось тяжело дышать. В комнате такую работу делать было нельзя, в коридоре лак застывал на тросточках белыми полосками, и такие тросточки браковали. Эта работа, особенно зимой, приносила много проблем, но семья от нее не отказывалась. Эту работу выполняли Николай с Катей ночью, после того как укладывали детей спать. Тогда они выходили в коридор, закрывали дверь в избу, чтобы туда не проникал запах ацетона, ставили электрическую печку и лакировали.

Нужны были деньги для выплаты долга за хату, и потому семья продолжала с готовностью и радостью работать, и долг был выплачен.

В 1976 году Господь снова, опять-таки через Виктора Бланка и его жену Лену, проявил Свою заботу о семье Николая, обрадовав их хорошим домом. В тот год Виктор получил разрешение выехать в Германию с семьей и близкими родственниками!

Приходит Виктор и говорит:

— Мне нужно еще семь тысяч рублей, притом срочно.

— Но у нас таких денег нет, — отвечал Николай.

— Продавайте свою хату и отдайте мне ваши деньги.

Мне они нужны, чтобы раздать остающимся родственникам, своих у меня не хватает, ведь вы мои друзья, — сказал Виктор.

— Ну хорошо, продадим, — согласился друг.

— Тогда пойдем на улицу.

Вышли на улицу, и Виктор на покрытых зеленой краской воротах пишет мелом: «Срочно продается дом».

В это время проходила соседка. Она остановилась, прочитала и спросила:

— Сколько же вы просите за дом?

— Мне нужно ровно семь тысяч рублей, — отвечал Виктор.

— Хорошо, — тут же согласилась соседка, — мы его берем. На днях сюда переезжает моя дочь и просила подыскать ей домик. Вот будет хорошо! Жить будем рядом.

В тот же день она принесла деньги, которые взял Виктор, здесь же составили договор купли-продажи, который подписали обе стороны, и на этом все закончилось.

Виктор уехал домой, пригласив Николая с семьей на прощальный ужин. На ужине было много родственников Виктора и семья Николая. Много говорили за столами и ели. Потом Виктор стал раздавать всем своим остающимся родственникам конверты с деньгами.

А Николай сидел и думал: вот уедет Виктор, а он остается без дома, на улице, а ведь у него уже пятеро детей.

Что он будет делать? Куда идти? «Пойдем на квартиру, нам не привыкать», — решил он.

Раздав конверты, Виктор сказал родственникам:

— Мы уезжаем, вы пока остаетесь, но скоро и вы уедете. Я вам дал деньги, дома вы все имеете неплохие, в общем, жить можно. А семье Николая мы с Леной дарим эту пластину: она полированная и очень красивая. Возьмите и берегите ее!

Николаю передали эту пластину. Николай взял ее и прочел надпись: «В дар Николаю с Катей от Бланка Виктора и Лены».

Поблагодарив Виктора и Лену, и не сразу поняв смысл этой надписи, Николай не очень обрадовался такому подарку, все еще размышляя о том, куда он поведет свою отныне бездомную семью.

Виктор же продолжал:

— Эту вывеску прикрепите у входной двери нашего дома. Отныне этот дом ваш!

От неожиданной радости и волнения у Николая дыхание перехватило и выступили слезы. И они с Катей еще раз сердечно поблагодарили Виктора с Леной и Господа за то, что его семья снова имеет дом, да еще какой дом — кирпичный, большой и красивый, с хорошим огородом и летней кухней, с гаражом и баней.

Господь воздал сторицей за готовность к жертве!

Да, Господь дает Свои богатства, но нередко подвергает жгучему испытанию тех, кому собирается их вручить. Прочтите Третью книгу царств, 17:1—15.

На этом не окончилось для семьи Божие благословение. В августе 1976 года перед отъездом в Германию Виктор подарил Николаю свой автомобиль «ВАЗ—2103» с личной подписью и дарственными словами на руле. Машина была уже не новая, но еще хорошая и на ходу. Какое это было счастье! Не нужно больше ездить на автобусах,

не нужно добираться домой на попутках, не нужно ходить пешком. Была автомашина, да еще и личная. В любое время можно было поехать в общины, или к братьям-пресвитерам, или по своим делам. И там, в общинах, не нужно было торопиться с возвращением домой.

Как бы ни было поздно, у Николая был транспорт, на котором он мог добраться домой даже глубокой ночью. И эта великая нужда и потребность была восполнена Господом.

Через несколько лет Виктор Бланк снова подарил Николаю автомобиль, но уже совершенно новый. Дело было так. Виктор позвонил в молитвенный дом города Фрунзе и сообщил, что он находится в Москве и ждет к себе Николая по очень важному делу.

На следующий же день друзья встретились в московском аэропорту. Долго они сидели и разговаривали в гостинице, время подходило к полуночи, и Николай собрался уже идти спать, но Виктор очень просил еще посидеть, говоря, что у него есть важное дело.

Когда же стрелки часов перешли черту прошедших суток и начали отсчет новых, Виктор встал и сердечно поздравил Николая с днем его рождения, вручив конверт и сказав, что это его подарок. Николай, конечно, поблагодарил его за поздравление, открыл конверт, думая увидеть там немецкие марки — и лишился дара речи.

В конверте лежала бумажка, на которой было написано: «автомашина». Он знал, что это не шутка, но и поверить в это было нелегко: автомашина! Подумать только, снова автомашина. Николай в душе уже строил планы, как он переседет на другую машину, а старая пойдет на запчасти для новой.

Но Виктор удивил его еще больше, когда сказал, что дарит машину совершенно новую, притом любой марки, какая будет в магазине и какую выберет сам Николай.

В те годы новая автомашина была большим дефицитом. Ее можно было достать по знакомству, переплатив немалые деньги. А здесь новая!

На следующий день поехали в автомагазин для иностранцев. Там стояли новые отечественные и зарубежные автомашины.

— Если хочешь «Волгу», скажи, не стесняйся, будет тебе «Волга»! Или «БМВ», или «Мерседес»! Выбирай! — Виктор вконец растрогал Николая.

Поразмыслив, Николай решил не брать дорогую, большую и бросающуюся в глаза машину, а выбрал снова «Жигули» (ВАЗ—2104, фургон), на которых Николай ездил до самых последних дней пребывания во Фрунзе.

Злые языки тотчас же заговорили, что Николай приобрел личный автомобиль на церковные деньги. Виктор Бланк и сегодня еще проживает в Германии, и он может всем сомневающимся и неверующим сказать, что это был его настоящий подарок другу. Отдавая должное Виктору с Леной, Николай принял этот подарок как от Господа. Это Господь, будучи верен Своим обетованиям, исполняет их желания. Он исполнил то, что написано в Евангелии от Матфея (7:7,8): **«Просите — и дано будет вам; ищите — и найдете; стучите — и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят».**

Правда, еще до отъезда в Германию Виктор добровольно вызвался возить Николая по общинам и делал это с готовностью. Другой брат, Петрачев Василий Васильевич, также в любое время с удовольствием ездил по церквям Киргизии вместе с Николаем, а потом говорил, что эти поездки по общинам, присутствие на членских собраниях и братских советах, разбор конфликтов и урегулирование проблем помогли ему, когда его избрали на служение пресвитера в церкви села Нижняя Ала-Арча в Киргизии.

А как пригодилась Николаю машина «ВАЗ—2104» в хозяйстве! Она была с фургоном и служила семье при заготовке травы и камыша для коровы и коз. Корова и козы давали молоко, такое необходимое детям и такое вкусное и полезное. Кормом зимой для животных, да нередко и летом, был камыш, который в изобилии рос вокруг города. Его резали серпами, когда он был еще зеленым, грузили в машину и привозили домой. Спасибо братьям из Рот-Фронта — Рудольфу и Адольфу, которые доставляли прямо домой сухое сено для коровы на всю зиму. Молитвы о благословении для них и сейчас еще возносятся к Господу при всяком воспоминании о них!

Снова и снова на память приходят угрозы детям Николая, которых «доброжелатели» обещали сгноить под канализационными люками или бросить в колодец.

Не оставляя детей без своей заботы и внимания, они доверили их Господу, зная, как мало значит их родительская защита от врагов. И Господь сохранил их в те мрачные годы разгула атеизма. Сейчас дети уже выросли, создали свои семьи и, пережив духовное возрождение в раннем возрасте, стали членами церкви. Сегодня они служат Господу и рассказывают своим детям о всеильном и всемогущем Господе и о тех чудесах, которые Он и сегодня творит перед глазами Своего народа! И обещает эти благословения излить и на их детей, как написано в книге Второзаконие (7:9).

Невозможно обойти молчанием и ту историю, когда Сам Бог сохранил всю семью от верной смерти!

Это было в тот самый августовский день 1976 года, когда Виктор Бланк с семьей уезжал в Германию. Провожать его собралось много людей. Наняли большой автобус, который повез отъезжающих и провожающих в аэропорт.

За автобусом двинулось не менее 50 автомашин. Николай с семьей ехал вместе с Виктором в автобусе. До аэропорта доехали благополучно.

Пройдя надлежащую регистрацию, Виктор с семьей вылетел в Москву. Вместе с ними до Москвы полетел и Николай, желая проводить друга до самого последнего рубежа, до тех пор, пока можно было.

После того как уезжающие прошли таможенный контроль и пошли на посадку в самолет, Николай направился в другой аэропорт, откуда шли самолеты до Фрунзе, чтобы улететь домой как можно скорее. Дело в том, что в день вылета в Москву, когда самолет, набрав высоту, уносил его все дальше от дома, Николай вдруг почувствовал какую-то непонятную боль в сердце и тревогу, которые не покидали его все это время. Потому он заторопился домой, несмотря на просьбы и уговоры двоюродного брата Виктора остаться в Москве на несколько дней: посмотреть город.

В самолете для него неожиданно нашлось одно свободное место, хотя наступило время отпусков и самолеты были загружены до предела. В аэропорту Фрунзе его встретили, на его же машине, братья, но за руль не пустили. Начали говорить издали о том, что его жена с маленькой грудной девочкой и другой, постарше, находятся в больнице, в другой больнице находится его старший сын.

— Почему они в больнице? — допытывался Николай.

— Заболели, — уклончиво, чтобы не расстроить, ответили ему.

Потом он узнал всю историю подробно. После того как проводили Виктора с семьей и Николая, все отправились по домам. Желю Николая один брат уговорил не ехать автобусом, он взялся отвезти ее с пятью детьми на своей машине, где уже сидела его семья. В два ряда с трудом втиснулись в маленький «Запорожец». Длинная вереница машин, соблюдая ограничение скорости, отправилась в

обратный путь. Водитель «Запорожца» решил обогнать всех и выехал для обгона на встречную полосу. По ней на большой скорости приближался встречный автомобиль. Поняв, что слабенький мотор не осилит обгон, водитель «Запорожца» пытался увернуться от удара, но было поздно, и они столкнулись боком. «Запорожец» отлетел в сторону на бордюр, откуда его отбросило в другую сторону. От сильного удара «Запорожец» перевернулся на бок и так продолжал двигаться по асфальту, затем опрокинулся вверх колесами. Вся длинная процессия машин остановилась.

Сразу после столкновения из машины слышались крики и плач детей, но потом все стихло. Вышедшие из своих машин водители увидели жену Николая с маленькой девочкой на руках, по лицу которой текла струйка крови. Катя умоляла:

— Дайте братья мочи! Мочи дайте, чтобы остановить кровь.

Но никто ее не понимал, и ничего она не получила. Все стояли и боялись подойти к машине, зная, что там находится семья Николая и что все они, наверное, уже мертвы, потому что из машины не было слышно ни звука.

Вдруг около них остановилась новая «Волга», из нее вышел человек в летной форме и монтировкой стал открывать искореженную дверь «Запорожца». Открыв ее, он вытащил оттуда истекающего кровью старшего сына Николая и отнес его на чистое сиденье своей машины, затем перенес туда и дочь, усадил Катю с ребенком и помчался во Фрунзе.

Здесь опомнились верующие водители и помчались следом за «Волгой». Остальных из разбитой машины взяли к себе братья.

«Волга» привезла пострадавших в старую травматологию, которая находилась в центре города. На другом

краю города выстроили еще одну травматологическую больницу. В новой больнице еще не было соответствующего медицинского оборудования, но она уже начала принимать пострадавших. Эти два пункта скорой помощи работали поочередно через день.

В тот день, когда «Волга» привезла старшего сына в старую травматологию, там не принимали пострадавших. И когда человек в форме летчика постучал в дверь, вышла медсестра и объяснила, что они сегодня не принимают и пострадавшего нужно везти в новую больницу. До новой нужно было ехать не меньше получаса. Так как у Саши ртом шла кровь, его могли не довезти живым до другой больницы.

Этот человек в летной форме потребовал врача и сказал, что если они сейчас же не примут тяжело пострадавшего, им придется отвечать перед судом, он это дело так не оставит. Хирург приказал срочно приготовить все необходимое для операции.

Операцию он сделал — у мальчика была порвана селезенка. Он ее удалил. А Сашу отправили в реанимацию, где его и нашел потом его отец. Через день Николай встретился с этим хирургом и попросил его рассказать об операции. Но тот, сославшись на свою занятость, ответил:

— А что рассказывать? Операция как операция. А теперь, если другие органы возьмут на себя работу селезенки, ваш сын останется жив; если же не возьмут — он умрет.

Когда же Саша через несколько дней пришел в себя и его перевели в палату, Николай снова встретился с тем хирургом и попросил подробно рассказать о случившемся. Кое-что он уже знал от той медсестры, которая ассистировала при операции, но попросил доктора рассказать все честно и объяснить, почему у мальчика такой большой, неровный и уродливый шов.

После некоторого замешательства хирург признался, что в тот день, после вечернего обхода больных в травматологии, он выпил водки и пошел спать в надежде, что сюда сегодня никого не привезут.

Когда же медсестра разбудила его и сказала, что какой-то летчик привез мальчика и требует, чтобы ему здесь оказали помощь, так как у ребенка кровотечение.

— Я услышал, как за дверью какой-то голос утверждал, что если я откажусь, меня, как врача, ждет суд. Когда же я подошел к двери, то увидел на руках у летчика истекающего кровью мальчика и группу людей (у пункта стояло не менее 20 машин).

Летчик объяснил, что отец этого мальчика только что улетел в Москву, его семья провожала его и на обратном пути случилась авария.

Я испугался и подумал, что это, вероятно, сын какого-то «шишки», раз так много людей провожало, и он действительно может засудить меня. Я распорядился приготовить все для операции и пьяный начал оперировать. Шов, правда, получился некрасивый, но я этого тогда не замечал. Увидев, что кровоточит селезенка, я ее совсем отрезал. Не знаю, может быть, ее можно было и сшить, но я это сделать не смог бы. Боясь, чтобы не оставить чего-либо в животе мальчика, я попросил медсестру проверить полость живота и зашить шов. Но тогда я сделал все, что сумел.

Поблагодарив хирурга за честность и оказанную им помощь сыну, Николай начал поиски этого летчика, чтобы поблагодарить. Он несколько раз побывал в аэропорту, посетил на дому тех летчиков, которые были в отпусках. Попросил выписать фамилии всех летчиков, работавших в тот день — как отправлявшихся в полет, так и прибывших с полета. Но нигде такого не находилось, к тому же, по словам самих летчиков, у них в аэропорту ни у кого нет новой «Волги».

— Но ведь это была реальная личность, и была «Волга». Кто же он тогда? И где он сейчас?!

Спустя время Николай снова начал поиски человека, спасшего жизнь его сыну, но и на этот раз его поиски оказались бесплодными.

Размышляя о случившемся и молясь Богу, Николай пришел к твердому убеждению: это был ангел Божий! Братья не решались открыть машину, боясь увидеть всех мертвыми, и Бог послал его. И если бы даже братья открыли машину и повезли Сашу в травматологию, то в старой их, скромных и боящихся спорить, не приняли бы, до новой они бы его не довели. Хирург сказал, что еще бы минут десять, и мальчик бы умер. И Бог послал Своего ангела спасти жизнь ребенка.

В новой травматологии Катю с девочкой положили на одну кровать, другая девочка не могла ни сидеть, ни лежать, да и негде было. Простыней не было. В палате было холодно и пусто. В такой больнице не выздоравливают, а умирают. Одним словом, из этой больницы наших пострадавших увезли домой без выписки и без всякого оформления. Лечились они дома.

Что все остались живы, это — чудо, это — великое чудо! Увидев этот «Запорожец», смятый спереди и сзади, сверху и снизу, не подлежавший ремонту, у Николая возник вопрос: как в такой маленькой автомашине, а после ударов ставшей еще меньше, могло находиться более десяти человек? И ни у кого из них не оказалось переломов! Как могла через такую маленькую щель в лобовом стекле, которая оказалась единственной в машине, выбраться наружу взрослая женщина, да еще с маленьким ребенком на руках, которого, по ее словам, она не выпускала из рук? На эти вопросы у человека ответов нет. Но есть ответ у Бога: «**Есть ли что невозможное для Бога?**» (Иер. 32:27; Лк. 18:27).

Много радости Николаю принесли и продолжают приносить его дети. Он вообще любил и любит детей, а своих, конечно, особенно, как все отцы.

Люди рассказывали, что, когда у Николая родился сын-первенец, он прыгал от радости! Еще бы, свой ребенок, притом сын!

Как он горевал, когда врачи предупредили, что в результате перенесенной операции его жена больше не может иметь детей! А он хотел детей, много детей. И Бог услышал его молитвы. После первого сына родились еще шестеро детей. Все семеро детей живы и являются членами церкви. Как не радоваться и не благодарить Господа, Который знает желания Своих детей и исполняет их, как и написано: **«Желание боящихся Его Он исполняет...»** (Пс. 144:19).

Кроме своих, Николай, с согласия жены и детей, захотел усыновить еще троих — после страшного землетрясения в Спитаке. Николай тогда направил в Совет Министров Армянской ССР телеграмму, чтобы ему разрешили приехать к ним и взять трех детей, оставшихся без родителей. Однако ему ответили, что очень тронуты его сочувствием и расположением, но своих детей они не намерены отдавать за пределы республики. Они будут воспитывать их сами в интернатах и детдомах.

Некоторые верующие, особенно в наши дни, говорят, что не следует иметь детей, если хочешь плодотворно трудиться для Господа и принимать участие в служении. Николай никогда так не думал и сегодня так не думает.

Енох, который, живя среди грешного мира, «ходил пред Богом» и угодил Ему, почему Бог и взял его живым на небо, имел детей: и сыновей, и дочерей (Быт. 5:22). Однако они не мешали ему не только жить свято, но и трудиться для Бога, ведь он был проповедником Божи-

ей правды (Иуд. 14). А какое у него было потомство! Он стал прадедом послушного Богу и праведного Ноя, вера которого оказалась непоколебимой (Быт. 5:21–29).

Не бойтесь иметь детей! Отдайте и этот вопрос на усмотрение и волю Господа, и вы не разочаруетесь! Дети – это цветы на поле, дети – это окна в доме, дети – это звезды в небе, дети – это Божьи дары. Однако нужно не только родить детей, но воспитать, и воспитать их в учении и наставлении Господнем, и привести их ко Христу! Это не так просто: требуется время, любовь, молитва и настоящая христианская жизнь!

Кто-то сказал: «Когда я был молодым, у меня было десять программ, как воспитывать детей, и я советовал другим родителям, как это делать. Но когда у меня стало пятеро детей, я уже не имел ни одной программы, как их воспитывать. Дети не подходили ни под одну из моих программ, потому что все были совершенно разные».

Невозможно рассказать обо всех милостях Божиих и чудесах, которым Николай был свидетелем за свое долготелее служение старшим пресвитером, ибо они были про-являемы ежедневно и потому им нет числа!

Хочется снова и снова повторять слова псалмопевца Давида: **«Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя – святое имя Его. Благослови, душа моя, Господа, и не забывай всех благодеяний Его»** (Пс. 102:1,2).

Николай рад также тому, что его служение открывало ему возможности встречаться со многими людьми и свидетельствовать им о Боге. Иногда это случалось в самолетах.

В самолетах, как вы знаете, места не выбирают, их занимают согласно купленным билетам. И сидящие рядом с тобою попутчики оказываются самыми разными людьми. Обычно уже в начале полета люди начинают знакомиться

и не сидят молча всю дорогу, но, как правило, разговаривают. Много интересных встреч и знакомств произошло высоко над землей.

Однажды Николай направился на самолете в южную Киргизию для ежеквартального посещения общин в городах Ош и Джалал-Абад. Полет был недолгим, не больше часа, и пролетал над знаменитыми Тянь-Шаньскими горами.

Вначале все было хорошо: самолет спокойно и плавно плыл выше туч, закрывающих землю. Когда же оказались над перевалом через горы, началась тряска и салон наполнился дымом. Стюардесса поспешно прошла в кабину к летчикам и, выйдя оттуда, объявила:

— Прошу не волноваться. Пристегните ремни, все будет хорошо.

Все послушно пристегнули ремни, но волнение не улеглось. К дыму и тряске добавился какой-то грохот. Беспокойство усилилось.

Из динамика раздался голос пилота:

— Сохраняйте спокойствие. Мы вошли в турбулентный поток, однако все будет хорошо. Большая просьба ко всем пассажирам: не вставать с мест и не ходить по салону.

Рядом с Николаем сидела молодая женщина. На ее лице был виден испуг. Она нервно потирала руки. Вдруг она закрыла глаза, и губы ее стали слегка шевелиться. Затем она закрыла лицо руками и еще ниже опустила голову.

Прошло довольно много времени, прежде чем она опять выпрямилась и открыла глаза. Было понятно, что она молилась. Молился в это время и Николай. Перелетели горы, самолет перестало трясти, дым рассеялся, прекратился грохот, и ласковое солнце залило своими лучами салон самолета.

Все пассажиры облегченно вздохнули и заулыбались. Николай обратился к своей попутнице:

— А что вы только что делали, когда самолет был в опасности?

— Я очень волновалась! — отвечала она.

— Да, все волновались. Я тоже волновался. Но я спрашиваю о другом: что вы делали, когда волновались?

Женщина молчала.

— Вы, наверное, молились Богу? — предположил Николай.

— Да, видите ли, у меня в Оше двое маленьких детей. Я их не видела три года. Мне так хотелось встретиться с ними, — начала объяснять она, — и я прочитала молитву «Отче наш». Но я неверующая, — поспешно добавила она.

— Зачем же тогда читать молитву «Отче наш», если вы не верите в Бога? Тогда эта молитва не ваша. Какой же Он вам Отец, если Его, по-вашему, нет вообще? Нет, я вас не осуждаю, что вы молились Богу, я тоже молился! Но я верю в Бога, служу Ему и доверяю Ему свою жизнь, потому и говорю смело: «Отче наш, сущий на небесах».

— Правда? — обрадовалась женщина. — А я подумала, что вы меня будете осуждать за это.

— Нет, осуждать за молитвы я не собираюсь, но хочу дать вам два совета. Во-первых, никогда не нужно стыдиться пред людьми, что вы верите в Бога и молитесь Ему. Потому что в Евангелии написано, что всякого, кто постыдится Господа в этом мире, того и Христос постыдится пред Отцом Своим! Во-вторых, когда увидите своих детей, расскажите им, что сегодня случилось с вами, и не забудьте поблагодарить Бога, что Он исполнил вашу просьбу, потому что люди так много просят у Бога, будучи в опасности, но очень мало благодарят Его потом, когда эти опасности проходят.

— Это правда! Мы такие неблагодарные! Да откуда нам знать, как поступать в жизни, ведь у нас нет этого Еван-

гелия, которое вы читали! — заговорила женщина снова.

— Вот я дарю вам такое Евангелие. Читайте его и исполняйте все, что там написано, и тогда вы найдете истинное счастье, и все у вас будет хорошо! А теперь я дам вам адрес молитвенного дома верующих, где вы слушаете, как нужно жить нам, людям, здесь, на земле. Приходите туда завтра, в воскресенье утром, я тоже там буду, и мы еще поговорим, — напутствовал ее Николай.

Самолет уже совершил посадку и катился по посадочной полосе. Все, радостные и веселые, стали готовиться к выходу.

В воскресенье утром Николай увидел эту женщину на собрании вместе с детьми и матерью. После собрания еще немного поговорили, и Николай взял у нее адрес, где она постоянно проживает и куда собиралась перевезти детей с матерью. Вернувшись домой, он выслал ей адрес ближайшего к ее месту жительства города, где находится церковь ЕХБ, и стал молиться о ее покаянии и обращении к Господу, веря, что посеянное семя Слова Божия и чтение Евангелия приведут ее к вере в Бога, как написано: «**Вера — от слышания, а слышание — от Слова Божьего**» (Рим. 10:17).

Как важно пользоваться моментом и сказать о Господе тем людям, с которыми пересекаются ваши пути. Не упускайте такой возможности! Помните, это Господь посылает их вам, чтобы вы сказали им о своем Господе и о той ответственности, которую несет человек перед Богом!

В другой раз, когда Николай летел в Москву, его место оказалось рядом с генералом и его супругой.

— Куда летим? — сразу же, как только Николай занял свое место, спросил генерал.

— В Москву.

— Зачем? — снова спросил генерал.

— На пленум! — отвечал Николай.

— На какой пленум? Где вы работаете? Какая у вас должность? — посыпались вопросы.

— Вам не понять мою работу и мою должность! — заинтриговал его Николай.

— Мне не понять?! Для меня непонятных вопросов нет! — убежденно произнес генерал.

— Хорошо, тогда я скажу, — и Николай показал ему свое удостоверение, где было написано: «Старший пресвитер ЕХБ в Киргизии и член ВСЕХБ».

Генерал взял в руки это удостоверение и долго разглядывал его изнутри и снаружи. По выражению его лица можно было догадаться, что он не понял, кто его попутчик и какое у него занятие. Николай охотно рассказал о своем служении и о Всесоюзном Совете евангельских христиан-баптистов, о пленуме ВСЕХБ, который проходит один раз в году, и о том, что в Совете есть председатель и генеральный секретарь, которые имеют постоянный доступ в Совет Министров СССР через Совет по делам религий.

Генерал внимательно слушал. Когда Николай рассказал вкратце о своей должности и своей «работе», генерал снова спросил:

— Ну, а что ты читал сейчас? Если это не Библия, то что же это за книга?

— Это Новый Завет, часть Библии, — отвечал Николай.

И подробно рассказал о Библии, об истории ее написания, о Новом Завете и, конечно, о центральной личности Нового Завета — Иисусе Христе. Затем открыл книгу и указал на третью главу Второго послания к Тимофею, напомнив, что он читал именно это место, и передал книгу генералу:

— Прочтите сами это место. Прочтите внимательно и громко и скажите, кто написал эти слова и о ком здесь говорится.

Генерал взял в руки Новый Завет и стал вполголоса читать. Прочитав всю главу, он сказал:

— Это написал какой-то иностранец, побывавший у нас, в Советском Союзе, и увидевший нашу жизнь. Он нарисовал портрет нашего среднего рабочего.

— Почему портрет только «среднего рабочего»? — спросил Николай. — Разве это не может быть портрет военного: солдата или офицера? А генералы такими не бывают?

— Нет, у нас, генералов, такого не бывает! — уверенно произнес генерал.

— Как не бывает?! — воскликнула его жена. — Разве он, твой Жора, благодарен тебе, что ты вытащил его наверх, разве он тебе сейчас друг, разве он не предатель, если наката «телегу» министру обороны, и теперь тебя вызывают «на ковер»? А ты говоришь: «не бывает». Бывает, и, к сожалению, часто бывает.

Николай, поддержав жену генерала, добавил:

— Правильно вы говорили. Я тоже так понимаю, что это портрет человека вообще — и рабочего, и генерала. А что вы говорили, будто это написал какой-то иностранец, увидевший в нашей стране такого человека, то здесь вы не правы! Это написал великий апостол Павел. И написал не потому, что побывал здесь сегодня. Он написал это, движимый Духом Святым, по повелению Божьему, почти две тысячи лет тому назад. Читайте внимательно в начале главы: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие». Раньше так не было, он говорит о будущем.

И если сегодня мы в этих словах видим моральное состояние нашего современника, значит мы живем в последние дни.

Генерал молча согласился, а потом рассказал печальную

историю о предательстве своего бывшего друга, тоже генерала, и о своем визите в Москву к министру обороны.

— Я очень переживаю, — откровенно признался он, — ведь меня могут лишить генеральского звания. Что мне тогда делать?!

— Просись к нему в помощники, — кивнув в сторону Николая, посоветовала генералу жена.

Генерал молчал. Николай же, как бы продолжая начатый разговор, пояснил:

— У нас не назначают, как в армии, а избирают на служение. Избирает народ. Но избирают лишь членов церкви. Так что вашему мужу следует покаяться, принять крещение, начать жить по-христиански, и тогда, может быть, его изберут на подобное служение.

Быстро и незаметно прошло в разговорах шесть часов полета.

Тепло прощаясь с Николаем, генерал просил помолиться за него. Николай обещал ему и подарил Евангелие, благодаря сердечно Господа, что Он послал ему эту встречу и помог еще раз засвидетельствовать о Господе и Его живом Слове!

Когда вышли из самолета, генерал пригласил Николая в «Чайку», которая подкатила прямо к трапу самолета. Генеральская «Чайка» доставила Николая до молитвенного дома ЕХБ, где над дверями висела и другая вывеска: «Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов».

Генерал посмотрел на вывеску, улыбнулся, достал из кармана блокнот и записал адрес молитвенного дома.

Пожелав всего доброго друг другу, они расстались. Николай продолжал молиться о генерале и его жене, чтобы они тоже нашли мир своим сердцам и покой у Господа, зная по опыту, что и под генеральским мундиром бьется такое же беспокойное сердце, как у прочих грешников.

Хочу рассказать еще об одной встрече в самолете. Это

тоже было во время полета в Москву. Рядом с Николаем сели отец с сыном. Разговорились. Отец работал диспетчером на автобазе, сын учился на четвертом курсе политехнического института. Летели через Москву в Минск — к родственникам. Оказалось, что они были ярые безбожники. Николай, как всегда, достал из кармана маленькую Библию и начал читать. Миша (так звали сына) с интересом поглядывал и старался узнать, что это за книга. Наконец, не выдержав, спросил:

— Что за книгу вы читаете?

— Библию, — отвечал Николай.

Завязался разговор.

— А вы, Миша, читали когда-нибудь Библию?

— Нет, никогда не читал. Но слышал о ней очень много.

— Что же вы о ней слышали? Доброе или худое?

— У нас в институте есть кафедра научного атеизма, там о Библии отзываются плохо. Но от некоторых студентов я слышал о ней много хорошего.

— Что же конкретного вы слышали о ней хорошего и что плохого?

— Хорошего я слышал немало: это — интересная древняя книга, в ней много мудрых изречений и добрых советов, ее читали великие ученые и хорошо о ней отзывались, она пользуется большим почетом у верующих, по их словам, она даже характеры людей переделывает. Плохое в ней то, что она уводит людей от реальной действительности, запрещает им радоваться, что ее, обыкновенную книгу, обожествили, что она закрывает людям глаза на жизнь, что она портит хороших людей, делая их фанатиками, разрешает мстить и проливать человеческую кровь, почему и приносят верующие жертвы своему Богу, и что те, кто ее читает, сходят с ума. Разве не так? В институте был один верующий студент. Он постоянно читал Библию, носил ее с собой, и потом его исключили из института.

Николай долго еще слушал откровенные признания студента, потом прервал его и сказал:

— А не хотели бы вы послушать меня и мое мнение о Библии? Я ее уже читаю более тридцати лет и, как видите, не сошел с ума.

И он начал говорить о Библии: она не только самая древняя книга, но Божественная книга, то есть книга от Самого Бога; в ней содержатся не только мудрые советы и изречения, но слова Самого Господа Бога и Его Сына, Иисуса Христа; она не только изменяет характеры людей, но совсем перерождает их и делает новыми людьми; она действительно пользуется у верующих большим авторитетом, больше того, они считают ее своей настольной книгой; правда, что почти все великие и ученые люди читали ее, и отзывались о ней положительно, посвящали ей стихи, песни и поэмы. Хотите, я вам прочту отзыв одного нашего — не зарубежного, поэта — Ивана Никитина, любившего Библию, постоянно читавшего ее и умершего с Евангелием в руках. И Николай прочел стихотворение:

Измученный жизнью суровой, не раз я в тебе находил,
В глаголах предвечного Слова источник покоя и сил.
Как дышат святые их звуки божественным чувством любви,
И сердца тревожного муки как скоро смиряют они!
Здесь все в жизнетворной картине описано Духом Святым:
И мир, существующий ныне, и Бог, управляющий им.
Как сладко читать эти строки, читая, молиться в тиши,
И плакать, и черпать уроки из них для ума и души!

Миша внимательно слушал, затем, помолчав, сказал:
— Почему же тогда о ней говорят так много плохого?

Николай, не отвечая пока на его прямой вопрос, стал развеивать его сомнения, посеянные кафедрой научного атеизма и высказанные им только что:

— Вот вас научили, что Библия уводит людей от реальной действительности — это ложь. Наоборот, Библия открывает глаза людям, чтобы они увидели реальную жизнь. Давайте прочтем из Книги Откровения, 3:14—18, и из Второго послания к коринфянам, 4:4. Вы говорили, что Библия портит людей, превращает их в фанатиков и даже сводит с ума. А что говорит Библия? Вот прочтите Первое послание к коринфянам, 6:9—11, и хотя бы один исторический факт о Савле. Давайте прочтем из Деяний апостолов, 8:1—3 и 9:1—21. А сколько сегодня людей, которые стали совершенно другими, лучшими! И ни один из них не сошел с ума, а если и отправили кого из верующих в прошлые годы в психушку, то ты, Миша, наверное, знаешь, что в психушку отправляли лучших врачей, лучших писателей — лучших, но неугодных кому-то, стоявшему у власти.

Вот, Миша, когда вас учили, что Библия запрещает радоваться и учиться, но призывает мстить, проливать человеческую кровь и приносить человеческие жертвы, кто-нибудь из вас просил зачитать это в Библии или же сам прочел об этом в ней?

— Да нет, как-то упустили, мы верили на слово, — отвечал студент-атеист.

— Разве так познается истина? Ведь нужно выслушать обе стороны, а тогда и судить, кто прав! Не так ли? А ведь Библия говорит обратное: она призывает к радости, при том постоянной (Флп. 4:4; 1 Фес. 5:16 и Рим. 12:19).

— Ну ладно, хватит агитировать нас! Я читал вашу Библию и знаю, какая в ней несурезица написана, какая пакость, — вмешался вдруг в разговор отец Миши.

— Какую Библию? — удивился Николай такому отзыву о Библии.

— Ну, этого... как его... Ярославского! — вспомнил он.

— Ярославского? Так это же ваша Библия, а не наша.

И вы правы, в ней написана пакость и несурезица, а вы ее

читаете и осуждаете Божию, настоящую Библию. Как жаль, что до сих пор не читали настоящую Библию!

— Все равно, хватит нас агитировать, мы хохлы, а у нас говорят, «пока не пощупаю, не поверю!» — продолжал отец Миши. — Вот ты сам видел Бога? Да и наши космонавты нигде Бога не нашли.

— Есть вещи, которых мы не видим, но верим, что они существуют, — объяснял Николай. — Посмотрите на своего сына. Вы верите, что это ваш сын, потому что видите его. Но вы верите, что у вас есть дома еще и жена, не так ли? Но ведь ее вы не видите.

— Но я видел ее сегодня утром! А ты своего Бога не видел вообще, — спорил оппонент.

— А вы верите, что ваш сын любит вас?

— Не сомневаюсь.

— А почему? Ведь вы не видите его любви!

— Вижу. Он заботится обо мне, помогает мне, называет меня ласково «папа».

— Это проявление любви, но саму любовь вы не видите. А вы знаете, что ваш сын имеет разум?

— Вот сказанул! А как же. Если бы не имел, то и не учился бы в институте.

— Но ведь разум его тоже вы не видели! Значит, по-вашему, у него разума нет! А ваша совесть? Кто ее видел, эту совесть?! А как сильно она говорит человеку, и каждый здравый человек ее имеет. Вот к чему приводит ваша теория «пока не пощупаю, не поверю» — к полному абсурду.

Так и с Богом. Мы Бога нашими плотскими глазами не видим, но Он есть. Мы не видим Его любви, но ощущаем ее постоянно во всем. Мы не видим Его разума, но познаем Его во всем Его чудном творении и законах земли и неба. Так что отрицать Бога только потому, что Его не видно человеческим глазом, большая глупость.

Мы Его видим нашими чистыми сердцами, как напи-

сано: **«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»** (Мф. 5:8).

Что же касается космонавтов, то они ведь не искали Бога, да и не могли найти Его. Они поднялись на высоту только трехсот километров, а ведь Вселенная простирается до бесконечности, и Библия говорит, что Бог **«обитает в неприступном свете»** (1 Тим. 6:16). Это равносильно тому, как если бы они зашли на пятый этаж стоэтажного здания и заявили: «Мы здесь никого не нашли! В этом доме нет никого!» А в это время из окна сотого этажа говорят: «Мы здесь, вы просто не дошли до нас!»

Плотскими глазами мы сегодня Бога не видим, придет время и мы увидим Его, как написано в Первом послании Иоанна, 3:2. Сегодня же мы видим Творца в Его чудесном творении и Законодателя — в данных земле и небу законах.

«Это создала природа, — твердит человек, — а человек произошел от обезьяны. А первая обезьяна откуда появилась?»

— Из клетки.

— А весь многообразный животный мир?! Из той же одной клетки?»

— Ну ладно, пусть Бог есть, но Ему не в чем нас упрекнуть: мы не убивали, мы не грешники, и нас не за что судить, — не сдавался отец Миши.

— Вы работаете диспетчером на автобазе?! А вот скажите, есть ли у вас водители, которые ни разу в своей жизни не нарушили правила уличного движения?»

— Конечно есть. Почти все. Некоторые имеют права уже по двадцать пять лет, и ни одного прокола, — с гордостью произнес он.

— Но это же неправда, что они, проработав столько лет водителями, ни разу не нарушали правил. Они их нарушали, но одни спасали себя от проколов штрафами, другие — просьбами, а третьих просто не засекли в нарушении. Но

все они виновны, все до одного виновны перед законом. Вот так и люди. Если они не сделали одного греха, то других у них много, так и написано, что все люди согрешили и лишены славы Божией! Все виновны перед Богом. И всем нужно каяться, чтобы получить прощение грехов. А за вами, между прочим, числится самый большой и тяжёлый грех!

— За мной?! Самый большой грех?! Какой? — с испугом проговорил отец.

— Да! Вы стоите в одном ряду с большими грешниками. Вот давайте прочитаем, что говорит о вас Библия.

— Что? Обо мне написано в Библии?

— Да. И говорит о вас Сам Христос, Сын Божий: **«Верующий в Него (Христа) не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя едиnorodного Сына Божиего»** (Ин. 3:18). Здесь Христос говорит, что неверие — это самый большой и тяжкий грех. Остальные грехи произрастают от неверия. И если вы не верите в Бога, то вы самый большой грешник! Вам нужно уверовать во Христа как Спасителя, и, получив прощение грехов, вы не придёте на суд и будете иметь жизнь вечную! Помогите вам в этом Господь! Выбор остаётся за вами! Так говорит Библия, так сказал однажды Александр Пушкин: **«Судьба твоих грядущих дней, мой друг, в твоей отныне воле!»** И нужно не только верить в Бога. Верить в Бога — этого мало, нужно служить Ему, ибо **«и бесы веруют»** (Иак. 2:19).

На этом наша беседа закончилась, потому что самолет уже начал заходить на посадку. Николай на прощанье подарил им Евангелие, что он всегда делает после беседы с людьми, молясь, чтобы Слово Божие нашло место в их сердцах, притом на доброй почве.

Надолго запомнилась Николаю встреча с первой в мире женщиной-космонавтом Валентиной Владимировной Терешковой.

Вылетая в Москву по делу служения, Николай получил от членов общины города Фрунзе, Чумовых Николая и Полины, письмо с просьбой передать его лично в руки Терешковой, которая в то время была председателем Комитета советских женщин. Это было ходатайство по вопросу опекунов над детьми, оставшимися сиротами после трагической гибели родного брата Николая и его жены. Как по месту жительства этих детей в Прибалтике, так и в Киргизии все ходатайства были тщетны. Не имели успеха и письма, отправленные в высшие инстанции. Потому и решили Николай и Полина обратиться к женщине, облеченной властью, с просьбой помочь им с опекуном.

Николай, питая особую любовь к детям-сиротам и зная содержание письма и его важность, опустить письмо просто в почтовый ящик побоялся: дойдет ли оно до адресата? И решил, что это письмо он во что бы то ни стало вручит лично в руки Валентине Владимировне.

Он нашел здание, где располагался Комитет советских женщин, узнал, на каком этаже и в каком кабинете находится председатель комитета, и издал наблюдая, когда она придет на работу. К десяти часам утра «Чайка» в сопровождении милиции подъехала к зданию. Это приехала она.

Когда разъехался эскорт, Николай подошел к зданию и быстрым шагом прошел внутрь. Стоявшие у входа милиционеры крикнули ему вслед, но остались стоять на посту. Взбежав на второй этаж, он увидел, что при входе стоят еще два милиционера. Он решил и здесь быстро пройти мимо них. Но они закричали и побежали следом. Николай бежал еще быстрее, удивляясь, как это у него так хорошо получается убежать от милиции. Ведь убежал впервые в его жизни. Письмо! Вот оно в кармане у сердца! Оно должно быть передано лично в руки. И он бежал. Письмо его подгоняло, и с криком: «Спасите меня, Валентина Владими-

ровна, спасите!» — он ворвался в ее кабинет. Терешкова была одна. Она встала из-за стола, дала рукою знак милиционерам выйти и подошла к запыхавшемуся беглецу.

— Что случилось? Кто вы? И зачем вы прибежали ко мне? — спросила она.

Немного отдышавшись, Николай рассказал ей все откровенно и честно. Она взяла письмо и стала читать. Прочитав, пообещала, что все будет решено в пользу просителей: пусть ждут официального ответа.

Так оно и было. Сегодня, как опекуны, так и их опекаемые дети живут в Америке, радуясь и прославляя Бога. В этом есть заслуга и В. В. Терешковой.

— Есть еще просьбы ко мне? — снова спросила она.

— Есть, — ответил Николай, и задал ей три вопроса. — Верите ли вы в Бога? Возвращается ли космонавт на землю с таким же мировоззрением, с каким он отправлялся в космос? Что являлось самым главным в совместном полете в космос?

За ее прием и благодушие, за ее содействие в положительном решении вопроса и за откровенность Николай сердечно ее поблагодарил и подарил ей на память карманную Библию, зная, что **«Слово Божие живо, и действительно, и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, суставов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные»** (Евр. 4:12).

Уходя, Николай попросил, чтобы она вызвала милиционера, который и сопроводил его на улицу. Николай вышел со славословием в сердце за предоставленную Богом возможность сказать о Господе такой знаменитой женщине!

Однажды Господь даровал Николаю встречу с руководителями республики.

Тогда еще не было президентства, а рулевым респуб-

лики была коммунистическая партия во главе с первым ее секретарем Т. Усубалиевым. К нему на прием пригласили руководителей четырех главных конфессий Киргизстана: православного благочинного священника, старшего проповедника субботников, старшего муллу мусульман и старшего пресвитера баптистов. Таким образом, Николай тоже оказался в числе приглашенных.

В кабинете первого секретаря присутствовали многие другие руководители республики.

Встреча была организована с целью знакомства с руководителями основных религиозных конфессий Киргизстана и их участия в республиканском журнале «Литературный Киргизстан». Выступали все по порядку.

Николай рассказал собравшимся о вероучении евангельских христиан-баптистов и их деятельности, и всем присутствующим подарил по Новому Завету. Руководителям всех четырех конфессий предложили опубликовать в журнале свои духовные статьи и проповеди. По словам главного редактора, от этого авторитет журнала вырастет и больше станет подписчиков, потому что в нем появится новая живая струя. Так длилось несколько лет. Это было большое свидетельство о Боге через светский журнал. Потом Николаю объяснили, что компартия как открыла христианам доступ к журналу, так и закрыла! Но дьявол поздно проснулся, люди уже узнали о Боге, а также о различных религиозных направлениях в Киргизии и, в частности, во Фрунзе!

Особую силу Божию и Его всемогущество Николай испытал при изгнании бесов. За свою многолетнюю практику пресвитерства ему пришлось участвовать в таком служении только дважды.

Первый раз родственники бесноватой пожелали, чтобы братья для изгнания бесов пришли к ним домой. Изъявили желание идти в эту семью семь братьев. Памятуя, что «сей

род изгоняется только постом и молитвою», братья провели день в посте и молитве и вечером пошли.

После предварительной беседы с родственниками зашли в комнату к бесноватой. Обступив кровать, где лежала укрытая простыней больная, все семь братьев положили руки на ее тело и начали по очереди молиться. После молитв двух братьев начал молиться третий. Но после нескольких его слов все услышали громкий звук, похожий на хлопок, и молитва прервалась.

Братья открыли глаза и увидели испуганного брата, сидящего в дальнем углу комнаты, и услышали неприятный скрипучий голос:

— И ты, блудник, пришел меня изгонять?! В тебе самом бесы!

На этом изгнание закончилось.

Потом этот брат рассказывал, что его кто-то сильно ударил по щеке, он упал и по полу проехал до угла, где его и нашли братья.

Да, огромную силу имеет сатана, но Христос намного сильнее его. Он победил все силы ада и одержал победу над сатаной, отобрав у него ключи от ада и смерти! Такую же силу Господь дал и Своим последователям (читайте Евангелие от Марка, 16:17, 18). Только этим последователям нужно иметь крепкую веру и чистое сердце и однажды Бог найдет пути и средства открыть перед всеми, кто есть кто!

Странствующий философ Григорий Сковорода сказал: «Руки, которые должны очищать других, — должны быть сами чисты!» Другой муж Божий утверждает: «Для Бога нужен хоть слабый, но духовно живой и преданный Ему человек. Живой же мертвец непригоден ни для какого Божьего дела!»

В другой раз Николай принимал участие в молитве над бесноватым молодым человеком. Желающих нашлось только пять человек. После откровенной беседы друг с другом и исповеданием пред всеми братья провели два дня в посте и молитве. На третий день братья были у бесноватого. Последний перед приходом братьев объявил своим домашним, что к нему идут братья, но они ничего не смогут сделать! И действительно, бесы долго не хотели уходить.

Братья по очереди совершили молитвы, но бесы не уходили. Молодого человека подбрасывало так высоко, и с такой силой, что его не могли удержать пятеро мужчин. Полчаса шла борьба. Наконец, бросив его на пол, бесы вышли через окно, которое с шумом вылетело на улицу. Молодой человек лежал бледный и обессиленный. Его подняли с пола, положили на кровать, и он тотчас же заснул. Проспав два с небольшим часа, он проснулся и заговорил ровным спокойным голосом, а затем попросил есть. Больше бесы его не беспокоили. Он вел тихую христианскую жизнь и даже стал петь в хоре и проповедовать.

Слава Богу, что и сегодня Господь силен давать **«пленным освобождение,.. отпустить измученных на свободу»** (Лк. 4:18). Слава Тебе, Господи! Слава за освобождение и свободу всем желающим и идущим к Нему!

Хочется сказать служителям Церкви Христовой: посмотрите, сколько сегодня вокруг вас несчастных, которых пленил сатана. Прислушайтесь к стонам этих пленников. Помогите им освободиться от сетей дьявола, пользуясь силою Господа нашего Иисуса Христа. Не говорите, что вы не имеете силы. Для этого не сила нужна, а вера и христианская жизнь с исполнением воли Господней. Ибо так написано: **«Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»**

(2 Кор. 12:9). И еще: **«Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»** (Флп. 4:13). Не ваша сила пусть будет видна, а сила Божия. Ис этой силой вы все сможете! И если вы думаете о себе, что вы немощны, тогда эти слова как раз для вас! Дерзайте, братья!

В связи с этим вспоминается одна интересная встреча. Однажды в четверг, когда у Николая был приемный день, в его канцелярию при молитвенном доме пришел один человек и попросился на прием. Через несколько минут Николай увидел у раскрытой двери человека, который вежливо поздоровался и сказал, что он хотел бы лично видеть человека, назвав имя и фамилию Николая.

— Хорошо, — отвечал Николай, — проходите и садитесь. Тот прошел, сел и молчал.

— Что же вы молчите? Говорите, по какому вопросу вы пришли?

Мужчина удивленно посмотрел и снова повторил, что он хочет лично видеть Николая, и поинтересовался, когда он может его видеть.

Николай с удивлением и каким-то непонятным беспокойством посмотрел на посетителя, определяя, не больной ли перед ним. Но одежда посетителя, его манеры и поведение в целом говорили обратное.

— Я вас слушаю! Я тот человек, которого вы ищете. Что вы хотели от меня? — И, встав из-за стола, подошел к нему.

Тот с удивлением посмотрел, зачем-то встал тоже и принялся осматривать Николая с головы до пят. Помолчав, он произнес:

— Нет, вы не похожи на него. Я представлял вас другим. Когда я стал читать ваши духовные статьи в журнале «Литературный Киргизстан», когда слушал о вас отзывы знакомых, я нарисовал для себя ваш образ, и вы в моем воображении были совсем другой! А вы даже и ростом не выделяетесь!

Долго говорили они в тот день. Расстались хорошими знакомыми и потом, не раз еще встречались.

На прощание посетитель, оказавшийся писателем, сказал:

— Вы имеете широкую известность, о вас много говорят, не вскружило ли все это вам голову? — и добавил: — Я лично заболел этой болезнью.

Николай ответил, что он считает себя маленьким человеком, какой он и есть на самом деле. А маленького человека посади хоть на самую высокую гору, он останется маленьким. А если что-то и сделано, то это не он, а Господь! Его сила и Его всемогущество! Ему и принадлежит слава!

Оба улыбнулись и дружелюбно расстались.

После ухода посетителя Николай подумал: «Если бы не наши человеческие немощи, кто бы признал, что секрет успеха служителя в силе Божией и только в ней?! Но когда ты скажешь: „Это не я, а Бог Всемогущий сделал“ — это самый убедительный аргумент, что с нами, немощными, всесильный Бог! И не мы, а Бог совершает чудеса, и люди, видя совершенное, соглашаются с этим!»

Как жаль, что некоторых служителей Божиих одолела сатанинская гордость, и они все успехи в служении приписывают себе! Дьявол поймал их в эту крепкую сеть. Такие гордецы сами на себя навлекают Божий суд, ибо «Бог гордым противится...» Более того, они идут прямой дорогой в ад, где приготовлено место первому гордецу — дьяволу и его слугам!

На могиле Божьего мужа и евангелиста, Григория Сковороды, по его просьбе написано: «Мир ловил меня, но не поймал!»

Помните это, дорогие братья! Мир ловит нас! Расставляет сети! Охотится за нами! Готов поглотить нас, «как рыкающий лев»! Но мы должны бодрствовать и

молиться, «чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26:41).

Особым благословением Николай до сих пор считает свою поездку на святую землю, в Израиль!

Это знаменательное путешествие берет свое начало, как и все великое, с малого.

На отчетное республиканское совещание в 1990 году приехали братья из ВСЕХБ во главе с председателем союза, братом Василием Ефимовичем Логвиненко. В субботу вечером, после совещания, братья, собравшись в доме Николая, беседовали на разные темы. Николай спросил:

— Почему так получается? Русская православная церковь ежегодно посылает своих представителей на святую землю, а от нашего Союза баптистов еще никто и ни разу не посетил как паломник ту землю, где воплотился, жил, ходил, проповедовал, и умер наш Спаситель Христос. Это несправедливо.

И тут же сделал предложение:

— Вот вы, Василий Ефимович, собираетесь уходить со служения председателя союза. Так сделайте перед своим уходом что-нибудь особо памятное для нашего братства: добейтесь разрешения для нашей братской делегации посетить Израиль. Это мечта моей жизни, — закончил Николай.

Да, это так. Как только Николай познал Христа как своего Спасителя, он полюбил Библию, и у него загорелось желание побывать на этой земле, по которой ходил Христос. Это желание еще более возросло, когда он прочел книгу доктора Фрея «Земля, где жил Иисус Христос». Мечтал и верил, что однажды так и будет, и его ноги ступят на эту землю!

Братья уехали, но просьбу не забыли. Они возбудили

ходатайство, и благодаря зарубежной миссии, взявшей на себя всю организацию и расходы, эта поездка состоялась. Осенью 1991 года делегация ВСЕХБ в количестве 14 человек самолетом вылетела на остров Кипр, а оттуда паромом по Средиземному морю прибыла в Израиль.

Как только сошли на берег, Николай снял обувь, преклонил колени и поцеловал землю со словами:

— Слава Богу, я, наконец, на святой земле!

— Земля-то святая, Коля, — проговорил Иван Семенович Гнида, руководитель делегации, — но люди здесь не святые!

Восемь полных дней, с раннего утра и до позднего вечера, братья путешествовали по Израилю. Они побывали во всех известных евангельских городах, связанных с жизнью Иисуса Христа, все посмотрели, все зафиксировали в блокнотах, на фотографиях и видеокассетах и, счастливые, возвратились домой прямым рейсом Тель-Авив — Москва.

После возвращения из Израиля почти во всех общинах Киргизии были сделаны сообщения о поездке на святую землю. Вместе с Николаем все дети Божии радовались, благодарили Господа и молились об Израиле.

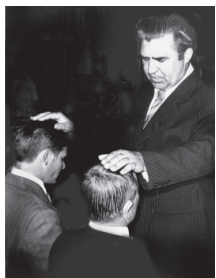
Об этом путешествии у Николая до сих пор сохранились светлые воспоминания.

После покушения.
Среди братьев юга
Киргизии.

Республиканское пресвитерское совещание. Справа от Николая Сизова
сидит Яков Кузьмич Духонченко, старший пресвитер по Украине.

Рукоположение
братьев
на служение.

Н. Сизов
крестит
старшего сына.

Посещение братьев
в Джамбуле.

Посещение
братьев и сестер
в Канте.

Среди
руководящих
братьев церкви в
селе Ленинполь.

ЧАСТЬ 5

**СЛУЖЕНИЕ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Глава 1

ПЕРЕЕЗД В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В известной всем нам книге Джона Буньяна «Путешествие пилигрима в небесную страну» есть глава под названием «Топь уныния». В такую топь попал Христианин вместе со Сговорчивым. Сговорчивый сразу же повернул назад, к своему дому, но Христианин, хотя и с большим трудом, продолжал идти вперед. Тяжелое бремя на спине и трясина под ногами не позволяли выбраться на берег. Тогда к Пилигриму простирается рука помощи, вытаскивает его из топи уныния и ставит на твердую почву, чтобы он мог идти дальше — в небесную страну.

Николай на своем пути в небесный Ханаан тоже встретил подобную «топь уныния». Это было в начале 1992 года, когда трое молодых братьев организовали против него оппозицию и открыто заявили, что ему необходимо уйти от служения старшим пресвитером. Николай знал, что если он открыто назовет республиканскому совещанию причину своего ухода, большинство братьев будет за него и большая часть членов церкви во Фрунзе не выйдут из Союза ЕХБ, как угрожали эти трое. Но Николай не хотел разделения братства в Киргизии и не желал раскола большой городской церкви во Фрунзе, потому смирился и настоятельно просил республиканское совещание освободить его от служения старшего пресвитера. Что и было сделано. Ему вручили памятный подарок за усердное служение, его жене подарили цветы, помолились, чтобы Бог и дальше пользовался им как добрым сосудом.

Душевное и моральное состояние Николая может понять лишь тот, кто долгие годы нес служение и потом без всякой на то веской причины остался за чертой.

Двадцать три года служения старшим пресвитером, до

этого — служение помощником пресвитера во Фрунзе, более пятнадцати лет служения среди молодежи — и вдруг остаться не у дел... Десятки лет служения в народе — и потом пустота и одиночество... Разве легко, после долгих лет служения в гуще народной, заканчивать жизнь на задней скамейке, притом несправедливо?!

Наступило время «топи уныния» и для Николая. Эту «топь» не обошли стороной многие мужи веры — путники в небесную отчизну. Муж по сердцу Божию, Давид, называет это «долиной смертной тени» и молит Господа: **«...взываю к Тебе в унынии сердца моего; возведи меня на скалу, для меня недосягаемую»** (Пс. 60:3). Иов, угодный Богу праведник, в своей печали говорит: **«Цитра моя сделалась унылой, и свирель моя — голосом плачевным»** (Иов. 30:31). Сыны Кореевы жалуются Богу: **«Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься... Унывает во мне душа моя...»** (Пс. 41:6,7). Великий пророк Илия в своем унынии просит у Господа смерти... (3 Цар. 19:4). Могучий Иоанн Креститель прошел эту «топь уныния» (Мф. 11:2,3). Этот список можно было бы продолжать до бесконечности... Даже Сам Сын Божий, Иисус Христос, испытал на Себе это страшное одиночество и глубочайшую душевную скорбь: **«Душа Моя скорбит смертельно»** (Мф. 26:36—39; Евр. 5:7).

Скорбь души Николая и молитва печали дошли до Бога, и десница Всемогущего вырвала его из «топи уныния» и поставила на твердую скалу надежды...

Это Бог сделал через Виктора Бланка, бывшего в ту пору уже в Германии и трудившегося для русского братства в России. Он пригласил Николая приехать в Петербург и помочь ему в ремонте здания для библейского колледжа.

Николай принял это предложение как исходящее от Господа и отправился в Петербург.

Глава 2

РАБОТА И СЛУЖЕНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В Петербурге Николая встретил Виктор Бланк и повез на место будущего служения. Наружный вид здания не привлекал ни красотой, ни благоустройством. Еще более пугал внутренний вид этого большого трехэтажного здания. Здесь раньше находилось женское общежитие учащихся профтехучилища. Все окна были разбиты, инвентарь изломан, туалеты забиты и не работали, воды и тепла не было. А комнаты являли собой редкую «картинную галерею» — таких рисунков ни в какой галерее не сыскать! Везде грязь и беспорядок...

И это здание нужно было привести в надлежащее состояние, сделать пригодным для учебы и жизни студентов первого в России Библейского христианского колледжа «Логос».

Виктор Бланк привозил из Германии добровольцев-христиан, которые свой отпуск безвозмездно посвящали ремонту и благоустройству здания колледжа. Одну бригаду сменяла другая, и так трудились во славу Господа и для пользы Его народа. Кроме добровольцев из Германии, здесь трудились и другие добровольцы, из бывшего СССР. Николай был вместе с ними. Виктор Бланк тоже работал засучив рукава. Изредка он выезжал в Германию, чтобы привезти оттуда кое-какое оборудование и материалы.

Помогали ремонтировать здание и жители Петербурга, в частности, члены общины ЕХБ. Временами в отсутствие Виктора Николай оставался один, руководил ремонтными работами и ночевал в полном одиночестве в пустом, еще не благоустроенном здании. Но он не жаловался и воспринимал все как служение для своих братьев во Христе.

А время торопило: здание нужно было привести в порядок к началу учебного года. Уже начали приезжать первые студенты, которые тоже помогали в работе, обустривая свои комнаты.

К первому сентября были готовы два этажа: этаж для занятий и этаж для проживания студентов. Из маленьких комнат сделали большие учебные классы, просторное помещение для библиотеки, офисы, комнаты для отдыха и молитвы...

Занятия в первом в России Библейском христианском колледже начались вовремя: первого сентября.

Казалось, пребывание Николая в Петербурге подошло к концу. Но администрация колледжа и совет пригласили его для беседы и предложили принять обязанности управляющего делами колледжа. Николай сказал, что у него семья во Фрунзе, жена и еще трое детей неопределенных, и жить врозь он не сможет, а на поездки домой у него нет денег. К тому же двое его женатых сыновей уже в Америке, и Николай надеется, что скоро они и его вызовут к себе, так что он здесь — временный работник.

Администрация колледжа предложила ему подыскать рядом с колледжем квартиру, снять ее за счет колледжа и перевезти семью. Что касалось его временного пребывания в Петербурге — «Не проблема, — сказали ему, — будешь работать сколько сможешь: полгода, год или больше, будет видно». На том и порешили.

Так Николай стал нести служение в христианском колледже: сначала управляющим делами, а вскоре директором колледжа и студенческим пастором. Он организовал очно-заочное вечернее отделение при колледже, на котором члены Петербургской общины ЕХБ могли изучать богословские дисциплины. Занятие вел Николай вместе с выпускниками колледжа. Работы хватало.

Приехала его жена с тремя детьми: двумя мальчиками-школьниками и дочерью, уже закончившей десять классов. От квартиры Николай, с согласия семьи, отказался, не желая, чтобы на них расходовались необходимые колледжу деньги.

Жили вместе со студентами прямо в колледже. Дочь зачислили в колледж, но без стипендии — по причине ее выезда в США. И она жила с другими студентками. Один сын ночевал в офисе Виктора Бланка, когда того не было в Петербурге, другому бросали матрас на пол. Так и жили, не роптали и не жаловались.

Николай был очень доволен, что живет в одном корпусе со студентами. Многие студенты негласно называли его «батя», чему Николай искренне радовался — значит, он еще нужен кому-то. Студенты, профессора и администрация — все жили одной дружной семьей.

Редко удавалось лечь спать в одиннадцать часов вечера, и очень редко он мог спать до семи часов утра. С раннего утра и до позднего вечера студенты шли к Николаю — чтобы он их выслушал, что-то посоветовал, вместе с ними помолился.

Какие-то тяжелые переживания, беспокойная ночь или день, неприятные вести из дому, тоска по родным, неразделенная любовь или наоборот, взаимное согласие и ожидание свадьбы, нужда в одежде или обуви, потребность в совместной молитве или беседе, надобность совета — все это влекло студентов к Николаю... И он принимал их, с готовностью выслушивая их нужды и вникая в их проблемы, старался помочь каждому, кто приходил к нему.

Все студенты во время учебы имели право на бесплатные обеды в общей столовой, завтраки и ужины они готовили сами — на это им выдавали небольшую стипендию. Студенты шли в ближайший магазин и закупали необходимые продукты.

Николай по собственной инициативе решил помочь им и в этом. Он съездил в соседние совхозы, встретился с руководством и договорился, чтобы совхозы привозили в колледж свежие продукты и зелень, притом по дешевой цене. И студентам каждую неделю привозили прямо в колледж неразбавленную сметану, свежий творог, зелень и фрукты, притом по цене намного дешевле, а по качеству и вкусу — намного лучше, чем в магазине. Каждый курс назначал раз в неделю своего представителя, который и производил торговлю здесь же, в колледже, а затем рассчитывался с представителем совхоза.

Кроме того, Николай интересовался, куда, когда и кому привозили гуманитарную помощь и спешил выпросить для студентов яичного порошка, муки, масла, сухого молока. А потом раздавал эти продукты своим студентам...

А вечером по колледжу разносились аппетитные запахи: это студенты готовили на кухне ужин: пекли блины, заваривали кофе, приглашали друг друга в гости. Студенты радовались дополнительному «пайку», а вместе с ними радовался и управляющий.

Гуманитарную помощь одеждой, обувью, инвентарем, иногда продуктами и прочим домашним скарбом обеспечивал Виктор Бланк из Германии, направляя а колледж большие автомашины с грузом. Такие дни в колледже приносили радость студентам, и в их жизни появлялись дополнительные праздники!

Студенты тоже болели и нуждались в медицинской помощи. В те годы начали практиковать платные приемы в поликлиниках. Но у студентов денег не было. Кроме того, чтобы попасть на прием к врачу, нужна была городская прописка, а получить прописку в Санкт-Петербурге было не так просто, к тому же многие студенты не хотели выписываться из своих родных городов. Возникли большие проблемы.

Николай должен был ездить по поликлиникам, обивать пороги мэрии города и управления здравоохранения и убеждать их в необходимости бесплатного и безочередного лечения студентов христианского духовного учебного заведения. Вскоре было достигнуто соглашение с одной поликлиникой.

Однажды после занятий, уже поздно вечером, к Николаю робко постучали. Николай открыл дверь и увидел, как несколько молодых девушек-студенток в замешательстве что-то хотят сказать, но не могут...

— В чем дело, сестры дорогие? — ласково спросил их он.

— Да вот... вот... в общем, нам неудобно вам это говорить...

— Тогда зачем пришли ко мне? Я ваши секреты не хочу у вас отнимать!

— Но нам некуда идти, а вы помогите... Вы можете помочь.

— Ну так скажите, наконец, что вы от меня хотите?

— В общем, мы вам скажем, только не удивляйтесь этому... Наша Галя собралась рожать ребенка, уже наступило время...

— Вот выдумали: «неудобно», «не удивляйтесь». Чему здесь удивляться?! Если бы вы сказали, что не Галя, а ее муж Сергей собрался рожать ребенка, я бы, конечно, удивился. А что Галя — так это естественно. Идите и быстро ее собирайте, а я позвоню в роддом.

Наутро сообщают, что все прошло благополучно: семья Самойленко пополнилась еще одним ребенком.

Вспоминаю страшное волнение и среди мужской половины студентов. Некоторые студенты бегали по колледжу во время занятий. Они были какие-то расстроенные и испуганные... — В чем дело? Что с вами? Что случилось? — остановил Николай одного студента.

— Да... неприятности, — буркнул тот и убежал.

Наконец к управляющему подошли в перерыве сестры и рассказали, что Юра Крейман и еще некоторые другие студенты из колледжа получили повестки в военкоматы для призыва в армию и сейчас переживают.

— И вы тоже переживаете? Ну, тогда я прямо сейчас еду в военкомат с ходатайством, а вы молитесь!

Срочно приготовив соответствующий документ с печатями и подписью, Николай поехал в военкомат, но там ему помочь не смогли, объяснив, что воинская повинность обязательна для всех, в том числе и для студентов.

Не получив удовлетворительного ответа в районном военкомате, Николай поехал в городской, но и там ему сказали то же, добавив, что военкоматы освобождают от службы в армии только студентов высших учебных заведений, притом лишь тех, кто учится на дневных факультетах.

— А ваш колледж?! Это же не высшее учебное заведение... Это просто какое-то училище, не больше чем техникум, — смеясь сказал комиссар. — К тому же оно еще и не зарегистрировано в нашем городе. Нет! Освободить ваших студентов не могу, не имею права... Обращайтесь к министру обороны, — на прощанье посоветовал он.

— Да, но ведь к нему не так просто добраться. К тому же время не ждет! наших юношей могут на днях уже отправить в армию, и если вы не можете дать им отсрочку, то посоветуйте, куда нужно обратиться, чтобы срочно решить этот вопрос!

— Обращайтесь в мэрию города, — ответил комиссар.

— Но вы позвоните туда и попросите принять меня сегодня же, — упрасивал Николай, — ведь туда попасть на прием очень трудно.

— Хорошо! Я позвоню! — пообещал он.

— Ну так звоните прямо сейчас. Я не выйду из вашего кабинета, пока не увижу, что вы что-то предпринимаете, — настоятельно просил Николай.

— Ну и директор колледжа! Да если каждый директор училища или техникума будет так настойчиво добиваться освобождения от службы для своих учащихся, тогда и служить в армии будет некому! — беззлобно сказал комиссар.

— Наши студенты не такие, как все, они особые. И если бы все юноши, везде, были студентами подобных колледжей, тогда не нужна была бы и армия, потому что войн не стало бы, — в ответ произнес Николай.

— Ну хватит рассуждать. А то мы скоро войдем в недозволенное. Я буду звонить...

Соединили его с мэрией быстро. Но вот разговор был долгим. Вернее, после просьбы принять директора христианского колледжа по вопросу освобождения их студентов от призыва в армию комиссар очень долго выслушивал ответ с другого конца провода. Потом он знаком попросил Николая выйти из кабинета и еще долго говорил по телефону. Наконец его снова пригласили в кабинет, и комиссар сказал, что завтра к десяти часам утра Николая ждут в мэрии.

На следующий день в мэрии города состоялась обстоятельная беседа, и появилась надежда на положительное решение вопроса о юношах-призывниках.

Снова составление документа в горвоенкомат, и снова Николай у знакомого комиссара. На этот раз последнего было не узнать: он был очень вежлив и любезен, угостил чашкой кофе, с благодарностью принял в подарок Библию и на прощанье сказал:

— Отныне ваших студентов трогать не будут, я лично дал указание в военкомат. Можете обрадовать уже сегодня ваших призывников, потому что они освобождены от воинской повинности.

С огромной сердечной радостью возвращался Николай в колледж. Он издали заметил, что на крыльце стоит группа, ожидают результат.

Громкие «ура» и «слава Богу» пронеслись над колледжем и ушли в небеса, когда студенты узнали о положительном решении вопроса. А вечером были совместные благодарственные молитвы к Богу за оставленных для дальнейшей учебы братьев. Позже, чем обычно, отправились студенты спать: радость вылилась в славословие Богу. Все сознавали: есть за что благодарить всемогущего Бога!

Много можно еще писать о той помощи, которую Николай получил от Господа в своем служении в колледже, и о том благословении, которое Бог изливал на весь колледж.

Однажды Виктор Бланк привез из Германии на большом грузовике, «фуру», гуманитарную помощь для колледжа. Приехали в пятницу поздно вечером. Согласно закону, грузовик был опечатан и подлежал таможенному досмотру. В субботу и воскресенье таможня не работала. Грузовик был арендован, и время простоя увеличивало арендную плату.

Что делать? Ждать два дня до понедельника и еще сутки, пока грузовик пройдет таможню и пока его разгрузят в колледже? Более трех суток простоя — это тысячи марок дополнительного расхода для «Логоса». Бланк принимает решение: с раннего утра в субботу начать разгрузку, а Николай пойдет оформлять документы в таможне в понедельник — после разгрузки.

Так и сделали. С утра в субботу разгрузили «фуру» и отпустили. Николай сделал им отметку в путевом листе и выдал на официальном бланке «Логоса» с печатями справку о том, что гуманитарный груз принят христианским колледжем. Уже в воскресенье вечером в колледж позвонил водитель и сообщил, что границу проехали благополучно, никто к бумагам не придирался, и они направляются в Германию.

А в понедельник утром Николай поехал в таможенно «растамаживать» груз. Когда подошла его очередь, двое таможенников, взяв у Николая документы, пошли на улицу.

— Где ваш грузовик? — спросили они.

— Уже, наверное, в Германии. Его отпустили еще в субботу днем, — отвечал Николай.

Таможенники от удивления остановились, молча переглянулись и воззрились на Николая.

— Как это? Ведь вы у нас уже бывали и знаете, что без таможи вы не имели права вскрывать пломбы, открывать «фуру» и разгружать ее? Как же вы посмели это сделать?

Они отправили Николая к начальнику таможи. Николай смело пошел, зная, что за него сейчас молятся студенты и весь персонал колледжа. Начальник таможи сначала выслушал своих инспекторов, затем объяснения директора колледжа, помолчал, а потом захохотал. И смеялся громко и долго, так что все испугались, не сошел ли он с ума!

Отсмеявшись, он сказал:

— Более десяти лет служу в таможе, но такое вижу впервые. А как же грузовик пересек границу без нашей отметки?

Николай пояснил, что он сам отметил путевой лист и приложил к нему фирменный бланк о получении груза колледжем, в чем и расписался. Грузовик с этими документами уже благополучно пересек границу, как сообщили с дороги водители.

— Если вы так будете работать, то мы вообще скоро будем не нужны, — опять заговорил начальник и, обращаясь к своим коллегам, продолжил: — Идите, пока работаете, я с ним сам разберусь.

Состоялась хорошая душевная беседа о христианском колледже в Санкт-Петербурге, о душе и о Боге, о человеческих взаимоотношениях и о взаимоотношениях с Богом. Расстались друзьями.

А весь колледж с нетерпением ожидал возвращения директора. Когда же Николай сообщил, что все прошло хорошо, тогда из стен колледжа понеслись потоки благодарственных молитв Богу за Его чудеса и помощь. А Николай благодарил Бога за оказанную ему милость и за то, что благодаря этому событию он познакомился с начальником таможи. Да, все, что делает Господь, Он делает хорошо, и притом весьма хорошо, как написано в книге Бытие (1:31).

Николай же всегда, перед трудностями, или выезжая на встречи с видными людьми, имеющими власть, просил студентов молиться и конкретно говорил им, о чем молиться.

По воскресным дням утром проходило студенческое служение в актовом зале, с участием студентов, профессора Петра Пеннера, Николая и работников колледжа. Собрания проходили живо и разнообразно. Эти служения начали посещать и другие люди, часто неверующие. После обеда, к вечеру, студенты шли в другие церкви города.

Постоянное недосыпание, перегрузки на работе и в служении сказались на здоровье Николая. Возникли серьезные проблемы с сердцем. Врачи советовали ему лечь в больницу, но Николай отказался, зная, что он нужен в колледже.

Утром, после короткого ночного отдыха, директор шел на раннюю утреннюю молитву с работниками колледжа, затем — неотложные дела: заключение договоров, составление графика дежурств, ответы на письма, звонки по телефону и прием посетителей, поездки по организациям и миссиям, а вечером — встречи и беседы со студентами.

Студенты доверяли директору и открывали ему, как наставнику и пресвитеру, свои сердечные тайны: рассказывали о неразделенной любви, делились переживаниями, говорили об искушениях, посвящали в планы и намерения, исповедовались в согрешениях.

Однажды вечером в дверь постучали две студентки и робко спросили:

— Как вы думаете, можно ли нам, студентам, писать шпаргалки? Ведь скоро тесты?

— Я не только думаю, но и глубоко убежден, что писать шпаргалки можно, даже нужно, притом всем студентам, — отвечал им Николай, — но только...

— Поняли, мы поняли вас, — радостно закричали они и, довольные, убежали...

— Подождите! Стойте! — закричал он, но их уже и след простыл.

А на следующий день вечером у дверей Николая ожидала целая толпа студенток.

— Вы ко мне все сразу или по отдельности? — спросил он.

— Можно всем вместе! — обрадовались девочки.

Зашли в молитвенную комнату, помолились, и Николай спросил о причине их визита к нему.

Они немного засмутились, но потом сказали:

— Это правда, что вы вчера вечером сказали нашим девочкам, что можно писать шпаргалки?

— Да! Это суцая правда! Я им сказал, что писать шпаргалки можно, и даже нужно! Я и вам говорю и даже рекомендую: пишите шпаргалки!

— А вы сами писали шпаргалки? — полюбопытствовала одна смелая девочка.

— Да, писал! Писал перед сдачей государственных экзаменов в летном училище и во время своей учебы на заочных библейских курсах в Москве, — признался Николай.

— Вот спасибо вам, а то мы сомневались, — отвечали они.

— Только выслушайте до конца, а то вчера вечером сестрицы во Христе не стали слушать и убежали, — с печалью в голосе проговорил директор.

— А что еще вы хотели бы нам сказать?

— Писать шпаргалки можно, и даже нужно, как я уже сказал вам, но пользоваться ими во время тестов нельзя!

— Почему? — удивленно спросили студентки. — А какая польза писать шпаргалки, если пользоваться ими нельзя?!

— Пользоваться шпаргалками нельзя потому, что это обман преподавателей и самого себя. А обманывать запрещено Богом. Но писать их полезно, потому что в вашей зрительной памяти встанут все слова и строки, которые вы написали на бумаге. И чем больше вы их перепишите, тем ярче они всплывут в вашей памяти во время теста, — наставлял девушек директор.

Не очень радостными ушли они от Николая, но, по их словам, шпаргалками во время теста они не пользовались, однако шпаргалки помогли им вспомнить пройденный и переписанный материал.

Другая интересная беседа состоялась с группой студентов: юношами и девушками. Беседа касалась любви.

— Можно ли студентам влюбляться? — задали вопрос те, кто был посмелее.

— Можно, и даже необходимо! — с готовностью отвечал директор.

— Вот здорово! А мы боялись, что за это вы нас будете ругать, — заговорили чуть ли не хором.

— Минуточку! — остужая дух влюбленности, сказал Николай. — Влюбляться можно и необходимо, только так, как советовал Христос Своим ученикам.

Николай открыл Библию и прочитал из Евангелия от Иоанна (13:34,35): **«Заповедь новую даю вам: да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»**. Для того чтобы любить друг друга так, как Христос возлюбил нас, нужно

крепко влюбиться. Вот вы и постарайтесь влюбиться друг в друга — это можно, и даже необходимо для вас как христиан. И для мира, чтобы ему засвидетельствовать о братской и Христовой любви!

— А можно ли студентам колледжа жениться, не дожидаясь окончания учебы?

— Можно! Ведь у нас не монастырь, а духовный колледж! Но если тем, кто поступал в колледж будучи женатым, колледж выделил комнаты, то те, кто женится во время учебы, должны искать себе квартиру за свой счет, так как свободных комнат в колледже нет.

— А можно ли студентам влюбляться в преподавателей? И если это уже случилось, как об этом им сказать?

— Можно, если хотите страдать, но говорить им об этом не стоит, потому что это не приведет к ответной любви. У всех преподавателей уже есть семьи, и если кто-либо из них проявит ответную любовь, придется исключать из колледжа и вас и их, потому что в глазах Божиих это грех, а греха в христианском колледже не должно быть. Молитесь Господу, чтобы в вашем сердце царствовала не греховная, а Божия любовь, и Бог благословит вас в вашей любви и поможет вам выбрать нужного и соответствующего друга жизни.

— А как вы выбирали себе жену? — допытывались студенты.

Николай рассказал.

— А какая разница в возрасте может быть между женихом и невестой? — спрашивали девушки.

В ответ Николай рассказал один случай из жизни.

Когда он еще жил во Фрунзе, одна из местных газет дала материал: на первой странице — два фото крупным планом: ученого, получившего Нобелевскую премию, и девушки, удостоившейся звания «Мисс красоты». Эта 18-летняя девушка, увидев себя в газете рядом с нобелевским

лауреатом, быстро сообразила и послала ему письмо: «Сама судьба нашла нас друг для друга, поместив нас рядом и показав всему миру, что мы достойны друг друга. Не беда, если у вас есть жена, — сейчас разводы стоят недорого. А мы будем очень счастливы: я — молодая и красивая, ты — уважаемый и богатый, а наши дети будут еще счастливее: они будут очень красивы и очень богаты. С нетерпением жду приглашения. Я готова приехать к тебе!»

«Я уже сейчас очень счастлив, что мы рядом только в газете, а не в жизни, и был бы несчастлив, если бы судьба свела нас под одной крышей. А наши дети были бы и того несчастнее, если бы красотой пошли в меня, а умом — в тебя!» — был ответ 75-летнего профессора.

Много еще было вопросов на подобную тему: можно ли верующим ревновать? Как быть, если одного и того же парня полюбили две родные сестры? Есть ли границы дозволенного, и если есть, то какие они для тех, кто уже обручен и зарегистрирован в загсе? Можно ли влюбленным целоваться?

В заключение все вместе помолились Господу о нуждах и потребностях молодых людей в надежде, что Господь подаст Свою помощь всем тем, кто доверит свою судьбу Богу, как написано в книге Псалтирь (36:4,5).

Разошлись студенты по своим комнатам далеко за полночь, пошел к себе и Николай.

В другой раз студенты затеяли беседу с Николаем о радостных и «пасмурных» христианах. Как говорит Библия о нашей обычной человеческой радости? Допустим ли в жизни верующих смех и юмор? И как относиться к христианам, позволяющим юмор в разговорах и в жизни? Можно ли допускать смех во время богослужений?!

Еще была тема о рождении детей и планировании семьи. Как в свете Христова учения решается этот вопрос?

Помнится, как живо и интересно прошла беседа со

студентами о создании крепкой и счастливой семьи, о поре замужества и о влиянии на семейную жизнь возраста молодоженов: создавали они семью в молодые годы или когда уже встали, как говорят, на ноги.

Много и других нужных и интересных тем обсуждали студенты с Николаем за время его служения в колледже.

Так, быстро и незаметно, прошел год.

Поскольку Библейский колледж «Логос» начинал свою деятельность в городе Белореченске Краснодарского края, и два года обучения прошли там, то после окончания третьего учебного года, то есть после года учебы в Санкт-Петербурге, должен был состояться выпуск. Он и состоялся, и произошло это событие в 1993 году.

Благодаря Богу и стараниям Петра Борисовича Коновальчика, который в то время был пресвитером церкви на Поклонной горе в Санкт-Петербурге, этот выпуск состоялся в наполненном до отказа молитвенном доме церкви. На этом первом выпуске студентов Российского христианского колледжа, кроме студентов и сотрудников колледжа в Петербурге, присутствовали представители «Логоса» из-за границы, а также родители некоторых студентов.

Выпускники сидели в первом ряду в традиционных одеждах бакалавров: плащах и беретах с кисточками, — и под звуки оркестра выходили на возвышенную платформу у кафедры и принимали поздравления и дипломы об окончании колледжа с получением звания бакалавров. Много теплых слов и сердечных пожеланий было сказано в адрес выпускников. Это был настоящий праздник! Он останется светлым воспоминанием на всю жизнь для выпускников, преподавателей, представителей «Логоса» и всех присутствующих и, конечно, для Николая.

После первого выпуска колледж объявил новый набор студентов на первый курс.

В прием документов и собеседование с кандидатами включились все преподаватели и профессора. Потрудились на этом поприще и студенты последнего курса. Вскоре первый курс был полностью укомплектован, и первого сентября 1993 года продолжились регулярные занятия в христианском колледже «Логос».

Но, несмотря на прекрасные взаимоотношения со студентами и сотрудниками колледжа, пришло время расставания. По вызову сыновей, проживавших в США, Николай со всей оставшейся семьей должен был выехать к ним. Билеты купили на 28 сентября 1993 года.

Студенты вместе с сотрудниками и преподавателями собрались вечером в столовой колледжа, где были накрыты столы. Но в центре внимания было не угощение, а речи и пожелания в адрес Николая. В знак любви и памяти директору вручили подарок и альбом, написанный руками студентов.

Можно ли забыть тот прощальный вечер и лица друзей, пожелания и стихи, сказанные Николаю и записанные в памятном альбоме?! Такое не забывается никогда!

Среди хористов церкви
города Фрунзе.

После крещения в церкви г. Канга.

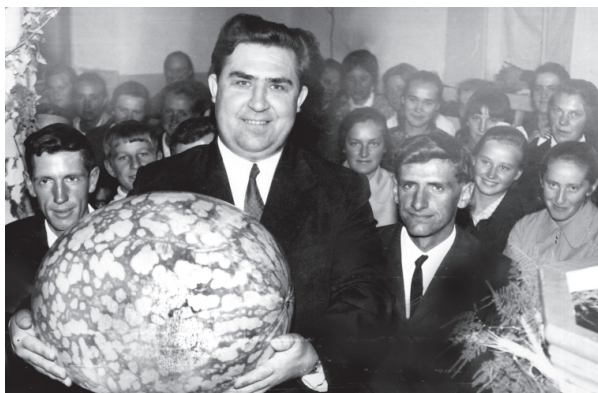

Среди молодежи после крещения
в церкви г. Кара-Балта.

Праздник жатвы в
селе Ленинполь.

Арбуз на память.

Республиканское
совещание
служителей ЕХБ
Киргизии.

ЧАСТЬ 6

В АМЕРИКЕ

Глава 1

ЗАГРАНИЧНАЯ ЖИЗНЬ

28 сентября 1993 года Николай с семьей уже был в московском аэропорту, чтобы вылететь в Америку. Таможенный контроль прошли быстро и без задержек.

Когда подошла очередь для проверки багажа, таможенники спросили:

— Золото есть?

— Нет, — спокойно отвечал Николай.

— Что везете в сумках?

— Книги.

Во всех сумках действительно были книги. Как Николай, так и его дети на положенный вес багажа везли книги. И только жена упростила заполнить одну ее сумку домашними вещами: одеяла, смена одежды для всех и немного из посуды.

— Ставьте вещи на контроль.

Сумки стали просвечивать.

— Зачем вам так много книг? — спросили таможенники.
— И что это за книги?

Николай объяснил, что он на протяжении многих лет являлся служителем культа и потому везет с собой религиозную литературу, а дети — школьники, и взяли с собой свои книги. И подал заверенный еще во Фрунзе реестр всех провозимых книг.

— Золото, золото у вас есть? Сколько денег везете с собой? — продолжал напористо допытываться один из таможенников.

— В какой церкви вы были служителем культа? — полюбопытствовал другой.

— Я был пресвитером евангельских христиан-баптистов в Киргизии, — ответил Николай.

Тогда этот таможенник сказал своему товарищу:

— Какое золото?! Смотри, ни у кого из них нет ни одного золотого кольца на руках, а в ушах — сережек. Это же не наш православный батюшка, а бедный баптист.

И, быстро поставив отметку в декларации,скомандовал:

— Забирайте вещи, которые берете с собой в самолет, и идите на посадку.

Семья направилась к самолету. Николай удивился, что так легко и быстро он прошел досмотр и покидает страну, в которой родился, вырос, служил Богу и людям, где столько пережито... Все это остается уже в прошлом. Что ожидает его там, в незнакомой стране?

Но у него не было ни страха перед будущим, ни сожалений о прошлом. Твердо зная, что его путями управляет Бог, он доверил свою судьбу и судьбу своей семьи Всемогущему и потому спокойно занял место в самолете, который через несколько минут уже был в воздухе и взял курс на другой континент.

После долгого беспосадочного перелета, с дополнительной дозаправкой в воздухе, самолет сделал посадку уже в Америке, а затем другой самолет доставил семью в город Спокен, где их уже ожидали.

Выйдя из самолета в здание аэропорта, Николай еще более удивился, когда оказался в объятиях не только своих детей. Большая группа верующих встречала их здесь, в незнакомой стране. Здесь были многие бывшие жители города Фрунзе, но большинство встречающих были незнакомые люди. Оказывается, встречать их пришли не только бывшие члены общины из Фрунзе, но и другие верующие, живущие в Спокене.

После приветствий один из братьев-служителей пригласил всех отойти в сторонку и прямо здесь, в здании аэропорта, на виду у всех, громко совершил молитву благодарения за эту встречу. Затем, пожелав счастливого обу-

ройства на новом месте, встречавшие покинули зал, а Николай с семьей поехал со своими детьми к ним домой!

— Здравствуй, Америка, благослови, Господи, нас здесь! — прошептал Николай и опять успокоился в доверии к Тому, Кому он посвятил свою жизнь...

Америка носит женское имя и потому, наверное, имеет сострадание к страждущим и больным. И в лице врачей она позаботилась о здоровье Николая, которое было порвано еще в Киргизии, где он перенес инфаркт, затем, в Санкт-Петербурге, перегрузки и недосыпание. Здесь же, в Америке, врачи настоятельно советовали лечь в госпиталь и подлечить сердце. Николай, приняв это как изволение Божие, потому что сам об этом не просил, согласился.

В госпитале ему сделали «железное сердце». Это прибор с батареей, регулирующий работу сердца, ибо до этого возникали перебои до пятнадцати секунд. Николай не мог сидеть без дела и, вопреки рекомендации врача, уже через неделю орудовал граблями на территории церкви — выдернул из кардиостимулятора проводки и опять попал в госпиталь.

В Америке люди тоже имеют проблемы, ибо рая на земле нет, и доллары на деревьях не висят: их нужно зарабатывать! И хотя на первых порах Николай с семьей получали помощь от властей штата, но материальные трудности были большие. Так, в трехкомнатной квартире жили три семьи: Николая и двух его детей. Труднее всего было по утрам — в ванную выстраивалась длинная очередь. Но мирились и пораньше вставали. Да и спать было не очень комфортно. Николай с женой уходили спать в необорудованный, холодный и неудобный, бетонный подвал. Снять большую квартиру не было возможности. Так и жили: тесно, но дружно и в мире, на удивление многим знакомым и дальним родственникам.

Чтобы как-то добавить долларов к скудной денежной помощи, Николай с женой стали почтальонами. Ежедневно, в два сорок пять ночи, они вставали и ехали получать газеты, которые нужно было потом запаковать резинками или в пакеты (при мокрой погоде) и разнести по домам. Газеты обязательно нужно положить на крыльце в сухое место и разнести их все вовремя, не позднее шести часов утра. За опоздание или мокрую газету с почтальона высчитывали штраф.

И так каждую ночь. Без выходных и без праздников, зимой и летом, в мороз и в жару, в дождь и снег они работали почти пять лет. В дни праздников и по воскресеньям к газетам добавлялись кучи различных реклам, и сверток на один адрес весил несколько килограммов. Частенько Николай падал: то лед на дороге, то камень или бордюр, засыпанный снегом, то просто так, от быстрой ходьбы и спешки.

По субботам и воскресеньям родителям помогали детишкольники разносить почту. В будние дни родители берегли детей и давали им ночью поспать, так как утром им нужно было идти в школу и учиться, не засыпая на уроках.

По прошествии пяти лет Катя, жена Николая, устроилась на фабрику. До сих пор, хотя ей уже за шестьдесят, она продолжает работать. Правда, ее периодически сокращают с работы, но потом зовут обратно.

А вот Николаю так и не удалось нигде найти работу, все считали, что работник из него никакой — уже в летах, да и здоровье не то...

К материальным трудностям добавились новые проблемы. Стали искать земельный участок, чтобы построить дома. Притом все дети, как родные, так и приемные, хотели жить рядом, все вместе на одном земельном участке. Но где найти такой большой участок? Некоторые друзья усмехались: такого в Америке не будет.

Прошло пару месяцев, и раздался звонок: «Не хотели бы вы посмотреть дом с большим участком?» Сразу же поехали смотреть. Зятю дом понравился, но хозяину он сказал, что этот дом он берет при условии, если этот участок можно будет поделить еще на несколько участков. Местные власти официально подтвердили, что участок можно разделить на четыре участка со строительством на них новых домов.

Чтобы оформить в банке заем на покупку или строительство дома, необходимо иметь соответствующий доход. Сложили все крохи доходов, чтобы получить хоть небольшой заем. Но нужны были деньги на первый взнос. Где их взять? Занимали по 100—300 долларов. Но немного было тех, кто готов был занять деньги. Николай обращался к друзьям в Спокене и других городах Америки, звонил в Киргизстан, Россию, Германию, обращался к американцам, с которыми уже был знаком, но как только дело доходило до займа денег, никто не мог помочь: все в один день обанкротились, стали безденежными.

Николай понял, что Господь хотел этим показать человеческую дружбу, хотел развеять надежду, которую Николай возлагал на друзей. Да, друг, что тень в ясный день, идет рядом с тобою, в пасмурный же его уже не видно. Права народная мудрость, что «друзья познаются в беде». Лишь Христос не только назвал Своих учеников друзьями, но и остался им верным другом — навсегда. И Николай бросился к ногам Христа: помоги, Господи, помоги! И запел: «Если нас друзья забыли, скажем Господу о том, и Христос проявит в силе, что Он верный друг во всем». И Господь помог! Чудесным путем, откуда Николай и не ожидал, пришли деньги, и столько, сколько нужно было на взнос. Это снова было чудо Божие! Слава Тебе, Господи, за Твои дивные дела и чудеса!

Сегодня на одном участке живут пять больших семей

Николая. Сбылась мечта. Все рады и благодарны Господу, что и в Америке можно жить одной большой и дружной семьей! Правда, выплачивать долг по займу придется не только Николаю, но и его детям в течение 30 лет! Но, вспоминая прошлое, Николай с семьей приносят благодарения и хвалу Господу. Как это делал псалмопевец: «**Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся**» (Пс. 19:8).

Глава 2

СЛУЖЕНИЕ В АМЕРИКЕ

Через день по приезде в новую страну, в воскресенье, Николай пошел на свое первое в Америке богослужение русских баптистов. Был день вечера Господней. Братья попросили Николая совершить вечерю Господню, так как в их группе не было рукоположенного брата, и хотя бы временно взять на себя служение пресвитера. При единодушной поддержке всех членов Николай согласился временно нести служение. Так он и нес это служение с 1993 по 1999 год. Постепенно членов становилось все больше и дошло до восьмидесяти человек. Собирались сначала в одной американской церкви, затем в другой, арендуя их помещения для богослужений и спевков. В воскресенье начинать собрания приходилось рано, в восемь часов утра, вечером же собрание было, как у всех, в пять часов.

Хотя церковь была небольшая по численности, но очень дружная. Собрания проходили интересно и насыщено. На каждом собрании, особенно вечером, кроме проповедей была так называемая свободная программа (до 30–40 минут), в которой каждый мог принять участие — как члены церкви, так и гости. В программе были песни, стихи,

свидетельства. До начала вечернего воскресного собрания один час посвящался разбору Слова Божия. Все собрания проходили оживленно и с участием всех желающих.

С теплым чувством члены церкви вспоминают общие обеды здесь же, в столовой молитвенного дома, проходившие в атмосфере простоты и братской любви.

В 1999 году по настоятельной просьбе Николая, его, в связи с болезнью, освободили от служения пресвитером церкви. Он оставался в церкви почетным пресвитером с обязанностями пресвитера-наставника.

В этом же году, по просьбе другой братской русско-язычной церкви, действующей в этом же городе, эта группа верующих, численностью в 70 человек, объединилась с ними в одну поместную церковь «Свет Евангелия». Николай, его жена и дети стали членами этой церкви и выполняют в ней посильное служение.

Глава 3

В ГОСПИТАЛЯХ

5 ноября 1998 года в результате автомобильной катастрофы Николай снова попал в госпиталь, где находился в реанимации одиннадцать суток, то приходя в сознание, то снова теряя его. Приходя в себя, он говорил своим близким, что не умрет, но будет жить! Так ему открыл Господь. Так и было: он остался в живых! Автомашину ремонту не подлежала: ее отвезли на свалку. Николай получил серьезную травму грудной клетки и повреждение легких. После выписки из госпиталя на дом доставили кислородный аппарат, и Николай дышал через маску, так как легкие не обеспечивали организм достаточным количеством кислорода. Несколько раз он проходил обследование в клинике:

его оставляли на всю ночь в кабинете, заставленном разными приборами, и делали компьютерные тесты, чтобы определить количество кислорода, поступающего в кровь, и работу сердца.

Однажды после такого ночного тестирования Николая пригласили в кабинет врача, который, просматривая показания приборов, сказал:

— Ты Николай?

— Да, я!

— Если бы сейчас пришли твои родственники и спросили о твоём состоянии, я бы им посоветовал побыстрее тебя хоронить, потому что по всем показателям ты — мертвый!

И показал предельно низкие допустимые для человека показатели кислорода в крови. У Николая показатели были намного ниже жизненной линии.

— Но я ведь живой!

— Потому я и не сказал, чтобы тебя похоронили сегодня. Но это — чудо! — добавил врач.

Николай и сам знал, что это чудо Божие, и потому снова и снова благодарил и хвалил своего всемогущего Господа, творящего и сегодня чудеса великие!

Прошло четыре года, и снова Николай и его семья пережили новое величайшее чудо Божие и милость Божию к ним: исцеление от страшной болезни. И желание его сердца — рассказать о Господних милостях к Его народу и о Божиих чудесах, которые Он творит и сегодня; этим возбудить в сердцах благодарение, славословие и поклонение нашему всесильному и любящему Господу, а у молодых людей — страх Божий и почтение к Нему!

Давайте все вместе прочтем три стиха из трех мест Святого Писания: **«Ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют»** (Иов. 5:18). **«Притом знаем, что любящим Бога, призванным**

по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28). «Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: „Это Господь”» (Ин. 21:7).

В нашей христианской жизни, если только мы ходим евангельскими путями, случайностей не бывает. Порой Бог допускает не только то, что нам приятно и что нас радует, но и страдания, неприятные события, злых людей, болезни, одиночество, материальные трудности, томление духа и многое-многое другое.

В начале ноября 2002 года врачи обнаружили у Николая злокачественную опухоль — рак носовой полости, скулы, глазного яблока и лобной пазухи. Взятые анализы подтвердили это предположение дважды: особо опасная разновидность рака — «меланома».

Предстояла тяжелая и серьезная операция, которую в Спокене не делают, и поэтому Николая направили в город Сиэтл, где только два профессора соглашаются делать подобные операции.

Обследования проводил профессор, который сказал, что за свою многолетнюю практику хирурга он сделал уже сотни операций, притом очень много связанных со злокачественными опухолями, но подобную операцию он сделал лишь шести человекам, из которых четверо умерли после операции, а двое пока еще живы. А выживают после операции и того меньше: один человек из ста.

Николай ответил, что он будет жить, потому что он уже получил свидетельство от Бога, что не умрет. Это было задолго до операции. Как только подтвердился диагноз болезни, в доме Николая собралась вся большая семья: 13 детей и 12 внуков; все молились Богу и просили Его милости к ним. Когда встали с колен, все получили душевное умиротворение и свидетельство, что операция пройдет благополучно и Николай будет жив.

Перед поездкой на операцию Николай обратился к сво-

ей поместной церкви, рассказал о своей болезни и попросил помолиться за благополучный исход операции.

С верой и надеждой на Господа он выехал в Сиэтл 8 декабря 2002 года в сопровождении старшего сына, который и был все время с ним в госпитале, долгих 13 дней.

Операция была назначена на 12 декабря, на семь тридцать утра, но еще 11 декабря в девять часов вечера не было известно, состоится ли операция. Особенно против операции возражал анестезиолог, который боялся, что из-за больного сердца Николай после операции не проснется. Поздним вечером сделали дополнительные тесты, и к утру Бог разрешил все проблемы, все пришло в норму, и Николая повезли в операционную. Операция длилась пять часов и закончилась благополучно, хотя и возникали сложности, о чем будет сказано чуть позже.

После операции врачи-онкологи рекомендовали Николаю приехать к ним в Сиэтл через месяц-полтора на проверку, потому что они нашли еще пять подозрительных образований, похожих на рак. Перед выпиской из госпиталя онкологи зашли в палату и сказали сыну, что Николаю осталось жить месяц-два. А потому не отказывать ему ни в чем: пусть ест что хочет, и занимается чем хочет. Пусть перед смертью проживет в свое удовольствие! Но человек предполагает, а Бог располагает! Проверка через полтора месяца после операции показала, что рака нигде нет: а на лице издали не видно даже шрама от операционного шва.

Глава 4

ВОЗРОЖДЕНИЕ К ЖИЗНИ

Отдавая должное знанию и умению профессора-хирурга и врачам, Николай глубоко убежден, что за всеми ними

стоял Он — наш Господь! И это Господь благословил руки хирурга и врачей, дал им мудрости и знания умело и правильно провести операцию! Это Он изгнал из его тела страшную болезнь! Это Господь! И потому, сердечно благодаря врачей и хирурга, Николай, вся его большая семья и друзья преклоняются перед Господом и воздают всю славу Ему, Господу, вернувшему его снова к жизни. Да, именно вернувшему к жизни, совершившему чудо Своим могучим всесильным словом.

Дело в том, что душа Николая уже вышла из тела. Его душа уже была на пути к Господу. Ему было так хорошо и приятно парить над землей. Он знал, что там, на земле, остались его жена, дети и внуки, которые очень любили его и которых он любил так же сильно, но никаких переживаний за них он не испытывал.

Затем Николай с удивлением вдруг увидел свое безжизненное тело в большой, залитой светом комнате. Тело лежало на столе, накрытое белой простыней. И вокруг этого тела бегали и волновались медсестры и врачи, громко кричавшие и показывавшие на тело. Вдруг громкий голос профессора остановил эту беготню:

— Нет! Он не умрет, он будет жить! Так он сам сказал. Сейчас за него молятся сотни людей. Прекратите панику!

Николай не очень хорошо понимает разговорную английскую речь, тем не менее он хорошо понимал слова профессора, как если бы он говорил на понятном ему языке.

После слов профессора все успокоились, а Божий голос повелел Николаю снова вернуться на землю и войти в тело, потому что молитвы святых Он не может не исполнить! Поэтому Он продлевает ему еще жизнь!

— Господи! — сказал Николай. — Я хочу к Тебе, мне так хорошо!

— Посмотри на землю, — прозвучал тот же голос с неба. — Видишь, как за тебя возносятся молитвы со всей земли.

Николай взглянул на землю и увидел как бы большой глобус. Он видел глобус не только спереди, но и с боковых сторон, и даже сзади. С разных мест земли устремлялись к небу голубенькие струйки, подобно лучам света; другие, как молния, пронзали тьму и сливаясь в мощный поток уносились ввысь.

С разных мест Спокена, Ванкувера, Сиэтла, с Аляски и Восточного побережья Америки, Канады, Германии, России, Украины, Киргизстана, даже с Австралии, возносились эти струйки голубого света в небо, где их собирали ангелы в золотые сосуды и, сменяя друг друга, несли эти молитвы к яркому сиянию, где находился престол Божий.

Это место напоминало северное сияние, только во много раз ярче. Это сияние постоянно поддерживалось клубами пламени, наподобие огню в русской печи. Над этим сиянием красовалась величественная радуга, намного красивее и ярче земной радуги после дождя. От радости и восторга Николай хотел плакать, но слез у него не было! Он не умел плакать!

— Разве Я могу не исполнить эти молитвы?! — повторил тот же голос с неба. — Возвращайся назад!

Хотя Николаю этого не хотелось, но он послушно стал спускаться все ниже и ниже и наконец вошел в свое холодное и безжизненное тело.

Это вхождение в тело было подобно тому, как если бы он надевал на себя резиновый водолазный костюм, только что извлеченный из холодной воды. Было неприятно, но он это сделал в полном послушании, зная, что это повеление Божие.

Таким образом, Бог снова возвратил Николаю жизнь по молитвам церквей, жены, детей, внуков и друзей! Бог и сегодня творит чудеса!

«Кто, как Ты, величествен святостью, досточтим хвалами, Творец чудес?» — так пел народ Божий, Из-

раиль, перейдя Чермное море (Исх. 15:11). Так, вслед за народом Божиим, Николай повторял эти слова.

Почему он решил открыть это и рассказать другим, а не оставить в тайне своего сердца?

После возвращения из госпиталя Николай поблагодарил свою поместную церковь за молитвенную поддержку, а также посетил церковь «Пилигрим», где несет пресвитерское служение брат Каприян Александр Станиславович. Там, на собрании, он также поблагодарил тех, кто молился о нем, и сказал, что он не только верит, что за него молились, но что он эти молитвы видел, и очень коротко рассказал об этом.

На следующий день, в понедельник, Николаю позволил домой брат Александр Каприян из Спокена и попросил записать свои переживания на аудиокассету, чтобы другие могли их послушать. Николай согласился не сразу. После всего, что он пережил, ему страшно было проявлять свою волю; да и, откровенно говоря, ему и не хотелось делать подобную запись. И они договорились, что он будет молиться, и как Господь ему ответит, так он и поступит. Брат Александр добавил, что он тоже будет молиться. На следующее утро Николай открыл Слово Божие и прочел Псалом 77. В этом псалме есть такие слова: **«Что слышали мы и узнали, и отцы наши рассказали нам, не скроем от детей их, возвещая роду грядущему славу Господа, и силу Его, и чудеса Его, которые Он сотворил... Чтобы знал грядущий род, дети, которые родятся, и чтобы они в свое время возвещали своим детям — возлагать надежду свою на Бога и не забывать дел Божиих, и хранить заповеди Его».**

Николай воспринял это Слово Господне как откровение от Бога и решил поделиться с другими о милостях Божиих к Его народу и о чудесах Его и сегодня, ибо Он «вчера, сегодня и вовеки Тот же», чтобы укрепилась вера во все-

могущество Божие и умножилась надежда на Его милосердие, и чтобы вспылала к Господу и Его наследию горячая первая любовь, во многих уже угасшая, и чтобы дети его наполнились страхом Божиим и благоговением перед великим Господом. Ибо современное молодое поколение не замечает милостей Божиих в своей жизни, и не знает о Божиих чудесах, творимых Им сегодня, и не чтит должным образом всесильного Господа Бога! Отцы и матери должны поведать о тех чудесах Господних, которые пережили они сами — старшее поколение.

Времени для размышлений у Николая было много: длинные дни и частые бессонные ночи в госпитале не прошли бесследно. Николай многое передумал, еще раз переоценил человеческие и Божественные ценности, обогатился новыми библейскими сокровищами и извлек немало уроков из своей болезни. С некоторыми из них он и желает поделиться с другими.

Во-первых, слово к тем, кто сегодня много страдает, кто переносит тяжкие болезни, у кого не хватает материальных средств, кто несправедливо обижен, кто обойден, кого не понимают, кого унизили, кого ложно обвинили, кого терзают злые люди, к голодным, гонимым, лишенным свободы, ко всем, потерявшим сердечный мир и покой, — прочитайте Книгу Иова, 5:18.

Первое, что Николай все время помнил и что его ободряло, — это осознание, что «Он причиняет раны и Сам обвязывает их». Это облегчало боли, это укрепляло веру и надежду на Господа. Сегодня это слово он напоминает всем страдальцам: примите его в свое сердце. И тогда осознание, что «Он поражает, и Его же руки врачуют», укрепит и вас в ваших болезнях и скорбях, облегчит ваши страдания, подаст надежду на Его милосердие.

Осознание, что эти страдания допущены Богом, что Он постоянно наблюдает за вами и что это пройдет и наступят другие времена, — поможет вам увидеть совершенно в другом свете свои обстоятельства и свое страдание.

Более того, вы поймете, что ваши временные физические и моральные страдания окажутся полезными для вас и послужат ко благу окружающих вас людей и к прославлению Господа, как написано: **«Любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу»** (Рим. 8:28). Все, даже страдания!

«Мои страдания послужили во благо мне лично, — говорит Николай, — я увидел в себе то, что нужно оставить, и недостаток того, чем можно было бы послужить ближним и Господу и чего недостает мне. Эти страдания были полезны для моего очищения и освящения, как сказал Христос в Евангелии от Иоанна (15:1–2). Пережитое мною послужило укреплению веры в моих друзьях, возбудило ревность в ходатайственных молитвах за других, и в итоге от всех нас вознеслись к Богу наши горячие благодарения и сердечные прославления за Его чудные дела! А молодые люди исполнились почтением перед Всемогущим Господом!»

Придет, дорогие мои, и для вас помощь и избавление, только нужно терпение, чтобы без ропота встретить назначенный Господом день чудесной перемены! Вспомните историю о воскрешении Лазаря.

Лазарь заболел. Его сестры и сам Лазарь были уверены в том, что как только об этом узнает Иисус, Он придет и исцелит его, ведь Иисус любил это семейство — это они знали. Потому и послали сообщить Ему: «Господи! Вот, кого Ты любишь, болен». И стали ждать! Ждут день, два, а Иисуса все нет. Уже и Лазарь умер, а Иисуса нет. Уже похоронили Лазаря, а Его все нет. Проходит еще четыре дня, а Иисус не приходит... Сестры опечалились и даже

возроптали. Разве этого не слышно в их словах, обращенных к пришедшему, наконец, Иисусу: **«Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой»** (Ин. 11:21).

Но Господь не опоздал! Он пришел, Лазарь воскрес, сестры обрадовались, у друзей Христовых возросла вера в Него, многие уверовали, и прославился Господь! (Ин. 11:45).

Придет Господь и к вам! Придет в нужную минуту! Придет и не опоздает! Хотя иногда приходится долго и трудно ждать. Но Он придет и поможет, Он сотворит чудо! И вы еще возликуете и прославите Господа! Только не забудьте тогда поблагодарить ЕГО! Именно ЕГО!

Из своей последней болезни Николай извлек три важных урока:

Первый: мы должны иметь благодарное сердце за чудесно сотворенное Богом человеческое тело. Хочу теперь спросить вас: благодарили ли вы Господа за ваши глаза, уши, нос, рот, за любой другой орган вашего тела? Если не благодарили еще за это Господа, поблагодарите Его сегодня, ибо Сам Бог сказал после сотворения мира и человека: **«И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма!»** (Быт. 1:31). Посему этот чудный Творец достоин славы и благодарения от всего Своего творения, в том числе и от вас! Склоните голову и сердце и прославьте нашего Создателя и Господа!

Второй важный урок, вытекающий из вышесказанного, касается всех нас, детей Божиих: мы должны помнить о том, что наши тела — это храм живущего в нас Духа Святого и к нему нужно относиться надлежащим образом: не лелеять его, не делать из него идола, но беречь, не осквернять его, заботиться о нем и им служить Господу, как написано в Послании к римлянам (12:1–2).

И третий урок. Об этом апостол Павел также хорошо пояснил в 12-й главе Первого послания к коринфянам. Прочтите еще раз эту главу, и вы убедитесь в том, что, как

в человеческом теле, так и в Церкви Христовой, все без исключения члены нужны друг другу и Христу. Все мы разные, непохожие друг на друга, все имеем разные призвания и способности, не все занимают высокое и видное положение в церкви, все выполняем разное служение, но все без исключения, даже самые незначительные по виду и положению, нужны друг другу и Христу!

Неужели все? — спросите вы. — Ведь сколько есть таких, от кого не видно никакой пользы, одни неприятности.

Да, все! Все без исключения. Как и в человеческом теле, нужны и те члены, которые ничего доброго не делают, но они тоже нужны, и притом очень нужны. Нужны до времени, пока не изменит Господь наши тела. И в общинах сегодня тоже есть такие члены, но придет время, и их не будет в Церкви Христовой, но пока они нужны, нужны для нашего испытания, воспитания и освящения.

Остальные же члены церкви должны вынести из выше-сказанного уроки: не гордиться своим высоким положением, не унижать друг друга, не превозноситься друг перед другом, но найти свое призвание, свое место в церкви и смиренно выполнять свои обязанности, не посягая на место, принадлежащее другому.

Здесь сокрыт урок и для руководителей общин — пресвитеров, диаконов, наставников и других ответственных служителей: помогите всем членам церкви раскрыть свои способности, найти свое место в церкви и наделите каждого члена служением. И поместные церкви, как единое тело Христово, выполняют возложенную на них Богом миссию и будут жить полноценной, единой и безболезненной жизнью, жизнью с избытком! Помогите всем нам в этом Господь!

Еще хотелось сказать несколько слов молитвенникам, тем, кто находит время возносить ходатайствен-

ные молитвы за других, совершая их лично, наедине, и в группах, собираясь в молитвенном доме или в частных домах.

Вначале прочтите сами несколько мест из Священного Писания – 18-ю главу и один стих, 29-й, из главы 19. Затем из Книги Иова – 42:7–10 и из Первого послания к Тимофею – 2:1–4.

Эти места Писания, как и многие другие, открывают нам значение и ценность ходатайственных молитв. Наши молитвы избавляют от наказания тех наших ближних, которые говорят неправильно и судят других несправедливо, как это было с друзьями Иова; по нашим молитвам Бог выводит наших родственников из погибающего мира, как это было с Лотом и его семейством; наши молитвы будут содействовать тому, что Бог пересмотрит Свои наказания не только отдельных людей, но целых городов и даже стран, как это было с Содомом, Гоморрой и другими городами; такие молитвы угодны Богу, как об этом написал апостол Павел Тимофею и как мы поем:

Есть сила благодатная в созвучье слов живых,
И дышит непонятная святая прелесть в них.
С души как бремя скатится сомненье далеко,
И верится, и плачется, и так легко, легко!

Кроме того, такие молитвы несут благословения и тем, кто их совершает: молитвенники, подобно Аврааму, получают откровения Божии об окружающем их мире; Бог воздаст им за их молитвы сторицею благословений, как Иову, и делает их жизнь тихой и безмятежной, как обещает Слово Божие через апостола Павла.

Молитесь же, мои дорогие; молитесь и не унывай-

те; молитесь, открывая свои желания Богу; непрестанно молитесь. Молитесь наедине и в группах; молитесь по частным квартирам и в Доме молитвы; молитесь и верьте, что такие молитвы угодны Господу и Он услышит их и благословит вас!

Коротко о посещении больных на дому и в больницах. Не передать чувство, которое возникает у больного, когда его посещают близкие и родные люди. Это нужно пережить самому! Христос знал великую цену посещения больных, ибо Сам сказал: **«Был болен, и вы посетили Меня»** (Мф. 25:36).

Да благословит вас Господь и сохранит! Да призрит на вас Господь светлым лицом Своим и помилует вас! Да обратит Господь лицо Свое на вас и даст вам мир! Аминь.

За две недели пребывания в госпитале Николай видел много врачей, медсестер и обслуживающего персонала. Многие из них выполняли одну и ту же работу, но какие они были разные и как по-разному относились к больным и по-разному выполняли свои обязанности! От прихода одних сразу портилось настроение и усиливались боли, не говоря уже о томлении духа.

С приходом других — словно светлый луч солнца врывался в палату, и хотелось петь, кричать, боли куда-то уходили, все казалось прекрасным и желанным, даже уколы, а ласковый голос и доброе отношение к больному приносили выздоровление.

Николай снова убедился, как важно, чтобы каждый из нас оставался человеком, где бы он ни был и что бы ни делал. Необходимо творить добро, не грубить, но говорить другим ласковые и нежные слова, утешать и ободрять больного, оказать страдальцам внимание и усердно и чест-

но выполнять свои обязанности, не быть изобретательными на зло. Николай на своем опыте познал силу и значение ласкового слова: оно творит чудеса! Как мало оно стоит говорящему, но как оно многоценно для того, кому оно сказано!

Жаль, очень жаль, что многие люди, в том числе и христиане, забыли ласковые и нежные слова и никак не могут их вспомнить, чтобы их сказать ближнему! Даже у себя в семье, своим любимым, не позволяют говорить эти нежные слова друг другу.

Будьте же светлым лучом в царстве мрака, дорогие мои, вносите радостную струю жизни туда, где вы бываете: дома, в школе, на работе, в обществе, в церкви, в гостях, в тюрьмах и больницах. Не надо портить настроение людям своим ворчанием, мрачным видом, скучным и безразличным выражением лица, резкими упреками и осуждением.

Помните, что вы, христиане, — письмо Христово и призваны быть благоуханием для окружающих везде и всюду, всегда и постоянно. Не забывайте об этом! Начиная с самого раннего утра, скажите кому-нибудь приятное слово, улыбнитесь встретившемуся с вами человеку, сделайте что-либо доброе другим, и вы не только обрадуете близких своих, но и себе доставите сердечную радость!

А как много радости приносит больным посещение их близкими, родными и любимыми друзьями! Чтобы это испытать, нужно самому побывать на больничной койке и узнать цену такого посещения.

Будем же стараться делать добро людям, пока живы мы и живы они, наши ближние. Будем приносить цветы нашим друзьям сейчас, а не на их могилы, будем говорить хорошие слова нашим родным сейчас, а не на их похоронах... **«Итак, доколе есть время, — пишет апостол Павел, — будем делать добро всем»** (Гал. 6:10).

Перед глазами Николая до сих пор стоит его жена, дочери и зять (по словам Николая, все зятья для него сыновья, равно как и снохи — дочери), как он увидел их, когда проснулся от наркоза после операции. Они приехали проведать любимого человека, преодолев на машине длинную и трудную дорогу. А как он был приятно удивлен, когда увидел у себя в палате своего родного брата Петра, приехавшего к нему с дочерью Наташей из другого города. Брат сам больной, едва передвигается из-за болей в ногах и позвоночнике, но он пожертвовал своим покоем и претерпел тяготы дороги, чтобы увидеться с братом!

Каким утешением повеяло от них на больного Николая! Какой радостью наполнилось его сердце, когда он на деле почувствовал, что он еще кому-то нужен, кто-то еще любит его, кто-то в нем нуждается! И хотя эти посещения для родных были трудными и стоили много труда и времени, но Николаю они были очень дороги и нужны. И он эти посещения не забудет никогда!

Но как много посетителей, похожих на друзей Иова, пришедших к нему во время его страданий: они или ничего не говорят больным и своим молчаливым присутствием только обостряют горечь страданий, или, что бывает чаще, сразу же обвиняют их во всех грехах:

— Ну говори, почему ты болеешь? Какой грех совершила? — однажды допрашивали братья одну больную сестру, придя к ней в больницу.

— Да я и сама не знаю, в чем виновата пред Господом Богом. Все мы не безгрешны, может, что и было, но я не помню.

— А-а, скрываешь, хочешь вызвать сострадание и оправдать себя. «Не ангелы, все согрешаем», говоришь, а грехи свои не помнишь. Не будем молиться, пока не откроешь свой грех. Мы еще придем, а ты думай и будь готова исповедовать свой грех, — сказали братья на прощанье.

Братья ушли, а сестра думает: где же она так тяжело согрешила (чтобы исповедовать свой грех); думает — и не находит... А ей так хотелось, чтобы братья помолились над нею, как написано в Послании Иакова (5:14,15). И, наконец, она придумала. Как только братья снова пришли к ней, она им и говорит:

— Братья, я виновата. Кто из нас безгрешен? Согрешила и я.

— В чем согрешила? — обрадованно переглянулись братья.

— Да вот, я поругалась с неверующей соседкой и обозвала ее нехорошим словом, — отвечала больная.

— Каким словом?

— Да стыдно мне его повторять. В общем, слово нецензурное, ругательное. Но мы с ней уже помирились. Я у нее попросила прощения.

— Нет, ты уж найди в себе мужество и повтори то слово так, как сказала.

И сестра, ревнуя о молитве братьев, произнесла ругательное слово. Братья, довольные ее признанием, совершили над ней молитву с помазанием елеем и ушли. А сестра бросилась на колени и в слезах стала просить Господа:

— Прости меня, Господи! Помилуй и прости, что я наговорила на себя и сказала это мерзкое слово! Теперь-то я знаю, что согрешила пред Тобою! Но мне так хотелось, чтобы братья помолились надо мной, и мне нужно было перед ними в чем-то исповедаться. Но Ты, Господи, прости мой вынужденный грех.

Подобных примеров можно было бы привести немало, но хочется дать совет посещающим: быть более рассудительными и не сразу обвинять больного в его грехах. Ведь больной лежит с глазами, открытыми к небу, к Богу, а посетители ходят с опущенными головами, и их глаза смотрят на землю. И чаще бывает, что больные люди, проверяя себя

и молясь Богу, намного чище и святее тех, кто пришел к ним, чтоб над ним помолиться.

Да и Слово Божие не говорит однозначно о причинах болезни и страданий. Это может быть и наказанием за грехи, но может быть вызвано совершенно иными, не известными нам причинами. Читайте Евангелие от Иоанна, 9-ю главу, три первых стиха. Прочли?! Идите, посещайте больных, но будьте осторожны и не вынуждайте больных согрешать!

Несколько слов о разлуках и любви. На этот раз Николай находился в госпитале тринадцать дней. Раньше он пробыл в госпитале дольше. Да и во время долголетнего пресвитерского служения он часто бывал в разлуке с семьей. И потому он по опыту знает, что такое разлука с дорогими и любимыми, и на основании пережитого говорит, что настоящая любовь в разлуке еще сильнее разгорается и ярче горит, а фальшивая любовь — тускнеет и даже совсем гаснет! Любовь подобна огню: большой огонь при большом ветре еще больше разгорается, а малый огонь при сильном ветре — совсем затухает.

Не любят мужья своих жен, если, выйдя из дому, уже смотрят на других женщин и видят на улице красивые лица и точеные ножки, — нет и не было у них настоящей любви. Это в равной мере относится и к женам.

Серьезной опасности подвергаются мужья, работа которых связана с длительными командировками и любовь которых к семье очень мала.

Будьте бдительны, наблюдайте за собой, берегите себя и свои семьи, ибо, в противном случае, вы погубите себя и свою семью и не только здесь, на земле, но и в вечности!

Живите так, чтобы вас тянуло домой, туда, где вас по-настоящему любят и думают о вас ваши родные. Родной дом издали, в разлуке, видится другим, и взаимоотношения между родными также видятся совсем по-другому.

Но женам тоже нужно помнить о том, что теплую атмосферу в доме создает жена! Не забывайте об этом, чтобы ваших мужей тянуло домой!

Вспоминается один из сыновей Николая, который очень неохотно шел в школу, говоря, что он идет туда так, как Иосиф шел в Египет. Но зато домой из школы он не шел, а бежал. И, прибегая домой, даже целовал дверную ручку со словами:

— Мой родной домик!

Как-то Николай возвращался из одной поездки с верующими братьями во Христе. В дороге говорили о разном, и в конце концов разговор перешел на тему семьи и дома.

— Ой! Скорее бы домой! Я так соскучился по всем: по жене, детям и даже по собачке, — сказал мечтательно один.

А другой возразил:

— Не понимаю тебя, чего ты так рвешься домой?! Разве нам плохо? Меня вот домой не тянет. Опять будут скандалы, ругань и длинные, скучные вечера. Нет, я бы всю жизнь проводил вне дома!

А если твой дом тебя не притягивает, если там тебе плохо, что делать?

Молиться Богу! Бог может изменить все, в том числе и взаимоотношения в семье, если, конечно, вы пожелаете этого и попросите об этом Господа, потому что сами, без Бога, вы ничего не сможете изменить, и Господь без вас тоже ничего не станет изменять, так как сотворил вас со свободной волей!

Живите же так, чтобы при мысли о доме вам с непреодолимой силой захотелось домой! Христианский дом — это прохладный, с живительной водой оазис в жаркой и безводной пустыне греховного мира! Мир — это, воистину, Египет, где страдал и томился Божий народ, Израиль! Потому, как только появится возможность, бегите из

Египта и постарайтесь как можно скорее достичь желанного оазиса!

Испытав холодное дыхание смерти, Николай счет нужным напомнить о кратковременности нашей жизни. Кто-то сказал: «Старики должны умереть, а молодые могут умереть». Сколько бы человек ни прожил, все равно ему кажется, что он почти еще и не жил! А уже нужно уходить с этой земли. Для каждого из нас уже заготовлен могильный камень с нашим именем и датой рождения, осталось только дописать дату смерти.

Слово Божие говорит, что **«один только шаг между мною (нами) и смертью»** (1 Цар. 20:3). Сегодня человек живет, а завтра уже уходит отсюда.

Уходит... Но куда и с чем? Святое Слово Божие, Библия, очень ясно и четко говорит об этом: **«Людам положено однажды умереть, а потом суд»** (Евр. 9:27). Умирают старые и молодые, умирают бедные и богатые, умирают больные и здоровые, умирают те, кому надоело жить и кто ищет смерти, умирают и те, кто дорожит жизнью и цепляется за нее. Умирают, потому что так положено Богом.

Придет время, когда смерти уже не будет, да и некоторые из читающих не увидят уже смерти, ибо станут участниками славного восхищения Христовой Церкви. А пока смерть лишает жизни неисчислимое множество людей! «Придет и наша черед» — так мы поем, так оно и будет.

Но что дальше? Безумная философия утверждает, что человек умрет, тело его сгниет, и ничего не останется.

Это животная, скотская теория. Но мы — люди, а не животные. Оглянитесь на себя, на свою память, на свой ум, на все разумное свое существо. Оглянитесь на окружающий вас видимый и невидимый мир, и вы увидите не только их законы, но и Творца этих законов. Посмотрите,

как все живет и подчиняется установленным раз и навсегда законам. Почитайте Слово Божие, и вы поймете истинность библейских слов. Подумайте о своей смерти, помолитесь Богу и потом прислушайтесь к зову своего сердца. И вы услышите голос души, ее стон и тоску по Богу, ее желание не умирать, ее порыв к новой жизни, притом вечной жизни.

Людям положено однажды умереть, а потом — воскресение и суд (Евр. 9:27 и Ин. 5:25,28,29). Желает или не желает того человек, но он воскреснет, чтобы дать отчет за свою жизнь на земле и за свои дела, совершенные в течение этой жизни, и даже за свои слова.

В этот мир мы пришли ни с чем и уйдем из него с пустыми руками. Но куда и на что мы употребили таланты и дарования, которыми обогатил нас Бог? Бог доверил нам эти богатства, чтобы мы употребляли их бережно и умело, с пользой для других и для славы Божией. С собою в вечность мы не возьмем ничего, но наши дела пойдут вслед за нами. Они будут иметь большое значение для нас лично! Читайте Первое послание апостола Павла к коринфянам (3:11—15).

Выбор за вами. Или-или. Золотой серединки здесь нет. И нужно спешить выбирать, пока еще мы живы, потому что не знает человек дня своей смерти, и будет жаль, если мы, по своей беспечности, не успеем это сделать.

Плохо, очень плохо, когда тебя обманывают другие, но еще хуже, если ты сам себя обманешь. А Слово Божие предупреждает: **«Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет»** (Гал. 6:7). Древняя китайская мудрость говорит: «Не взять то, что даровано небом, значит, себя обмануть и наказать!»

Не наказывайте себя, друзья! Не обманывайтесь!

Николай прожил очень трудную, но очень счастливую жизнь и может уйти на небо со спокойной совестью.

У некоторых читателей может возникнуть вопрос: что помогало ему сохранять спокойствие духа в сложных ситуациях и не терять надежды на Господа?

Причин тому несколько. Об одной сказано в Псалме 31 (8-й стих): **«Вразумлю тебя, наставлю тебя на путь, по которому тебе идти; буду направлять тебя, око Мое над тобою»**.

Этот стих подарили Николаю на память после его покаяния. И он на всю жизнь остался любимым для него. Потом ему много раз дарили этот текст в качестве пожелания, зная, что Николай его очень любит. Этот стих и слова: «Око Мое над тобою!» и сегодня находится в зале его дома!

В тяжелые дни испытаний Николай выходил на улицу, обращал лицо к небу в уверенности, что там находится престол Божий, и не имело значения, был ли это пасмурный день, с темными тучами на небе, или темная ночь, с мерцающими звездами, — он знал, что оттуда, с неба, на него смотрят всевидящие очи Господа и Бог ведет его правильным путем. Это его успокаивало, это его смиряло и вливало новые силы для трудного, но благодатного служения.

— **СЛАВА ТЕБЕ, ГОСПОДИ, СЛАВА** за то, что **ТВОЕ ОКО БЫЛО ВСЕГДА НАДО МНОЮ!** — повторяя слова псалмопевца, восклицает сегодня Николай и говорит вместе с Давидом: **«Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня»** (Пс. 15:6).

Блажен человек, воистину блажен, для которого Господь Иисус Христос был и остается добрым Пастырем! Прочтите 22-й Псалом, и вы убедитесь в этом.

Если у вас появилось желание прожить благословенную жизнь, вам нужно сегодня, сейчас же, принять Иисуса Христа в свое сердце, и Он будет вашим добрым Пасты-

рем всю вашу жизнь, даже в долине смертной тени, и вы вместе с Давидом запоете: «**Так, благодать и милость Твоя да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни**» (Пс. 22:6).

Заканчивая свои воспоминания, Николай подумал, что если и первое, и второе его рождение были не такие, как у всех людей, то и смерть его будет не такой, как у других.

Наверное, он уже не умрет, но живым увидит Господа лицом к лицу, при скором восхождении Христовой Церкви.

Но если вы услышите, что Николай умер, не верьте, он лишь перешел в другой, лучший мир, мир без страданий и слез, без скорбей и болезней, мир бессмертия, любви и совершенства.

Свои воспоминания он заканчивает стихами Николая Водневского и словами Священного Писания!

Оглянулся — и вижу,
 будто было во сне:
 в голодовку я выжил
 и не сгинул в войне.
 И прошел через туманы,
 через темень ночей,
 через многие страны,
 языки «стукачей».
 Память сердце не точит,
 что прошло — не вернуть.
 С каждым годом короче
 скорбный жизненный путь.
 Грусть не будет тревожить
 пред кончиною дня:
 встретят ангелы Божьи
 на пороге меня.
 Может, чуточку вздрогну
 я от встречи такой...
 А потом «аллилуйя!»
 будет литься рекой!

«Не дивитесь этому, ибо наступает время, в которое все, находящиеся в могилах, услышат глас Сына Божиего и выйдут: творившие добро — в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения», — сказал Христос (Ин. 5:28).

«И услышал я голос с неба, говорящий мне: „Напиши: отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; да, — говорит Дух, — они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр. 14:13).

«САМ ЖЕ БОГ МИРА ДА ОСВЯТИТ ВАС ВО ВСЕЙ ПОЛНОТЕ, И ВАШ ДУХ, И ДУША, И ТЕЛО ВО ВСЕЙ ЦЕЛОСТИ ДА СОХРАНЯТСЯ БЕЗ ПОРОКА В ПРИШЕСТВИЕ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА» (1 Фес. 5:23).

Чтение Библии.

Дети получают
отцовское благословение.

На бракосочетании в с. Беловодском.

Студенты Библейского христианского колледжа «Логос» в Санкт-Петербурге, ныне Санкт-Петербургский христианский университет.

На обетованной земле в кругу братьев.

Вечеря и поклонение.

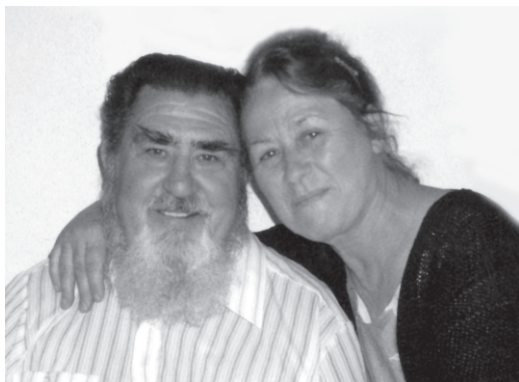
Катя и Николай Сизовы в кругу детей и внуков.
Последняя семейная фотография.

Счастливое „бременение“.

С любимой среди любимых цветов.

Еще вместе.

Последнее благословение на брак.

За две недели до смерти Николая
родившийся внук
назван Николаем.

Дни странствования.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1 ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Глава 1. Найденный в поле	10
Глава 2. Родители	14
Глава 3. Детские годы.	18
Глава 4. Военные годы.	23
Глава 5. «Соленое» занятие.	31
Глава 6. Посеянная неправда.	37
Глава 7. Первая сознательная молитва.	40
Глава 8. В больнице.	46
Глава 9. Конец войны.	50
Глава 10. Школа.	54
Глава 11. Второе рождение Николая.	59
Глава 12. Праздничный обед.	66
Глава 13. Плоды покаяния.	68
Глава 14. Молодежь в церкви.	77
Глава 15. Моя первая Библия.	88
Глава 16. На работе.	91
Глава 17. Собрания верующих в послевоенные годы.	103
Глава 18. Институты.	106

ЧАСТЬ 2 АРМЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Глава 1. Военная школа.	118
Глава 2. Встреча с уссурийским тигром.	123
Глава 3. В огне испытания.	128
Глава 4. Дальнейшая служба.	134
Глава 5. Летчик первого класса.	141
Глава 6. Важное решение	145
Глава 7. Воспоминания	152
Глава 8. Домой	158

ЧАСТЬ 3 ЖИЗНЬ НА ГРАЖДАНКЕ

Глава 1. Главный механик	168
Глава 2. Николай и гипнотизер	171
Глава 3. Последствия встречи с артистами	174
Глава 4. Новые испытания	182
Глава 5. Общественный суд	189
Глава 6. Трудоустройство в Средней Азии	196
Глава 7. Разделение	203
Глава 8. Женильба	207

ЧАСТЬ 4 ДУХОВНОЕ СЛУЖЕНИЕ

Глава 1. Подготовка к служению	218
Глава 2. Избрание на пресвитерское служение	220
Глава 3. Трудности в служении	233
Глава 4. Благословения и радости в служении	279

ЧАСТЬ 5 СЛУЖЕНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Глава 1. Переезд в Санкт-Петербург	342
Глава 2. Работа и служение в Санкт-Петербурге	344

ЧАСТЬ 6 В АМЕРИКЕ

Глава 1. Заграничная жизнь	364
Глава 2. Служение в Америке	369
Глава 3. В госпиталях	370
Глава 4. Возрождение к жизни	373

Николай Сизов

Один из сонма

Директор: Павел Давидюк

Редакторы: Валентина Новомирова, Вальдемар Цорн

Корректор: Ирина Никольская

Компьютерная верстка: Андрей Цорн

Свидетельство о государственной регистрации, № 1 074 107 0004 023994,
выдано Шевченковской районной в г. Киеве
государственной администрацией 13.10.09

Изд. № 01.431. Подписано в печать 18.01.13

Бумага 80 гр. Lux Cream. Формат 84x108/32

Гарнитура: AcademyC, AcademyC Bold, BetinaScriptC,

JournalSansC, JournalSansC Bold

Печать офсет. Усл. печ. л. 21. Тираж 6 000 экз. Заказ № 00607233

УМО «Свет на Востоке», ул. Хорольская, 30, 02090, г. Киев, Украина

Отпечатано в типографии CPI books GmbH,
Eberhard-Finckh-Straße 61, 89075 Ulm, Germany

Автор приглашает читателя пройти с ним по вехам его жизни, начиная от рождения в Кулундинской степи в голодные годы и до последних лет в эмиграции. Книга будет интересна и полезна всем, интересующимся историей евангельского движения в Советском Союзе и жизнью верующих во времена гонений.

Николай Никитович СИЗОВ (1933-2003)

